A1 7/102
m. 1

A 17/102

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПЛАТОНА

Митрополита Московскаго.

А 1 7/102

Книга 1.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ
РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ за 1913 г.
Редакторъ Е. А. Половицкій. Издатель П. П. Сойкинъ.

A 1 7/102

Иоанн
Митрополит Московский.

тип. П. П. СОЙНИНА

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ПЛАТОНА

(ЛЕВШИНА)

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Томъ I.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб. Стремянная, 12, собств. д.

БИБЛИОТЕКА Г. И. Ш.
№ 729
14-II 1931 г.

Платонъ Левшинъ, митрополитъ Московскій, и его сочиненія.

29-го іюня 1737-го года, въ день первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, въ селѣ Чашниковѣ (что на большой Петербургской дорогѣ), въ 40 верстахъ отъ Москвы, въ домѣ скромнаго причетника Георгія Данилова родился сынъ, нареченный Петромъ: то былъ впослѣдствіи „Русскій Златоустъ“, Платонъ, митрополитъ Московскій.

Обычная для бѣднаго дьячковскаго сына суровая школа тяжелаго труда предстояла ребенку. На шестомъ году отъ роду Петра стали учить русской грамотѣ, т. е., по тогдашнему заведенію, азбукѣ, часослову и псалтири, а потомъ писать; на восьмомъ году онъ уже читалъ и пѣлъ повседневные церковные стихи и по навыку могъ одинъ на клиросѣ отправлять все пѣніе божественной литургіи. Вскорѣ настало время Петру оставить домъ родительскій и вступить въ училище, такъ какъ духовное начальство требовало, чтобы всѣ священнослужители приводили дѣтей своихъ въ Коломенскую семинарію; и Петръ Даниловъ былъ отданъ въ эту семинарію, а оттуда, по просьбѣ отца, ставшаго уже Московскимъ священникомъ, вмѣстѣ съ братомъ Александромъ (впослѣдствіи протоіереемъ Московскаго Успенскаго собора), былъ переведенъ изъ епархіи Коломенской въ Московскую славяно-греко-латинскую академію (въ Заиконоспасскій монастырь), гдѣ принялъ фамилію Левшинова, а позднѣе Левшина. Петръ и Александръ Левшины жили у старшаго брата своего Тимоѳея (пономаря при храмѣ Св. Софіи-Премудрости Божіей, что въ Среднихъ Набережныхъ Садовникахъ), а потомъ у родственника ихъ, дьякона при церкви Спаса въ Спасской, при коей и отецъ ихъ, Георгій, впослѣдствіи былъ викарнымъ священникомъ.

Ходя босикомъ въ училище, съ грошомъ на обѣдъ, по своей бережливости и по скудости родителей, Петръ Левшинъ носилъ въ

рукахъ свои сапоги, чтобы не истаскать ихъ, и надѣвалъ ихъ только при входѣ въ Академію. Однако, нужда не угнетала бодраго духа способнаго мальчика, и онъ, путемъ неусыпнаго труда, достигалъ просвѣщенія и славы. Все преподававшееся въ то время въ Академіи Левшинъ изучилъ въ совершенствѣ и, пристрастившись къ наукамъ, онъ всюду и всемѣрно искалъ средствъ къ образованію себя. Не имѣя у себя даже многихъ необходимыхъ книгъ, онъ услугою и ласкою доставалъ ихъ у товарищей для списыванія, или прочтенія. Такъ, выпросивъ у товарища греческую грамматику Лащевскаго и тщательно переписавъ всю ее, Левшинъ началъ самъ учиться по этой грамматикѣ, а въ затруднительныхъ мѣстахъ спрашивалъ изъясненія у знатоковъ; помимо того, ходилъ въ сосѣдній греческій монастырь къ церковнымъ службамъ, во время коихъ и прислушивался и научался чтенію, пѣнію и разумѣнію греческихъ словъ и выраженій, и мало по малу достигъ того, что могъ понимать греческихъ писателей и объясняться на греческомъ языкѣ. Потомъ, ставши въ Академіи учителемъ греческаго языка, Левшинъ приводилъ самого себя въ примѣръ ученикамъ своимъ, называя себя „самоучкою“,—каковымъ самоучкою онъ былъ и во французскомъ языкѣ и географіи. Исторіи Петръ Левшинъ также не учился въ Академіи, но, какъ самъ свидѣтельствуетъ,—„знаніе исторіи пріобрѣлъ всегдашнимъ читаніемъ историческихъ книгъ, къ чему прилежалъ чрезъ всю жизнь свою, и не было для него пріятнѣе упражненія, какъ чтеніе исторіи всей вообще и своей отечественной“.

Склонный къ духовному, Платонъ Левшинъ чуждался всего мірского и свѣтскаго, даже отказался вступить въ открытый (въ 1755 г., по близости къ Академіи) Московскій университетъ, куда былъ назначенъ въ студенты съ другими академистами. Но за два года до окончанія четырехлѣтняго курса богословія онъ былъ оставленъ при Академіи въ качествѣ учителя піитики и греческаго языка; а вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было вести въ Академіи катехизическія бесѣды (въ катехизическомъ порядкѣ пояснять церковно-библейскія книги). На этой должности открылся необычайный ораторскій талантъ молодого Левшина. Обладая внѣшними и внутренними качествами витіи, онъ успѣлъ заслужить всеобщее удивленіе и любовь: слушать молодого проповѣдника собиралась едва-ли не вся Москва, гдѣ называли его то вторымъ „Златоустомъ“, то Московскимъ „апостоломъ“. Къ его проповѣдническої каѳедрѣ матери приводили дѣтей своихъ, чтобы они слушали и помнили такого учителя; многіе почитали за счастіе знакомство съ Левшинымъ, старались наперерывъ оказать ему свое усердіе и уваженіе.

Уже оканчивался годъ толкованію Левшинымъ катехизиса, какъ неожиданно онъ получилъ изъ Петербурга, отъ придворнаго проповѣд-

ника—знаменитаго Гедеона Криновскаго, архимандрита Троице-Сергіевской лавры, приглашеніе въ учители риторики въ Троицкую семинарію (основанн. въ 1742 г. и подчиненную лаврскому архимандриту). Вслѣдъ за симъ послѣдовалъ и указъ Св. Сунода, утверждающій Петра Егоровича Левшина въ этой должности; и онъ, вынужденный разстаться съ Москвою, 19 іюня 1758 г. отправился въ Троице-Сергіеву лавру. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ отъ Гедеона письмо, въ коемъ тотъ писалъ, между прочимъ: „Я очень радъ, что вы—у насъ, въ лаврѣ; но еще больше радость моя умножится, когда услышу, что вы и монашескій въ ней приняли образъ“. Не взирая на свою склонность и подготовленность къ монашеству, Петръ Егоровичъ поколебался духомъ, взволнованнымъ мыслію о трудности и важности принимаемыхъ имъ на себя обѣтовъ; даже любимая имъ мать не совѣтовала ему принимать на себя такіе обѣты. Ему во цвѣтѣ лѣтъ предстояло умереть для міра, и онъ, проведши всю ночь въ борьбѣ съ самимъ собою, наконецъ, рѣшился принять иноческій образъ. Наканунѣ праздника Успенія Божіей Матери, въ 1758 г., на 21 году отъ рожденія своего, Петръ Егоровичъ Левшинъ былъ постриженъ въ монашество, съ именемъ Платона,—своимъ прежнимъ товарищемъ, намѣстникомъ лавры Гавріиломъ Петровымъ, впослѣдствіи митрополитомъ Новгородскимъ. Спокойный духомъ, довольный своимъ состояніемъ, юный инокъ жилъ въ любимомъ уединеніи, проходя учительскую и катехизаторскую должность. Въ томъ же году онъ былъ посвященъ во іеродіакона въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, а въ 1759 г. въ іеромонаха въ крестовой церкви на Петербургскомъ Троицкомъ подворьѣ и, вмѣстѣ съ принятіемъ сана, сдѣланъ префектомъ Троицкой семинаріи, а въ 1761 г. занялъ мѣсто ректора ея.

Еще быстрѣе пошло возвышеніе Платона съ воцареніемъ императрицы Екатерины II. Когда послѣ коронаціи, въ маѣ 1763 г., эта императрица прибыла въ обитель преподобнаго Сергія, то ее встрѣтилъ въ лаврѣ Платонъ (тогда уже намѣстникъ лавры) торжественнымъ словомъ, окруженный воспитанниками семинаріи, съ вѣнками на головахъ и пальмами въ рукахъ, съ пѣніемъ нарочито сочиненной Платономъ оды. На другой день, за литургіею, въ присутствіи Императрицы и членовъ Св. Сунода, Платонъ сказалъ проповѣдь: „О пользѣ благочестія“, представивъ саму Императрицу примѣромъ основы всѣхъ добродѣтелей. И проповѣдь и проповѣдникъ такъ понравились Государынѣ, что она изъявила ему свое благоволеніе въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, слово его тогда же велѣла напечатать, а его удостоила пригласить къ обѣденному столу своему. По возвращеніи изъ Ростова въ лавру, Императрица посѣтила Троицкую семинарію, гдѣ питомцы оной произнесли, въ честь ея, стихи и рѣчи, а ректоръ привѣтствовалъ Государыню торже-

ственнымъ словомъ. Тогда же происходили диспуты, причемъ любознательная Императрица предложила Платону изъяснить нѣкоторыя важныя положенія изъ богословія и состязаться объ оныхъ на латинскомъ языкѣ. Между прочимъ, Государыня спрашивала Платона: „Почему онъ избралъ монашескую жизнь?“ — „По особой любви къ просвѣщенію“,—отвѣчалъ Платонъ. На это Императрица возразила: „Да развѣ въ мірской жизни нельзя пещись о просвѣщеніи своемъ?“ На сей внезапный искусительный вопросъ Императрицы, хорошо знавшей сердце человѣческое, не безъ смущенія отвѣчалъ юный, цвѣтущій здоровьемъ и красотою, инокъ: „можно, но не столь удобно, имѣя жену и дѣтей и другія суеты мірскія, сколько въ монашеской жизни, гдѣ онъ по всему свободенъ“... Государыня осталась довольною и объясненіями на предложенные сю вопросы и состязаніями учащихся, и изъявила свое благоволеніе Платону, удостоивъ его благосклонной бесѣды и обѣденнаго стола, послѣ коего Платону было объявлено о назначеніи его въ учители богословія наслѣднику престола, великому князю Павлу Петровичу. Тогда Платону минуло лишь 26 лѣтъ, онъ былъ въ полнотѣ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Простившись съ Сергіевою лаврою, Платонъ, въ іюлѣ 1763 года, отправился въ Петербургъ на новое, противоположное монастырскому и школьному, поприще. Вполнѣ сознавая всю трудность своего положенія, Платонъ пользовался опытностью благорасположенныхъ къ нему царедворцевъ и, самъ наблюдая за собою, умѣлъ оправдать свое высокое назначеніе. Свои уроки Наслѣднику престола, тогда бывшему 9 лѣтъ отъ роду, Платонъ началъ въ присутствіи Государыни своею рѣчью „О пользѣ и важности сего ученія“. И послѣ, когда юный Цесаревичъ обнаруживалъ нетерпѣливость, оберъ-гофмейстеръ, графъ Панинъ, останавливалъ его напоминаніемъ понравившейся ему проповѣди Платоновой на текстъ: „Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши“. Занимаясь воспитаніемъ и обученіемъ своего питомца въ духѣ благочестія, Платонъ, въ то же время, постоянно проповѣдывалъ въ придворной церкви, ежегодно самъ преподавалъ Св. Тайны Августѣйшему питомцу, причемъ привѣтственное его слово было всегда назидательнымъ для причастника и умилительнымъ для матери, которая раздѣляла съ сыномъ благочестивыя слезы. Однажды, внимая поученію законоучителя въ день рожденія и причащенія Великаго Князя, Императрица растрогалась до слезъ и выразилась такъ: „Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ: хочетъ онъ, чтобы мы плакали, мы плачемъ“. Въ другой разъ, въ проповѣди о милосердіи, Платонъ сильно вооружался противъ тѣхъ, кои, расточая свое имѣніе на суетныя вещи, оставляютъ бѣдныхъ безъ всякой помощи. Императрица на сей разъ сказала

окружавшимъ ее: „Отецъ Платонъ сегодня былъ сердитъ; однако же очень хорошо сказывалъ—удивительный даръ слова имѣетъ“. На это одинъ изъ вельможъ замѣтилъ Государынѣ, что проповѣдникъ при Дворѣ всегда покажется сердитымъ, когда будетъ говорить прямо истину... И при другихъ случаяхъ законоучитель проповѣдывалъ въ придворной церкви въ Петербургѣ, а иногда въ Сергіевской пустыни, близъ Петергофа, удивляя всѣхъ талантомъ своего краснорѣчія. Особенное благоволеніе Государыни и удивленіе всѣхъ слушателей вызвало слово Платона, сказанное имъ (послѣ блистательной побѣды надъ турецкимъ флотомъ) въ Петропавловскомъ соборѣ, при гробѣ основателя россійскаго флота, императора Петра Великаго. Исчисливъ труды и побѣды преобразователя Россіи, ораторъ вдругъ сошелъ съ каѳедры, приблизился къ его гробницѣ и, коснувшись покрова ея, воскликнулъ: „Возстань теперь, великій монархъ, отецъ отечества нашего, возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе твое: оно не истлѣло отъ времени и слава его не помрачилась. Возстань и насладись плодами трудовъ твоихъ! флотъ, тобою устроенный, уже не на морѣ Черномъ, не на океанѣ Сѣверномъ, но гдѣ?—Онъ на морѣ Средиземномъ, въ странахъ восточныхъ, въ Архипелагѣ, близъ стѣнъ константинопольскихъ, въ тѣхъ т. е. мѣстахъ, куда ты нерѣдко обращалъ око свое. Слыши: мы вѣщаемъ тебѣ, какъ живому. Слыши: флотъ твой въ Архипелагѣ близъ береговъ азійскихъ, истребилъ оттоманскій флотъ. Россійскіе высокопарные орлы, торжествуя, именемъ твоимъ наполняютъ весь востокъ и стремятся предстать предъ стѣны византійскія“. Такой внезапный переходъ рѣчи проповѣдника, такое смѣлое и необыкновенное ораторское движеніе поразили слушателей изумленіемъ и даже невольнымъ страхомъ; стоявшій возлѣ гробницы Петра Великаго его правнукъ, цесаревичъ Павелъ Петровичъ, испугался, какъ онъ самъ послѣ высказался Платону, что „прадѣдушка встанетъ“. Извѣстный своею добродушною остротою графъ К. Гр. Разумовскій, услыхавъ воззваніе Платона къ Петру I, тихонько сказалъ окружавшимъ: „Чего вінъ его кличе? Якъ встане, то всѣмъ достанется“. Эта проповѣдь Платонова во французскомъ переводѣ была отправлена Императрицею къ Вольтеру, который отвѣчалъ Государынѣ: „Сія рѣчь, обращенная къ основателю Петербурга и вашихъ флотовъ, есть, по моему мнѣнію, знаменитѣйшій въ свѣтѣ памятникъ; я думаю, что никогда и ни одинъ ораторъ не имѣлъ столь счастливаго предмета для слова своего, не исключая и греческаго Платона“.

Дворъ императрицы Екатерины II былъ для Платона новою школою, гдѣ онъ почерпнулъ важныя для проповѣдника познанія о свѣтѣ, замѣтныя въ его проповѣдяхъ: тамъ онъ былъ окруженъ разными людьми, особенно учеными иностранцами, съ коими любилъ бесѣ-

довать для пользы пытливаго ума своего. Въ то время общественнымъ мнѣніемъ завладѣли западные энциклопедисты: подъ обольстительнымъ видомъ моды, путемъ просвѣщенія и воспитанія благороднаго юношества, проникли и въ Россію ихъ нечестивыя мысли, кои разсѣивали французскіе гувернеры и собесѣдники въ знатныхъ домахъ. Платонъ, ополченный св. вѣрою, при чистотѣ ума своего, легко понялъ весь вредъ лжеученія энциклопедистовъ и въ письмѣ къ графу Остерману, между прочимъ, писалъ: „Вновь проникшія философскія правила, угрожающія не только религіи, но и политической основательной связи, требуютъ всеприлежной осмотрительности“. При Дворѣ Платону нерѣдко приходилось лицомъ къ лицу встрѣчаться съ приверженцами лжеименной философіи, которые, подъ видомъ невѣдѣнія и сомнѣнія, искушали юнаго инока; но силою правды и убѣдительностію слова онъ поражалъ ихъ лжемудрованія, такъ что заграждалъ имъ уста. Такъ, союзникъ Вольтеровъ и глава якобинцевъ, Дидро, коего предназначали было уже воспитателемъ Наслѣдника россійскаго престола, увидѣвшись съ его законоучителемъ, Платономъ, хотѣлъ привести въ замѣшательство и высмѣять юнаго еще инока—такимъ дерзкимъ воззваніемъ: „Знаете ли, святой отецъ, философы говорятъ, что нѣтъ Бога“... „Это прежде ихъ сказано“,—скромно отвѣчалъ законоучитель. „Когда и кѣмъ“—съ нетерпѣніемъ спросилъ Дидро. — „Пророкомъ Давидомъ“,—подтвердилъ Платонъ: „рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ, а ты устами произносишь“. Пристыженный такимъ отвѣтомъ, Дидро умолкъ, вынужденъ былъ отказаться отъ предложенія воспитывать Наслѣдника всероссійскаго престола и отправился во Францію, не посѣявъ у насъ тѣхъ плевелъ, кои тамъ породили революцію со всѣми ея бѣдствіями и ужасами.

На законоучителя цесаревича Павла Петровича возлагались императрицею Екатериною II разныя нелегкія обязанности, кои онъ всегда исполнялъ съ честію. Такъ, вмѣстѣ съ двумя іерархами—Иннокентіемъ Пензенскимъ и Гавріиломъ Тверскимъ, онъ просматривалъ сочиненный Императрицею (въ 1766 г.) „Наказъ для комиссіи“. Въ 1766 г. Платонъ (по случаю самовольно сожегшихся въ Зеленецкомъ монастырѣ изступленныхъ суевѣровъ) написалъ: „Отъ православно-каѳолическія восточныя Христовы Церкве увѣщаніе бывшимъ своимъ чадомъ, нынѣ недугомъ раскола немоществующимъ“, тогда же изданное при Св. Сунодѣ вмѣстѣ съ чиноположеніемъ, какъ принимать обращающихся къ православной церкви. Платоново „Увѣщаніе раскольникамъ“, въ самоубійствѣ искавшимъ мнимой славы мученичества,—увѣщаніе, выражающее болѣе скорбь о заблудшихъ, чѣмъ судъ надъ упорными, — болѣе дышущее любовію, чѣмъ неумолимою правдою, нашло себѣ доступъ къ серд-

цамъ многихъ, желавшихъ познать истину. За успѣшное и ревностное исполненіе возложенныхъ порученій, іеромонахъ Платонъ, по именному повелѣнію, былъ посвященъ въ архимандрита Троице-Сергіевой лавры (1776 г. іюля 16-го) въ Петергофѣ, и въ этомъ званіи занялъ Троицкое подворье въ Петербургѣ, вступивъ въ управленіе многосложными дѣлами того монастыря, гдѣ онъ былъ постриженъ въ монашество, священнодѣйствовалъ, проповѣдывалъ и училъ. Когда въ 1767 г. Императрица со всѣмъ Дворомъ своимъ собралась въ Москву, то новый архимандритъ Троице-Сергіевой лавры былъ отпущенъ во ввѣренную ему паству, ожидавшую многаго отъ попеченій своего настоятеля. По прибытіи Двора въ Москву, прибылъ туда и Платонъ для исполненія обязанностей законоучителя и придворнаго проповѣдника. Тогда же онъ занялся окончаніемъ построекъ на Троицкомъ подворьѣ (что на Самотекѣ): крестовая церковь при подворьѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ была готова, и 18-го августа освящена въ присутствіи Августѣйшаго ученика, цесаревича Павла Петровича, который на новосельѣ у Платона имѣлъ обѣденный столъ. Между тѣмъ, Екатерина II пѣшкомъ со свитою направилась на праздникъ препод. Сергія 5-го іюля въ лавру Сергіеву, и тамъ архимандритъ Платонъ привѣтствовалъ ее, какъ „матерь господа своего“ (по выраженію самого Платона). Довольная порядками въ монастырѣ и семинаріи, Императрица изъявила ему свое благоволеніе и пожаловала значительную сумму денегъ на окончаніе огромной и, въ своемъ родѣ, единственной колокольни, которая строеніемъ начата была еще при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ.

По возвращеніи въ Петербургъ, Платонъ, на 30-мъ году жизни своей, былъ именованъ членомъ Св. Синода, а въ 1770 году посвященъ, въ присутствіи Государыни, въ архіепископа Тверского и оставленъ архимандритомъ столь любимой имъ Троице-Сергіевой лавры. Въ то время Платону было только 33 года. Возблагодаривъ императрицу рѣчью за ея милости, новый Тверской архіепископъ отправилъ къ новой паствѣ своей печатное пастырское посланіе, которое и было читано тамъ во всѣхъ церквахъ, а вскорѣ затѣмъ и самъ Платонъ отправился въ свою епархію, гдѣ и провелъ шесть мѣсяцевъ въ ревностномъ исполненіи дѣлъ высокаго званія своего. Занявъ Тверскую каѳедру, Платонъ показалъ, что онъ обладаетъ громадными дарованіями администратора: образованіе духовенства, матеріальная обезпеченность его, благолѣпіе церквей, благоустройство обителей—все было приведено трудами сего архипастыря въ цвѣтущее состояніе. Попеченіемъ Платона, между прочимъ, былъ разобранъ и вновь построенъ Тверской каѳедральный соборъ, стѣны его благолѣпно расписаны, иконостасъ и престолъ обновлены и устроены двое хоровъ; увидѣвъ этотъ соборъ, импера-

трица Екатерина II сказала Платону: „Вы такъ украсили соборъ, что я подобно красиваго мало видала“.

Между тѣмъ, въ Петербургъ прибыла невѣста цесаревича, великаго князя Павла Петровича, принцесса Гессенъ-Дармштадтская Вильгельмина и архіепископъ Тверской Платонъ, по желанію принцессы и ея матери, читавшихъ въ переводѣ Платоново богословіе, былъ избранъ въ законоучители будущей супругѣ Августѣйшаго ученика. Ея мати говорила архіепископу, что „не польстилась бы на всѣ царства міра, когда бы не была увѣрена, что дочь ея спасется и въ этомъ законѣ, какъ христіанскомъ, если только пребудетъ добродѣтельною“. Объ этомъ событіи писала Вольтеру письмо императрица Екатерина II: „Обращеніе Гессенъ-Дармштадтской принцессы произведено стараніемъ и убѣжденіемъ архіепископа Платона, который принялъ ее въ нѣдра греко-каѳолической соборной Церкви, единой православной, на востокѣ основанной“. Приготовивъ принцессу Вильгельмину къ принятію исповѣданія греко-россійской Церкви, архіеп. Платонъ торжественно присоединилъ ее къ Церкви, съ именемъ Наталіи, пріобщилъ Св. Таинъ, привѣтствовалъ назидательнымъ словомъ. Впрочемъ, сей великой княгинѣ—Наталіи Алексѣевнѣ вскорѣ суждено было промѣнять брачный вѣнецъ на смертный (въ 1776 г.), а Платону — произнести надгробное слово при погребеніи ея, и его слово свидѣтельствовало о тѣхъ чувствованіяхъ, коими исполнено было сердце духовнаго витіи— ея законоучителя, духовнаго отца и друга. Совершеніе брака цесаревича Павла Петровича съ великою княжною Наталіею Алексѣевною (въ 1773 г.) было окончаніемъ его богословскаго ученія, и архіепископъ Платонъ за уроки въ теченіе десяти лѣтъ былъ награжденъ пожизненною пенсіею въ тысячу рублей и вскорѣ возвратился на свою паству Тверскую.

Въ то время, какъ архіепископъ Платонъ устраивалъ Тверскую паству, въ Москвѣ боролся съ закоренѣлыми предразсудками, суевѣріями и злоупотребленіями архіепископъ Московскій Амвросій (Зертисъ-Каменскій). Наступилъ роковой годъ для сего ревностнаго архипастыря Московскаго, годъ 1771-й. Въ день Богоявленія онъ служилъ въ Успенскомъ соборѣ, и, при вознесеніи его имени, протодіаконъ по ошибкѣ вмѣсто „Амвросія“ возгласилъ „Платона“. Такая обмолвка была предвѣстіемъ. Архіепископъ Амвросій не могъ скрыть своего неудовольствія и сказалъ протодіакону: „Сбываешь что ли меня?“ Въ сентябрѣ того же года въ Москвѣ открылась чума, за ней слѣдовалъ бунтъ и убіеніе архіепископа Амвросія разъяренною чернію. Послѣ мученической кончины его, Московская паства оставалась безъ архипастыря: Государыня, какъ бы въ наказаніе, болѣе трехъ лѣтъ не назначала въ Москву епархіальнаго архіерея и сама не посѣщала ея.

Въ началѣ 1775 г. Императрица направилась въ Москву чрезъ Тверь, и здѣсь встрѣчавшему ее архіепископу Платону собственноручно вручила указъ о переводѣ его въ архіепископы Московскіе, съ удержаніемъ за нимъ и мѣста архимандрита Троице-Сергіевой лавры *). Тяжело было Платону разстаться съ Тверскою епархіею, составлявшею предметъ его попеченій. Къ сожалѣнію его объ этой разлукѣ присоединился страхъ вступить на іерархескій престолъ, обагренный кровію Амвросія, ставшаго жертвою своей ревности по истинѣ; извѣстны были также запутанность и разстройство дѣлъ епархіальныхъ въ многолюдной столицѣ. Все это заставило Платона просить Императрицу объ увольненіи его отъ Московской епархіи, но Государыня возвратила эту просьбу съ собственноручною надписью: „держусь моего указа“; и архіепископъ Платонъ, прибывъ въ Москву въ праздникъ Срѣтенія Господня, вступилъ въ Архангельскій каѳедральный соборъ, гдѣ и встрѣченъ былъ Московскимъ духовенствомъ.

Въ Московской епархіи архіепископу Платону снова пришлось проявить свой администраторскій талантъ и положить много труда на пользу дѣлъ ея. И немного прошло времени, какъ епархія Московская стала неузнаваема: священническія и діаконскія мѣста были заняты людьми достойными, образованными; уничтоженъ былъ извѣстный „крестецъ“ у Спасскихъ воротъ, на которомъ собирались запрещенные священники („крестцовые“) и нанимались служить обѣдни и молебны; изданы были многія распоряженія, касавшіяся нравственнаго улучшенія духовенства и его быта; дотолѣ царившее въ духовенствѣ мздоимство было уничтожено. Сравнивая прежнее состояніе духовенства съ современнымъ себѣ, Платонъ просто говорилъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ: „Я засталъ духовенство въ лаптяхъ, а обулъ его въ сапоги, изъ прихожихъ ввелъ въ залы къ господамъ“. Не мало времени и труда удѣлялъ архіеп. Платонъ на приведеніе въ порядокъ и сильно разстроенной хозяйственной экономической стороны своей каѳедры. Архіерейскій домъ въ Кремлѣ былъ разграбленъ и разоренъ во время народнаго бунта и убіенія преосвященнаго Амвросія. Получивъ, безъ просьбы своей, отъ Монаршихъ щедротъ 40.000 р. на построеніе новаго дома, Платонъ соорудилъ грандіозное зданіе, обращенное потомъ въ Николаевскій дворецъ, гдѣ въ 1818 г. увидѣлъ свѣтъ государь императоръ Александръ II; возобновилъ и украсилъ Чудовскія церкви, возобновилъ и благоустроилъ заброшенный домъ митрополита Тимоѳея (Щербацкаго) въ с. Черкизовѣ, любимомъ лѣтнемъ пріютѣ Московскихъ

*) Съ этого времени, т. е. съ архіепископа Платона Левшина, архіепископы и митрополиты Московскіе стали именоваться „священно-архимандритами Свято-Троицкія Сергіевы лавры“.

святителей. Хозяйственная дѣятельность митр. Платона проявлена была имъ и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ, и при другихъ случаяхъ.

Въ день тезоименитства своего, 18-го ноября 1775 г., архіепископъ Платонъ получилъ указъ о назначеніи его въ директоры Московской духовной академіи, и со всѣмъ рвеніемъ занялся преобразованіемъ ея, какого она требовала, для пользы духовенства, во внѣшнемъ ея бытѣ и во внутреннемъ развитіи. При Платонѣ Левшинѣ Академія оправдала свое названіе „славяно-греко-латинской“, ибо давала совершенное знаніе всѣхъ трехъ языковъ. Но одно учебное образованіе безъ нравственнаго Платонъ признавалъ несовершеннымъ и часто спрашивалъ кончалыхъ богослововъ: „Вы вѣдь прошли всѣ школы: Христову-то школу прошли ли?“... „Наблюдайте сей долгъ предъ Богомъ всеприлежно, — внушалъ онъ начальству академическому,—чтобы не только учительствомъ, но еще болѣе честнымъ житіемъ юношество наставляли, такъ же и объ ученикахъ, чтобы не только въ наукахъ, но еще болѣе въ добродѣтели преуспѣвали“. „Наблюдайте, чтобы болѣе моральными, нежели физическими наказаніями ученики къ своей должности были приводимы“; „Ученіе, дабы было дѣйствительно, зависитъ не столько отъ остроумія и краснорѣчія, сколько отъ чистоты и непорочности сердца учителей“... Такъ высоко смотрѣлъ архіепископъ Платонъ на учено-нравственное образованіе будущихъ пастырей и учителей Церкви!

Троицкая семинарія при Платонѣ также была приведена въ цвѣтущее состояніе, и въ похвалу ея довольно сказать то, что изъ нея вышли сряду три преемника Платона—Московскіе архипастыри: Августинъ, Серафимъ и Филаретъ, Новгородскіе митрополиты: Амвросій и Михаилъ и многіе другіе іерархи... Такъ какъ, въ концѣ 18-го вѣка, Платонъ пребывалъ чаще въ Виѳаніи, то Виѳанская семинарія составляла особенный предметъ попеченій и заботъ его. Рѣдкій вечеръ Платонъ не посѣщалъ ея, почти каждую субботу приходилъ въ аудиторію семинаріи слушать проповѣди семинаристовъ, предварительно имъ просмотрѣнныя, поправлялъ юныхъ ораторовъ въ произношеніи и движеніи съ живымъ участіемъ и снисхожденіемъ, такъ что талантъ былъ возвышаемъ и посредственность не унижалась. Этотъ ревнитель духовнаго просвѣщенія и покровитель дарованій радовался всякому проблеску таланта, всякому успѣху въ наукахъ; достаточно вспомнить объ отношеніяхъ Платона къ воспитанникамъ: Виноградскому, Глаголевскому, Дроздову, Клементьевскому (впослѣдствіи архіепископу Августину, митрополитамъ: Серафиму, Филарету, Никанору). Въ пособіе Московской академіи директоромъ ея было устроено въ подмосковномъ Перервинскомъ монастырѣ духовное училище; по его же мысли было открыто нѣсколько другихъ духовныхъ училищъ: въ Калугѣ, Звениго-

родѣ, Дмитровѣ. Впослѣдствіи времени (въ 1789 г.), желая „подать помощь бѣднымъ, но благоуспѣшнымъ и благонравнымъ ученикамъ, а Церковь снабдить хорошими служителями", Платонъ положилъ въ Опекунскій Совѣтъ капиталъ съ тѣмъ, чтобы на проценты его содержались по пяти студентовъ въ Московской академіи, Троицкой семинаріи и Перервинскомъ училищѣ. Эти питомцы, дававшіе обязательство по окончаніи курса ученія оставаться въ духовномъ званіи, именовались „платониками" и фамилію „Платоновыхъ" удерживали по выходѣ изъ училища для сохраненія благодарной памяти о своемъ воспитателѣ и покровителѣ.

Съ такою ревностью по вѣрѣ православной и просвѣщенію, съ такою же попечительностью о внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ Московской паствы, началось и потомъ продолжалось управленіе Платоново, такъ что первый годъ его служенія удостоенъ былъ особеннаго благоволенія Императрицы и ознаменованъ многими ему наградами и милостями, каковыя всѣ записаны въ его памятной книжкѣ. Исчисливъ всѣ Монаршія награды (числомъ 20 въ одномъ 1775 г.) и преимущества, коими не пользовались его предшественники (Платонъ Малиновскій, Тимоѳей Щербацкій и Амвросій Зертисъ-Каменскій), Платонъ заключаетъ это исчисленіе смиреннымъ воззваніемъ: „что есмь, Господи, яко помниши мене"... Попрежнему Платонъ исполнялъ и разныя порученія Императрицы. Такъ, по Высочайшему повелѣнію, онъ пересматривалъ напечатанныя въ типографіи извѣстнаго масона Новикова и въ вольныхъ—книги сомнительнаго содержанія и далъ о нихъ Государынѣ свой отзывъ. Безъ его цензуры и «аппробаціи» не печаталось ни одно сочиненіе Вольтера. По порученію императрицы Екатерины II, занимавшейся составленіемъ „Записокъ", Московскій архипастырь составилъ списокъ великихъ и удѣльныхъ князей россійскихъ, ихъ предковъ, женъ, дѣтей и потомковъ, погребенныхъ въ Московскихъ церквахъ съ обозначеніемъ ихъ рожденія и кончины... Когда наслѣдникъ, великій князь Павелъ Петровичъ, обручилъ себѣ невѣсту принцессу Вюртембергъ-Штутгардтскую Софію-Доротею, которая, съ именемъ Маріи и въ санѣ императрицы, увѣковѣчила себя благодѣяніями страждущему человѣчеству, Платонъ былъ опредѣленъ къ ней законоучителемъ для того, чтобы приготовить ее къ соединенію съ православною нашею Церковію. По исполненіи своей обязанности, архіепископъ Платонъ, при бракосочетаніи, привѣтствовалъ новобрачныхъ словомъ, и послѣ того, отправившись въ Калугу для открытія намѣстничества, возвратился въ Москву въ началѣ 1777 г. на дѣло своего званія. Этотъ подвигъ Платона Императрица признала „новымъ свидѣтельствомъ его усердія къ себѣ и любви къ отечеству".

Утомленный дѣлами, Платонъ неоднократно просилъ Императрицу и Великаго Князя уволить его отъ епархіи, дозволивъ жить въ Троицкой лаврѣ на покоѣ, но Императрица отвѣтила на просьбу Платона, что онъ и безъ увольненія можетъ быть свободнымъ, и предоставила его волѣ пребываніе въ Троицкой лаврѣ, съ дозволеніемъ (въ 1782 г.) поручить епархіальное управленіе, данному ему въ помощь, викарію. Съ тѣхъ поръ Платонъ болѣе уединялся въ Троицкую лавру, но посѣщалъ и Перервинскій монастырь, куда въ 1785 и 1786 г. лѣтомъ ходилъ пѣшкомъ изъ села Коломенскаго Великій князь Александръ Павловичъ къ божественной службѣ. Съ 1783-го года Платонъ занялся устроеніемъ себѣ пріюта для уединенія, для коего онъ пріобрѣлъ въ трехъ верстахъ отъ лавры среди рощъ, луговъ и прудовъ живописное мѣсто, и тамъ желалъ кончить дни свои въ безмятежной тишинѣ. Въ этой пустыни было устроено кладбище для погребенія лаврскихъ монаховъ, согласно съ указомъ, запрещающимъ погребеніе въ знаменитыхъ мѣстахъ, и „по причинѣ погребаемыхъ здѣсь братій въ надеждѣ воскресенія, по примѣру Лазаря воскресшаго, эта пустыня названа была Виѳаніею". По замыслу Платона и на его иждивеніе, въ Виѳаніи, послѣ переименованной монастыремъ, была сооружена, на подобіе Ѳавора, церковь, въ коей одинъ престолъ на горѣ—во имя Преображенія Господня, а подъ нимъ—вертепный храмъ Лазарева воскресенія, возобновляющій въ памяти палестинскую Виѳанію. Здѣсь, въ пещерѣ, приготовивъ себѣ мѣсто для погребенія, храмоздатель впослѣдствіи поставилъ дубовый гробъ, вмѣщавшій въ себѣ святыя мощи преподобн. Сергія. Разставивъ по хорамъ въ Виѳанской церкви изображенія святыхъ отцовъ, великихъ учителей Церкви и подъ ними икону Спасителя, Платонъ говаривалъ: „Вотъ—Христова Академія и съ Ректоромъ своимъ". Присоединивъ къ Виѳанской обители благочестія семинарію и богадѣльню, Платонъ тѣмъ выразилъ свою любовь къ просвѣщенію и истинному благотворенію.

Между тѣмъ, какъ Платонъ былъ озабоченъ устроеніемъ себѣ временнаго и вѣчнаго пріюта, императрица Екатерина II въ 1787 г. прибыла въ Москву. Архіепископу Платону минуло тогда полвѣка жизни. Наступилъ день его рожденія и мірского тезоименитства, общаго съ Августѣйшимъ его ученикомъ, великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Въ присутствіи Государыни, двухъ ея порфирородныхъ внуковъ, архіепископъ Платонъ въ день апостоловъ Петра и Павла совершалъ литургію въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ „задостойника" служившій вмѣстѣ съ нимъ духовникъ Государыни о. І. Памфиловъ въ уставленной молитвѣ провозглашаетъ Платона митрополитомъ Московскимъ, и то же велегласно повторяетъ придворный протодіаконъ въ царскихъ

вратахъ. Предполагая въ этой ошибкѣ умыселъ, Платонъ замѣтилъ Памфилову, что „сего не должно дѣлать при совершеніи Святыхъ Тайнъ“; но тотъ отвѣчалъ, что такъ велѣно. Какъ оказалось, все это предварительно такъ устроено было по распоряженію Императрицы, дабы неожиданностью и торжественностью придать болѣе важности наградѣ. Увѣрившись въ неожиданной милости Государыни, митрополитъ Платонъ изъ царскихъ дверей благодарилъ ее поклономъ, а послѣ литургіи словомъ и при выходѣ изъ собора въ бѣломъ клобукѣ, въ свою очередь, былъ привѣтствованъ съ восхищеніемъ народомъ.

Въ 1796-мъ году, 5-го ноября, императрицы Екатерины II не стало, и на престолъ вступилъ сынъ ея, ученикъ Платона, великій князь Павелъ Петровичъ. Свое вступленіе на престолъ императоръ Павелъ I ознаменовалъ, между прочимъ, дарованіемъ свѣтскихъ отличій русскому духовенству. Московскому митрополиту, 6 ноября 1797 г., пожалованъ былъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Но столь высокая награда не ослѣпила Платона. Держась словъ Духовнаго Регламента, что „дѣло епископовъ велико, но честь никаковая“, съ искренностью „вѣрнаго друга“, какимъ именовалъ его въ теченіе многихъ лѣтъ самъ Павелъ Петровичъ, и съ усердіемъ подданнаго, написалъ онъ письмо къ Государю противъ этого новаго установленія свѣтскихъ отличій для духовенства.

Въ мартѣ 1797-го года происходилъ торжественный въѣздъ императора Павла I въ Москву для священнаго коронованія. Участвуя при этой коронаціи вмѣстѣ съ Новгородскимъ митрополитомъ Гавріиломъ, митроп. Московскій Платонъ подносилъ Государю одѣяніе русскихъ царей, а потомъ порфиру. И когда муропомазанный Государь хотѣлъ войти въ царскія врата къ престолу, для принятія Св. Тайнъ, имѣя у себя шпагу при бедрѣ, то митроп. Платонъ остановилъ его слѣдующими словами: „Здѣсь приносится безкровная жертва, отъими, благочестивѣйшій государь, мечъ отъ бедра твоего“. Павелъ, съ издѣтства благочестивый, смиренно сложилъ съ себя оружіе и вступилъ въ алтарь. Послѣ коронаціи императоръ Павелъ Петровичъ, по примѣру предковъ своихъ, посѣтилъ Троице-Сергіевскую лавру. Митрополитъ Платонъ, не взирая на свой тяжелый недугъ, торжественно встрѣтилъ царственную чету привѣтственною рѣчью, будучи облаченъ самъ въ убогую ризу преподобн. Сергія и имѣя въ рукахъ посохъ Преподобнаго, какъ преемникъ его въ санѣ архимандрита Лавры. Удивленный и довольный такою встрѣчею, напоминавшею древнюю простоту и благочестіе въ убожествѣ великаго смиреніемъ мужа, Императоръ облобызалъ ветхую одежду, орошенную потомъ труда и слезами молитвы. Переночевавъ въ Лаврѣ, на другой день Императоръ и Императрица по-

сѣтили Виѳанію и здѣсь, съ подобающей торжественностью, были встрѣчены основателемъ обители. Въ ознаменованіе такого радостнаго для Виѳаніи дня посѣщенія Императорскаго Дома, митроп. Платонъ около своихъ келій соорудилъ скромный памятникъ, существующій донынѣ съ надписью: „1797 года, апрѣля 24. Почто, Виѳанія, сей годъ и день прославляеши? Яко державный Великій государь, императоръ Павелъ I и съ Государыней Императрицею и со всею Августѣйшей фамиліею благоволи посѣтити мя и вкусити здѣ трапезу". „Почто ты, пустыня, тако ликовствуеши? Яко того же года, мая 1 дня, Онъ, Великій государь, во второклассный монастырь преобрази мя и еще при мнѣ устроилъ быть училищу просвѣщенія". Эта надпись находится подъ аллегорической картиной, изображающей видъ Виѳанской обители.

Ополчаясь противъ лжеименной философіи, противъ гнѣздившихся въ паствѣ расколовъ, митрополитъ Платонъ неопустительно внушалъ православнымъ россіянамъ „имѣть сіе святое честолюбіе, чтобы намъ тщательно хранить святую древность и св. ея законы; дабы иноплеменные престали намъ быть наставниками, а паче отъ насъ научились вѣрѣ къ Богу и благимъ дѣламъ". Полагая также, что „ничѣмъ столько не унижается истина вѣры, какъ примѣсью лжей суевѣрныхъ", и возставая противъ гнѣздившихся въ паствѣ расколовъ, митрополитъ Платонъ силою убѣжденія, духомъ кротости и снисхожденія успѣлъ многихъ отпадшихъ отъ вѣры отеческой возвратить въ нѣдра православной Церкви и память свою тѣмъ увѣковѣчить въ ихъ семействахъ, донынѣ вспоминающихъ съ благословеніемъ имя его. Между прочимъ, въ 1800 году къ Московскому митрополиту поступила просьба отъ 250 московскихъ старообрядцевъ о дозволеніи построить имъ церковь, имѣть по согласію прихожанъ рукоположенныхъ отъ архіерея священниковъ и отправлять богослуженіе по старымъ книгамъ. Эту просьбу старообрядцевъ митр. Платонъ препроводилъ въ Св. Сунодъ при своемъ мнѣніи, въ коемъ полагалъ, чтобы присоединенныхъ къ православной Церкви не называть болѣе ни раскольниками, ни старообрядцами, а именовать „единовѣрцами или соединенцами" и церковь ихъ—„единовѣрческою". Мнѣніе и правила Платона объ единовѣріи были утверждены указомъ Государя, и первая единовѣрческая или, такъ называемая, „благословенная церковь" въ Москвѣ на Введенскомъ кладбищѣ, въ честь Введенія Божіей Матери, была освящена по благословенію митрополита Платона.

Между тѣмъ, англійскіе пытливые богословы, чрезъ полномочнаго министра при дворѣ Великобританскомъ, графа С. Р. Воронцова, отнеслись съ вопросами къ митрополиту Московскому о раздѣленіи и разности восточной церкви отъ западной, о св. крещеніи и поклоненіи св. иконамъ. Поводомъ къ тому было сочиненіе Дютенса о православной

греко-россійской церкви, которое доставилъ преосвященному при письмѣ гвардіи-капитанъ П. А. Яковлевъ. Митрополитъ, сообщивъ англійскимъ богословамъ замѣчанія свои объ этомъ важномъ и любопытномъ предметѣ (какъ говорятъ, писанныя подъ его руководствомъ Меѳодіемъ Смирновымъ), послалъ имъ и свое сочиненіе о „Христіанской Богословіи“ въ латинскомъ переводѣ, съ тою цѣлію, какъ выразился онъ въ посланіи своемъ,—„дабы изъ него лучше могли понять силу того ученія, коему слѣдуетъ греко-россійская церковь, и убѣдились бы, что люди чрезъ мѣру мудрствующіе, всегда покушаются смѣшивать древнее съ новымъ и неизвѣстное съ извѣстнымъ“. Замѣчанія и книга Платона приняты были въ Англіи съ уваженіемъ и переведены на англійскій языкъ; богословіе его употреблялось при богословскихъ лекціяхъ въ оксфордскомъ и глазговскомъ университетахъ. И другіе иностранные ученые въ Германіи, Италіи, Швейцаріи и Франціи, для распространенія своихъ познаній о духовномъ состояніи Россіи, старались заводить переписку съ Платономъ, имя котораго славилось въ Европѣ, что доказываютъ ихъ письма и отзывы о немъ въ сочиненіяхъ. — Сколько ни вызывалъ митр. Платона на сближеніе съ собою Римскій папа, самъ и чрезъ своихъ агентовъ, однако же—Платонъ, не терпѣвшій системы папизма, уклонился отъ сношеній съ римскимъ первосвященникомъ.

Въ сентябрѣ 1801 г. митрополиту Платону суждено было помазать на царство императора Александра I. При коронаціи этого государя Платонъ сказалъ знаменитую рѣчь, которая, по Высочайшему повелѣнію, была переведена на языки: латинскій, греческій, итальянскій, французскій и нѣмецкій, и которая навсегда останется назиданіемъ для государей и блестящимъ памятникомъ русскаго витійства. Въ напоминаніе священныхъ обязанностей повелителя народа митр. Платонъ, между прочимъ, говорилъ со дерзновеніемъ: „Предстанетъ лицу Твоему пространнѣйшая въ свѣтѣ имперія, и будетъ отъ мудрости Твоей ожидать во всѣхъ членахъ своихъ и во всемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства. Узриши сходящіе съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ отъ Судіи неба и земли: „да судиши судъ правый, и вѣсы Его да не уклониши ни на шуее, ни на десное“. Узриши, въ лицѣ благаго Бога, сходящее къ Тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши ко вручаемымъ Тебѣ народамъ. Достигнутъ престола Твоего вдовицы и сироты и бѣдные утѣсняемые во зло употребленною властію, да защитиши ихъ, да отреши ихъ слезы, и да устроиши ихъ вездѣ проповѣдывать Твою промыслительную державу. Предстанетъ и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ безъ всякаго отличія порожденій и происхожденій: взирай, вопіетъ, общій Отецъ, на права человѣчества! Мы равно всѣ чада Твои! Наконецъ, благочестію Твоему

предстанетъ и Церковь, сія мать, возродившая насъ духомъ, и къ Тебѣ, яко къ первородному Сыну своему, простретъ руки свои, и ими объявъ Твою любезнѣйшую выю, умолять не престанетъ: да сохранишь не для себя токмо, но паче да явиши собою примѣръ благочестія, и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства и невѣрія"...

Живя, съ соизволенія еще императрицы Екатерины II, въ Сергіевой лаврѣ и поручивъ управленіе викарію своему, митроп. Платонъ не переставалъ заниматься важнѣйшими дѣлами по епархіи: не пропускалъ случая и проповѣдывать, словомъ своимъ поражая буйное невѣріе и своеволіе, тогда заражавшія умы французовъ и поляковъ, не оставлялъ безъ вниманія и хозяйственной части, какъ благопопечительный хозяинъ и строитель. Для сего Платонъ нерѣдко пріѣзжалъ въ Москву, въ Перервинскую, Махрищскую и другія обители и пустыни Московской епархіи, обновленныя и украшенныя имъ, также посѣщалъ и любимые свои разсадники ученія, навѣдываясь объ успѣхахъ питомцевъ, кои привлекали на себя его зоркое вниманіе отличными дарованіями, примѣрнымъ прилежаніемъ къ наукамъ и хорошимъ поведеніемъ. Остатокъ жизни своей митроп. Платонъ провелъ отчасти въ путешествіи по Россіи, отчасти въ келейной жизни на Перервѣ. Еще въ августѣ 1792 г. съ благочестивою и любознательною цѣлью, было совершено Платономъ путешествіе въ Переяславль, Ростовъ, Ярославль, Кострому, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ и Александровъ; но у него было давнее желаніе побывать еще въ Кіевѣ, въ Россійскомъ Іерусалимѣ, для поклоненія святымъ угодникамъ. Чрезъ это путешествіе Платонъ надѣялся также укрѣпить свое разстроенное здоровье и найти новые матеріалы для русской церковной исторіи въ колыбели отечественнаго христіанства, гдѣ митрополитомъ былъ тогда прежній викарій и другъ его Серапіонъ (Александровскій), неоднократно и убѣдительно приглашавшій къ себѣ Платона. Съ такою цѣлью Платонъ отправился въ Кіевъ изъ Москвы 28-го мая 1804 года чрезъ Можайскъ, Гжатскъ, Вязьму, Смоленскъ, Могилевъ и Черниговъ (обратно чрезъ Батуринъ, Глуховъ, Орелъ, Тулу) и, во все время путешествія своего, отовсюду видѣлъ знаки любви и уваженія къ себѣ: жители городовъ и селеній,—по собственному его замѣчанію,—„вездѣ жадно тѣснились окрестъ его, яко свойственно добрымъ христіанамъ, увидѣвъ служителя Церкви Христовой и, съ любовію взирая, добродушно испрашивали отъ него благословеніе Божіе".

Передавъ управленіе епархіей Московской викарію своему, епископу Августину, престарѣлый митроп. Платонъ проводилъ остатки дней своихъ келейно, въ Виѳаніи. Разные тѣлесные недуги напоминали ему о кончинѣ; и окружавшіе митр. Платона часто слыхали слова его: „Время отшествія моего наста". Въ успокоеніе свое святитель говаривалъ: „Со

смертію надобно нѣсколько подружиться, дабы съ меньшимъ страхомъ встрѣтить ее". Такъ свыкался съ мыслію о кончинѣ своей и готовилъ себя къ вѣчности сей архипастырь. При всемъ томъ онъ не переставалъ заботиться о благѣ отечества, скорбѣлъ душою о постигшемъ Россію несчастіи, велъ съ Государемъ переписку, въ коей съ честною смѣлостію высказывалъ свои взгляды на Тильзитскій миръ съ Франціей и находилъ нужнымъ войну съ французами. „Не вѣрьте,—писалъ знаменитый митрополитъ къ своему Государю...—не вѣрьте ложному миру; и коль скоро будемъ вѣрить, то падемъ, падемъ бѣдственно, и слава наша затмится такъ, какъ затмилась слава несчастной Трои". Между прочимъ, Платонъ не только слышалъ о Наполеонѣ, а и находился съ нимъ въ перепискѣ, правда, косвенной. Почти наканунѣ войны съ Россіею Наполеонъ обратился черезъ сенатора, графа Грегуара, съ письмомъ къ митроп. Платону, которое заканчивалось надеждою на соединеніе восточной и западной церквей. Въ отвѣтномъ письмѣ къ повѣренному Наполеона, митроп. Платонъ говорилъ: „Съ царствованія Петра I дѣланныя покушенія касательно сближенія двухъ церквей остаются безуспѣшными, потому что надобно убѣдиться, что подобная мысль совершенно противна духу народа русскаго. Народъ нашъ столько привязанъ къ своей вѣрѣ, что всякая въ ней перемѣна можетъ сдѣлаться для русскихъ оскорбительною и пагубною"... Но вскорѣ прекратились переговоры Наполеона съ Россіею,— наступилъ 1812 годъ, тяжелый для всей Россіи и послѣдній годъ жизни святителя Платона. Скорбя сердечно объ отечествѣ, попираемомъ врагами, Платонъ еще болѣе разстроилъ свое здоровье. „Боже мой! Боже! до чего я дожилъ?"—часто повторялъ митроп. Платонъ и горько плакалъ, такъ что никто изъ окружавшихъ его не могъ и не смѣлъ утѣшить его. Подобно препод. Сергію, нѣкогда благословившему Дмитрія Донского на брань съ Мамаемъ, митроп. Платонъ изъ Виоаніи послалъ государю Александру I икону преп. Сергія, древняго ревнителя о благѣ Россіи, съ прочувствованнымъ письмомъ, въ коемъ, между прочимъ, какъ бы въ пророческомъ духѣ, онъ предсказалъ сему императору величіе и побѣду, а Наполеону—позоръ и погибель: „Пусть дерзкій и и наглый Голіафъ отъ предѣловъ Франціи обноситъ на краяхъ Россіи смертоносные ужасы, но кроткая вѣра, сія праща Россійскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожаждущей его гордыни". Въ другомъ письмѣ святитель говоритъ о Наполеонѣ: „И этотъ фараонъ погрязнетъ здѣсь съ полчищемъ своимъ, яко въ Чермномъ морѣ. Онъ пришелъ къ берегамъ Двины и Днѣпра провести третью новую рѣку—страшно выговорить—рѣку крови человѣческой. О, каждая капля крови воззоветъ отъ земли къ небу. Крови брата твоего взыщу отъ руки твоея. Франція познаетъ въ Богѣ Господа отмщенія, а Россія восчувствуетъ, испо-

вѣдуетъ, возопіетъ къ Нему: Авва! Отче! Царю небесный! Ты изведеши яко свѣтъ, правду Монарха и судьбу Россіи, яко полудне"...

Московское ополченіе выступило въ походъ съ благословеніемъ митроп. Платона и съ хоругвями изъ церкви Спаса въ Спасской, при коей почивалъ прахъ отца его. Услышавъ объ этомъ, Платонъ со слезами воскликнулъ: „Съ нами Богъ!" Въ день Преображенія Господня, въ храмовой праздникъ въ Виѳаніи, святитель Платонъ за литургіей въ нижней церкви Лазарева воскрешенія возносилъ со слезами трепещущія длани, поддерживаемыя, какъ нѣкогда у Моисея, сослужившими съ нимъ. Послѣ обѣдни онъ вдругъ остановился и, обращаясь на всѣ четыре стороны, какъ будто вслушиваясь въ чьи-либо слова, нѣсколько разъ повторилъ: „Ключъ къ Москвѣ взятъ: злодѣй въ Смоленскѣ". Окружавшіе не знали, что подумать, и лишь на третій день послѣ того достигло къ Виѳанію извѣстіе, что не устояли и стѣны Смоленскія, о коихъ, восемь лѣтъ тому назадъ, заботился митр. Платонъ съ какимъ-то предчувствіемъ, что и „онѣ будутъ нужны и полезны Россіи". Несмотря на свою болѣзнь, митроп. Платонъ въ самый день великой Бородинской битвы прибылъ въ Москву. Въ Кремлѣ, близъ Ивановской колокольни,было устроено возвышеніе, народу собралось великое множество, послѣ молебствія митрополитъ обратился къ жителямъ Первопрестольной чрезъ діакона, умоляя ихъ покориться волѣ Божіей и обѣщаясь молиться за нихъ. По свидѣтельству очевидца, почтенный видъ святителя, его слезы, его рѣчь, хотя и передаваемая устами другого, сильно дѣйствовали на народъ: рыданія слышались со всѣхъ сторонъ, всѣ стояли на колѣняхъ. Не взирая на то, что Москвѣ угрожалъ Наполеонъ, митроп. Платонъ никакъ не соглашался оставлять своей паствы въ опасности и покинуть унылую столицу, и лишь за два дня до вступленія въ Москву французовъ, епископу Августину удалось убѣдить митрополита ѣхать въ Виѳанію. Покидая навсегда Первопрестольную, тяжко больной архипастырь опустился на колѣни предъ образомъ Спасителя въ своей келіи на Троицкомъ подворьѣ и, рыдая, долго молился за спасеніе родины, за царя, за Москву.

Скорбя сердечно о бѣдствіи своего отечества, митроп. Платонъ, казалось, не хотѣлъ умирать прежде рѣшенія судьбы его. Богословъ и философъ, святитель и витія, другъ вельможъ и царей, онъ больше всего—больше учености и власти, больше почести и славы любилъ свою родину, и только ее одну. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что непріятели не будутъ въ обители Сергіевой и часто повторялъ окружавшимъ его, что если нечестивцы прикоснутся въ Москвѣ къ образамъ Божіимъ, то погибнутъ, что Преподобный постоитъ за себя и не допуститъ врага къ себѣ. Въ тотъ самый день, когда непріятели

оставили Москву, Платонъ, сидя за обѣдомъ, вздремнулъ, что подъ старость съ нимъ случалось нерѣдко; но вдругъ, проснувшись, сказалъ довольно громко: „вышелъ, вышелъ“, и снова впалъ въ забвеніе; окружавшіе не поняли значенія этихъ словъ, а на другой день узнали, что непріятель вышелъ изъ Москвы. И когда митроп. Платону было сообщено извѣстіе объ оставленіи французами Первопрестольной, то онъ перекрестился и съ сіяющимъ лицомъ воскликнулъ: „Слава Богу! Москва освобождена, и я теперь умру спокойно“.

Кончина святителя Платона была кончиною праведника: переходъ изъ временной жизни въ вѣчную не страшилъ его. За нѣсколько времени до смерти онъ каждодневно причащался Свв. Таинъ. Наступило 11-е ноября: роковая развязка была близка, но ея никто не подозрѣвалъ, хотя митрополитъ Платонъ и сказалъ своимъ приближеннымъ: „теперь все рѣшится“, а наканунѣ велѣлъ вынуть кипарисовый гробъ, заготовленный имъ около девяти лѣтъ назадъ. Въ 12 часовъ дня святитель Платонъ сѣлъ за обычную скромную трапезу и, по окончаніи ея, почувствовалъ себя дурно; а въ два часа дня великаго іерарха церкви Московской и печальника всей русской земли не стало. Отпѣваніе митр. Платона было совершено въ Троицкомъ соборѣ Сергіевой лавры 16 ноября, епископомъ Августиномъ, соборнѣ съ архимандритами и іеромонахами. Не взирая на тревожное время, народу на отпѣваніе собралось множество; горькій плачъ и рыданія сливались вмѣстѣ съ погребальнымъ пѣніемъ. И въ правѣ былъ сподвижникъ скончавшагося іерарха, архимандр. Евгеній, въ надгробномъ словѣ своемъ воскликнуть: „Закатилось солнце, свѣтило церкви, украшеніе и образецъ пастырей, примѣръ и утѣшеніе русскаго народа“... По отпѣваніи, гробъ съ тѣломъ скончавшагося святителя, съ печальной процессіей, растянувшейся болѣе, чѣмъ на версту, былъ несомъ священнослужителями въ Спасо-Виоанскій монастырь и опущенъ въ могилу, приготовленную въ церкви Воскресенія праведн. Лазаря. Надпись, которую мы видимъ на скромномъ памятникѣ митроп. Платона, сочинена имъ самимъ и гласитъ: „Здѣсь погребенъ тѣломъ преосвящ. Платонъ, митр. Московскій, архимандритъ Троицкой лавры и сея Виоанскія обители и при ней Семинаріи основатель“. А внизу—стихи:

„Читатель, вспомни всѣхъ судьбу,
Прослей о немъ свою мольбу,
Да въ Богѣ духъ его опочиваетъ,
Воставъ и тѣло его съ нимъ да возсіяетъ.
На землѣ суть временна и тлѣнна,
Непостоянна вся и тлѣнна
Единъ покой на небесахъ.
Лети въ нихъ, вѣра, на крылахъ!“

Сочиненія митроп. Московскаго Платона Левшина являются драгоцѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу русской богословской мысли и составляютъ славу не только русской церкви, а и русскаго общества.

Талантъ митроп. Платона проявился особенно въ блестящихъ его проповѣдяхъ на воскресные и праздничные дни, въ привѣтственныхъ и надгробныхъ словахъ. Несомнѣнно, митропол. Платонъ, - проповѣдникъ по призванію и, притомъ, идеалъ православнаго церковнаго проповѣдника,—имѣлъ огромное вліяніе на послѣдующихъ представителей русскаго проповѣдничества, среди коихъ были знаменитые: Филаретъ, митроп. Московскій, Евгеній, архіеп. Ярославскій, Амвросій, архіеп. Тверской. Хотя не всѣ поучительныя слова святителя Платона—одинаковаго достоинства, однако, всѣ они представляютъ собою назидательное чтеніе, какъ училище благочестія и добродѣтелей; и самъ Св. Сѵнодъ, признавая достоинство сихъ проповѣдей Платоновыхъ, включилъ многія изъ нихъ въ число годичныхъ поученій для всѣхъ церквей.

Въ области исторической науки митр. Платонъ Левшинъ знаменитъ, какъ ученый труженикъ, въ своей „Церковной Россійской Исторіи“ (окончен. XVII вѣкомъ), давшій первый опытъ систематической разработки отечественной исторіи Церкви. Этотъ трудъ Платона, по отзыву Филарета, архіеп. Черниговскаго,—„въ отношеніи безпристрастія могущій служить образцомъ для историка русской церкви“, по взгляду проф. П. В. Знаменскаго—трудъ „рѣдкій по талантливости, полный обиліемъ фактовъ, мѣткихъ замѣчаній и серьезной критики“, по мнѣнію С. М. Соловьева—„трудъ запечатлѣнный печатью могучаго юнаго таланта“. Къ историческимъ трудамъ митр. Платона относятся также: его автобіографія, доведенная имъ самимъ до 1807 г., историческія надписи на разныхъ памятникахъ, историческое описаніе Сергіевой лавры, его путевыя записки, веденныя въ 1772 и 1804 г.г.

Какъ педагогъ и канонистъ, митр. Платонъ извѣстенъ своими трудами: „Катехизисъ, толкованный всенародно“ въ 1757 и 1758 г.г., Катехизисы для малолѣтнихъ, для обученія отроковъ, для священослужителей, „Православное ученіе или сокращенная христіанская богословія“, „Инструкція благочиннымъ священникамъ“, впослѣдствіи принятая Св. Сѵнодомъ за общее правило, „Увѣщаніе раскольникамъ“ съ чиноположеніемъ, какъ принимать обращающихся изъ нихъ къ православной Церкви. „Катехизисы“ Платоновы, бывшіе до появленія Катехизиса митр. Филарета единственными курсами богословія на русскомъ языкѣ, не утратили своего воспитательнаго значенія и понынѣ, особенно его образцовый „Катехизисъ, въ бесѣдахъ начально въ академіи преподанный народу“ и „Сокращенная христіанская богословія“, пріобрѣтшая широкую извѣстность даже за границей, чрезъ переводъ на языки:

латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій, грузинскій, армянскій...

Митрополиту Платону принадлежатъ также: Акаѳисты преподобному Сергію и благовѣрному князю Даніилу, многочисленныя письма его и разныя другія его сочиненія, *) изданію коихъ предпосылаемъ слѣдующее „Предисловіе отъ сочинителя“ ихъ:

„При изданіи въ свѣтъ всѣхъ моихъ сочиненій, я предвижу, что они должны предстать, яко на судъ разнаго рода и состоянія читателей, изъ которыхъ всякъ свое, по мѣрѣ своего понятія, или просвѣщенія, а иногда, можетъ быть, и страсти, дѣлать будетъ заключеніе. Предупреждая строгость таковаго суда, уповаю оную смягчить чистосердечнымъ признаніемъ моихъ недостатковъ. Сохрани Богъ! чтобы когда-либо предпріялъ я велемудрствовать о своихъ сочиненіяхъ, и оныя бы почиталъ въ своемъ родѣ совершенными. Знаю, колико изъ нашихъ соотечественниковъ было и есть даромъ витійства прославившихся, коимъ по ихъ достоинствамъ всякую отдаю честь и справедливость, не меньше самъ какъ и другіе, услаждаясь ихъ поученіями. Но при всемъ томъ, если каковый малѣйшій стяжалъ я даръ слова, оный восписую единому Раздателю даровъ—Духу Святому: почитая за неизвинительное предъ совѣстію моею, дабы оный не употребить въ созиданіе Церкви Божіей и въ пользу другихъ и собственную мою, съ кротостію присвояя себѣ оное Соломоново слово: „Нелестнѣ научихся, безъ зависти преподаю, и богатства премудрости не сокрываю“.

Всякъ изъ читающихъ можетъ видѣть содержаніе моихъ писаній, но не всякъ намѣреніе мое, которое открыть почитаю я за нужное, не только для того, чтобы извинить мои недостатки, если бы какіе противъ правилъ витійственнаго слога были примѣчены, но и съ тѣмъ притомъ, не послужитъ ли сіе открытіе моего намѣренія и для другихъ, въ проповѣданіи слова Божія труждающихся, нѣкоторымъ примѣромъ. Признаюсь, что о витійственномъ и испещренномъ слогѣ я никогда много не заботился. Таковый словами играющій и надменный слогъ можетъ быть для свѣтскихъ сочиненій когда-либо пристоенъ и нуженъ: но на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная истина, почиталъ я, что оный есть излишенъ, разсуждая, что

---

*) Наиболѣе извѣстныя сочиненія о самомъ митр. Платонѣ—слѣдующія: А. Надежинъ: „Митрополитъ Московскій Платонъ Левшинъ, какъ проповѣдникъ“. Казань 1883 г.; П. Лысогорскій: „Московскій митр. Платонъ, какъ противораскольническій дѣятель“. 1905 г. Ростовъ на Дону; С. К. Смирновъ: „Автобіографія Платона, митр. Московскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями“. М. 1887 г.; А. Бѣлиевъ: „Митрополитъ Платонъ въ отношеніяхъ къ Виѳанской Семинаріи“. М. 1897 г; И. М. Снегиревъ: „Жизнь Моск. митр. Платона“. Изд. 1891 г.: „Объ изученіи жизни и трудовъ митроп. Платона“ („Богословск. Вѣстн.“. май, 1912 г.).

слово Божіе есть подобно сановитой женѣ, которая сама собою заставляетъ себя почитать, не требуя прикрасъ жены нецѣломудренной. Притомъ, церковный проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія; а потому—необходимость требуетъ, дабы духовная бесѣда была всякому удобопонятна; удаляя отъ себя, сколько возможно, то подозрѣніе, что будто проповѣдникъ болѣе ищетъ хвалы слушателей за свое краснорѣчивое слово, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ слушателевыхъ.

По симъ причинамъ о витійственномъ и испещренномъ слогѣ я никогда много не заботился: а все мое вниманіе и стараніе обращалъ на то, дабы въ словѣ моемъ ничего не было темнаго, невразумительнаго, или сомнительнаго, или обоюдный разумъ имѣющаго; чтобы притомъ все было поставлено въ своемъ мѣстѣ, сходственно съ порядкомъ естественнымъ: доказательства на всякое предложеніе были бы приличныя, убѣдительныя, неоспоримыя, и ничего бы таковаго между ними не было, что слушателю показалось бы сомнительнымъ, или на что онъ могъ бы сдѣлать возраженіе. Къ сему единственно простиралось всегда все мое вниманіе, и притомъ—я увѣрялъ себя, что если сло́во съ таковымъ духомъ будетъ сочинено и произнесено, болѣе можетъ подѣйствовать на сердце слушателя, и больше къ его пользѣ послужить, нежели то, которое подымается одною пестротою разновидныхъ выраженій, и токмо производитъ одинъ громкій словъ шумъ, ни силы, ни духа не имѣющій.

Если же я и въ семъ не успѣлъ, не для того, чтобы не доставало моего къ тому намѣренія и тщанія, но не доставало силъ и возможности. Не всякъ всѣ дары стяжати можетъ. „Комуждо бо,—да со Апостоломъ скажу,—дается явленіе духа на пользу, овому дается слово премудрости, иному слово разума, иному роди языковъ, другому же сказанія языковъ. Вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хощетъ (1 Кор., 12, 11). Почему извинитъ меня читатель, если каковые въ чемъ-либо усмотритъ въ моихъ сочиненіяхъ недостатки, только удостоилось бы его одобренія мое намѣреніе, впрочемъ, по Апостолу, много погрѣшаемъ вси.

Въ заключеніе же сердечно желаю, и усердно Господа молю, да чтеніе сихъ сочиненій дѣйствіемъ благодати Его принесетъ какую-либо малѣйшую внимательно читающимъ пользу, и сія пріобрѣтенная польза да будетъ мнѣ заступленіемъ въ день праведнаго, каждому по дѣламъ его, воздаянія“.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ СЛОВА.

Слово о пользѣ благочестія *).

„Тѣлесное обученіе вмалѣ есть полезно, а благочестіе на все полезно есть“. (1 Тимоѳ., гл. 4, ст. 8).

Разсуждающему о приходѣ Вашего Императорскаго Величества въ обитель сію, не трудно найти движущую причину онаго, что, единымъ побуждаемы благочестіемъ и усердною къ Богу и угодникамъ Его воспаляемы вѣрою, сей трудъ принять благоволили, въ сокровенности души своей, поя оный Давидовъ стихъ: „Мнѣ же зѣло честни быша друзи Твои, Боже“ (Псал. 138, 17). Признаемъ мы не малое въ предпріятіи семъ Твое снисхожденіе, но и исповѣдуемъ, что снисхожденіемъ симъ Величество Твое болѣе возносится и прославляется. Подражаешь Ты, Великая Монархиня, въ дѣлѣ семъ, какъ и во всемъ прочемъ, высочайшимъ и благочестивымъ предкамъ своимъ, которые по себѣ сумнѣніе оставили, благочестіемъ ли болѣе, или мужествомъ, мужествомъ ли болѣе внѣ отечества, или мудрымъ внутрь отечества правленіемъ, безсмертную себѣ пріобрѣли память. Ихъ въ полѣ мужество не мѣшало имъ дома мудрое и смотрительное имѣть правленіе, а и то и другое—не препятствовало имъ и благочестія дѣло отправлять со всякимъ благоговѣніемъ. Всѣ они сіе мѣсто своими священными стопами освятили. Да умолчу дальнѣйшихъ Вашего Величества предшественниковъ (сіе бо многаго требуетъ труда), довольно напомнить, что Великій, безсмертно жить достойный, Петръ, дражайшій Вашего Величества дѣдъ, особенный былъ мѣста сего покровитель. Преславныя монархини Анна и Елисавета, любезнѣйшія Вашего Величества тетки, рачительнѣйшія были обители сея украсительницы, ко-

*) Сказано при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества присутствіи, въ Святотроицкой Сергіевой лаврѣ, въ храмѣ Святыя Троицы, 1763 года, Мая 19 дня.

горыя изобильно источникомъ щедротъ своихъ струю Радонежскую напояли. Которыхъ благочестію ревнуя и Ваше Императорское Величество, Монаршимъ своимъ посѣщеніемъ лавру сію, се уже второе, удостоить благоизволили: за что да посѣтитъ Тя Востокъ съ высоты

А мы, слушатели, имѣя Монархиню намъ примѣръ благочестія, краткую бесѣду предложимъ: „сколько всякому человѣку приноситъ пользы, ежели онъ будетъ не лѣниво упражняться въ благочестивомъ дѣлѣ богопочитанія?“ которое слово высочайшимъ своимъ, Благочестивѣйшая Государыня, дозволеніемъ подтвердить всесмиренно молю.

Благочестіе требуетъ, не токмо чтобы истинное о Богѣ имѣть познаніе, но чтобы и нелицемѣрное и боголѣпное воздавать Ему почтеніе, любя Его всѣмъ сердцемъ, какъ благоутробнѣйшаго Отца; боясь, какъ строгаго и пороками гнушающагося Судіи и, всю надежду во всемъ на Него возлагая, какъ на попечительнаго Промыслителя. Почему никакого нѣтъ сомнѣнія, что ни благодать Божію получить, ни помощи Его ожидать, ни царствія небеснаго надѣяться—безъ благочестія не возможно: „нечестивіи бо не узрятъ славы Господни“,—поетъ Пророкъ (Исаіи, 26, 10). Оставивши убо сіе, какъ само чрезъ себя очень ясное и всѣмъ извѣстное, болѣе къ тому рѣчь нашу склонимъ, что ниже до сея жизни надлежащія дѣла, безъ благочестія, могутъ люди проходить благополучно и съ успѣхомъ.

Всѣ, вообще, дѣла раздѣлены быть могутъ на „общенародныя. духовныя и гражданскія“. Разсмотримъ же, во-первыхъ, общенародныя, Общенародныя дѣла суть слѣдующія: напримѣръ, землю орать, продать, купить, нанять, работать, помочь, одолжить и прочія. Для совершеннаго сихъ дѣлъ исправленія надобна охота безпринужденная, вѣрность нелицемѣрная, искренность открытая, трудъ и прилежаніе: надобно, чтобы не было праздности, пьянства, хитрости, обмана, нерадѣнія. Но не имѣющій въ сердцѣ страха Божія, человѣкъ оныя дѣла благополучно и совѣстно совершить не можетъ. Онъ будетъ въ оранїи лѣнивъ, или излишне и язычески заботливъ, въ продажѣ лукавъ, въ куплѣ не осмотреленъ, или безразсудно щедръ, въ наемѣ обидливъ, въ работѣ нерадивъ, въ вспомогательствѣ бѣдности другаго жестокъ и не сожалителенъ, въ одолженіи другаго скупъ, и къ нуждамъ его нечувствителенъ; и для сего мы тому, кто насъ обижаетъ, или помочь въ бѣдности нашей намъ отказывается, или работаетъ нерадиво, или поступаетъ лукаво, обыкли говорить: „что ты Бога не боишься“. Чѣмъ даемъ знать, что ежели бы онъ боялся Бога, такимъ бы беззаконнымъ образомъ съ нами не поступалъ: понеже обманы, обиды, несогласія, праздность, пьянство, и прочія безчинія наипаче отъ неимѣнія страха Божія происходятъ. Благочестивый, напротивъ, и Бога боящійся человѣкъ, въ

земле дѣльчествѣ будетъ прилеженъ, но безъ заботливости языческой, то есть, болѣе на промыслъ Божій полагаясь, въ продажѣ справедливъ безъ хитрости, въ куплѣ разсмотрителенъ, не имѣя худаго расточительнаго права, въ наемѣ не обидливъ, къ бѣдности другаго сожалителенъ и щедръ, ко вспомогательству другому въ нуждахъ скоръ и милосердъ, благочестивый бо мужъ милуетъ и скоты своя, къ дѣлу охотенъ безъ принужденія, вѣренъ безъ лицемѣрія, искрененъ безъ закрытія, прилеженъ и снискателенъ своего добра безъ зависти. Почему удивительно ли, что усердный къ Богу человѣкъ будетъ благополученъ; а Бога не боящійся—несчастливъ; тотъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ благоуспѣшенъ, сей ни въ чемъ неудачливъ; тотъ всѣмъ любезенъ и пріятенъ, сего всѣ отвращаются и гнушаются? Удивительно ли, что благочестивый человѣкъ всѣмъ изобилуетъ, всѣмъ доволенъ, да еще весь день милуетъ и въ заимъ даетъ; а не дерзающійся благочестія человѣкъ—во всемъ скуденъ, недостаточенъ, и принужденъ бываетъ часто просить насущнаго хлѣба? „Клятва бо Господня въ домѣхъ нечестивыхъ, дворы же праведныхъ благословляются“ (Притч., 3, 33): „имѣніе, поспѣшаемо съ беззаконіемъ, умалено бываетъ, собираяй же себѣ съ благочестіемъ изобильствовати будетъ; праведный щедритъ и даетъ“, пишетъ мудростію славный Соломонъ. А святый Давидъ, сію истину самимъ собою дознавъ, вопіетъ: „Юнѣйшій бѣхъ, ибо состарѣхся: но не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмени его просяща хлѣбы“, и далѣе припѣваетъ: „богатіи обнищаша и взалкаша, взыскающіи же Господа не лишатся всякаго блага“ (Пс. 36, 25; 33, 11). Таковыхъ намъ богопочитателей Божіе слово представляетъ въ примѣръ Авраама, Исаака, Іакова, Іова, которыхъ столь благословилъ Богъ всякимъ богатствомъ, что они для множества скота своего принуждены были свои жилища съ однихъ мѣстъ переносить на другія. А чтобы мы сіе праведныхъ праведное обогащеніе какому не причли случаю, въ томъ насъ Священное Писаніе предостерегаетъ, которое, именно, и тѣлесное всякое довольство сказуетъ быть благословеніемъ Божіимъ, и награжденіемъ за соблюденіе святаго закона Его. „Аще“, глаголетъ Господь Богъ, „въ повелѣніихъ Моихъ ходите, и заповѣди Моя сохраните, и сотворите я: и дамъ дождь вамъ во время свое, и земля дастъ плоды своя и древеса сельная отдадятъ плодъ свой: и постигнетъ вамъ млаченіе (житъ), обраніе вина, и обраніе вина постигнетъ сѣятву, и снѣсте хлѣбъ вашъ въ сытость“ (Лев., 26, 3—5).

Правда, что и нечестивые нѣкогда богатѣютъ, и воспріемлютъ благая въ животѣ своемъ; но лучше малое праведнику паче грѣшныхъ богатства многа. Не тотъ богатъ, кто много имѣетъ; но кто малымъ доволенъ: тотъ богатъ, что и съ нищетою дружно живетъ. Когда

нищета соединена съ безопасностію и спокойствіемъ, то она должна быть почитаема выше богатства, смущаемаго безпокойствомъ и ежечаснымъ страхомъ. Неправедные иногда, нерѣдко, бываютъ и одарены богатствомъ, но безпокойнымъ, наичастѣе же скудость всякую претерпѣваютъ: напротивъ, благочестивые рѣдко скудостію страждутъ; а хотя иногда, по неизвѣстнымъ намъ Божіимъ судьбамъ, нищетою и искушаются, но между тѣмъ утѣшаются и довольствуются тишиною спокойнаго духа. И такъ видимъ, что благочестіе, полезное на все, полезно во всякихъ и общенародныхъ дѣлахъ. Разсмотримъ же и духовныя дѣла.

Духовныя дѣла суть: учить, проповѣдывать слово, заблуждающихъ обращать, немощныхъ подкрѣплять, утѣшать унывающихъ, быть житіемъ примѣромъ другимъ, со страхомъ и благоговѣніемъ божественную отправлять службу, и дѣло Божіе творить не съ небреженіемъ. Но какъ бы все сіе безъ благочестиваго и благобоязливаго духа благополучно возможно было совершить, то и понять не можно. Безъ благочестія ученіе будетъ недѣйствительно, проповѣдь безполезна, Божія дѣла служеніе соблазнительно, вмѣсто наставника бываетъ развратникъ, вмѣсто пастыря наемникъ, вмѣсто свѣтила церковнаго становится вождемъ слѣпымъ. Когда духовенство истиннымъ благочестіемъ украшаетъ себя; когда мы въ лучшемъ и церковь видимъ состояніи, тогда церковный пастырь водитъ овецъ, куда хочетъ, и овцы за нимъ съ охотою всюду слѣдуютъ; и такъ исполняютъ законъ Христовъ. Ежели сожалѣть можемъ, что нѣкоторые пастыри ученіемъ не довольно просвѣщены: кольми паче жалѣть надобно, ежели иные и къ Богу малоусердны, и ихъ жестокую душу страхъ Божій не весьма пронзаетъ. Благочестивый пастырь и безъ дальняго ученія примѣромъ воспользуетъ, а ученый, но безъ благочестія, ни мало, или что ученіемъ созиждетъ, то худымъ своимъ житіемъ разоритъ. Да еще Богъ и запрещаетъ таковымъ въ свои уста Свое пречистое слово принимать. „Грѣшнику рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя, и воспріемлеши законъ Мой усты твоими нечестивыми? ты же возненавидѣлъ еси наказаніе“, и прочая (Псал. 49, 16—17). Израильтяне, хотя имѣли въ Вавилонѣ гусли и органы, однако не дерзали на оныхъ играть для того только, что въ чужой были землѣ; кольми паче пастырю непристойно воспѣвать посреди церкви Божіе слово, когда органъ языка его не согласенъ съ гуслями добродѣтелей души его. Примѣры имѣемъ довольные. Многіе были, по мнѣнію міра сего, неученые, но просіяли великими церковными свѣтилами. Блаженный Августинъ, услышавши, что египетскій Антоній, будучи простой, но житіемъ столь прославился, что славы его вся Африка не вмѣщала, да еще отъ Бога сподобился и чудотворенія силы. Услышавъ сіе Августинъ и разсудивши самого

себя, какъ человѣка преученаго, но житіемъ тогда еще недостаточнаго, возопилъ: „Востаютъ де неученые и небо похищаютъ, а мы съ своимъ ученіемъ до ада ниспадаемъ“. А для чего?—для того, что хотя ученія много, да совѣсти мало. Почему также многіе были, по мнѣнію мірскому, а не Божьему, преученые; но жизнь свою скончали къ великому Церкви соблазну. Хотя, впрочемъ, то не сомнительно, что ничто не можетъ быть драгоцѣннѣе, ничто любезнѣе, ничто пристойнѣе, какъ пастырь, въ которомъ ученіе съ благочестіемъ соединено есть: „иже бо сотворитъ и научитъ, той велій наречется въ царствіи небеснѣмъ“ (Матѳ., 5, 19). Вотъ, видимъ и въ духовныхъ дѣлахъ благочестія превелію пользу! Но посмотримъ и на гражданскія дѣла.

Дѣла гражданскія суть: судить, защищать неповиннаго, повиннаго осуждать, править другими, разбирая всякія дѣла ко всякому удовольствію, и во всемъ крѣпко наблюдая правду, стараться о всякомъ благополучіи. Но не знаю, какъ можетъ все сіе, безъ обиды другаго, исполнить, который имѣетъ душу благочестіемъ и страхомъ Божіимъ необузданную. Его очи серебромъ скоро ослѣпятся, чтобы не видѣть правду; его сердце златомъ отягчится, чтобы нечувствительнымъ быть къ просьбѣ неповиннаго; его руки съ трудностію удержатся отъ похищенія чужаго добра. Напротивъ, сколько бы кто много къ неправдѣ ни склоненъ былъ: но когда на мысль приведетъ онаго нелицепріятнаго Судію Бога, Который строгій есть нарушенной правды отмститель, содрогнется, и въ нѣкоторое придетъ чувствіе. И для того Евангеліе онаго судію, который бѣдныя вдовицы прошеніе мало слушалъ, называетъ „Бога не боящимся“.

А паипаче благочестіе и страхъ Божій, превосходную силу и премногую пользу имѣетъ во многотрудномъ и великомъ государственномъ правленіи; гдѣ надобно сто очей къ усмотрѣнію всякаго дѣла обстоятельствъ, сто ушей къ выслушанію просьбы всякаго; гдѣ тысяча неудоборѣшимыхъ узловъ, тьмы едва преодолимыхъ трудностей. Какъ же все сіе рѣшить? Какъ всѣ оные труды, безъ отягченія, снести, безъ особенной Божіей помощи, и ежели Онъ Самъ невидимо не подкрѣпляетъ и не умудряетъ? — никакъ невозможно. Но сія милостивая Царя царствующихъ и верховнаго свѣта Правителя помощь благочестіемъ, страхомъ, любовію и особеннымъ къ Нему усердіемъ снискивается. А безъ того всѣ дѣла и правительство къ своему паденію клониться будутъ и цвѣтъ государства скоро увядаетъ. Соломонъ, когда съ благочестіемъ почиталъ Бога, всѣ дѣла его текли по его желанію, но какъ только совратился съ сего святаго пути, то тотчасъ царство его къ паденію клониться начало. „Понеже,—сказалъ ему Богъ,— не сохранилъ еси заповѣдей Моихъ, яже заповѣдахъ тебѣ, раздирая

раздеру царство твое изъ рукъ твоихъ“ (3 Царств., 11, 11). И для того нѣкоторый языческій философъ написалъ, что верховному начальнику должно быть богобоящемуся: понеже тогда его подданные боятся, когда видятъ его самого боящимся Бога.

Я сюда отношу и военныя дѣла, которыхъ окончаніе чѣмъ опаснѣе и безызвѣстнѣе, тѣмъ болѣе должно къ Богу прибѣгать, и никакого дѣйствія не начинать, не истребовавъ Его святой помощи. Ненадежно тамъ уповать на мечи, луки и стрѣлы, но на единаго Господа Саваоѳа, Бога ополченія Израилева. „Не спасается Царь многою силою и исполинъ не спасется множествомъ крѣпости своея“ (Псал. 32, 16). „Не въ силѣ констѣй восхощетъ, ниже въ лыстѣхъ мужескихъ Вышній благоволитъ: благоволитъ Господь въ боящихся Его, и во уповающихъ на милость Его“ (Псал. 146, 10—11). Есть страшенъ тотъ воинъ, котораго десницу вооружаетъ Господь. Почему и благоуспѣшество браней зависитъ отъ благочестія, которое Божію помощь на свою страну привлекаетъ.

Знать, что довольно силу благочестія знали и самые язычники; какъ-то: преславный Киръ, Великій Александръ, Сципіонъ, Юлій, Помпей и прочіе, которые, хотя знатнѣйшіе были въ свѣтѣ герои: однако, не вступали въ брань, не призвавъ на помощь мнимыхъ своихъ боговъ; и по побѣдѣ не начинали торжества, какъ токмо съ благодаренія тѣмъ же своимъ мнимымъ богамъ.

Но намъ, вмѣсто всѣхъ ихъ, довольно напомнить нынѣшняго вѣка преславнаго героя, Великаго Петра, отца нашего отечества, которому разные походы, жестокія брани, многотрудныя и неисчислимыя государственныя дѣла не токмо не воспрепятствовали благочестія дѣло отправлять со всякимъ благоговѣніемъ, такъ что иногда онъ самъ, своею Монаршею особою, не стыдился чтеніемъ и пѣніемъ церковь Божію увеселять; но и великое тщаніе прилагалъ завести ученія вездѣ, наиболѣе къ утвержденію и распространенію благочестія, которое его преправедливое тщаніе Господь Богъ и успѣхомъ желаемымъ благословилъ.

Такой дивной по благочестію ревности живою подражательницею есть наша благочестивѣйшая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, которая усердность свою къ Богу и ревность по истинной вѣрѣ всему свѣту преяснo доказала своимъ преславнымъ восшествіемъ на всероссійскій престолъ. Не чести желаніе, ниже сокровища злата и сребра возбудили духъ ея на оное пречудное предпріятіе, какъ токмо, чтобы Церковь избавить отъ угрожаемыхъ ей золъ и любезному отечеству спокойство и благополучіе даровать.

А сему благочестію, отъ младыхъ ногтей, не токмо неусыпнымъ попеченіемъ матернимъ, но и своимъ высокимъ примѣромъ научаетъ любезнѣйшаго сына своего, Государя Наслѣдника, Павла Петровича,

вожделѣннѣйшую всероссійскую надежду. Господь Вседержитель, сѣдяй на херувимѣхъ, неугасаемымъ къ Себѣ любви огнемъ возжегъ Твое, благочестивѣйшая Монархиня, сердце, который огнь чтобы въ душѣ ея пылалъ, всеусердно молимъ мы со всею Церковію Тебе, Господи Боже духовъ и всякія плоти! Аминь.

Слово на освященіе храма *).

„Господи! Кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ“? (Псал. 14, ст. 1).

Что Богъ по существу Своему никакимъ мѣстомъ объятъ быть не можетъ, о томъ ни мало не усомнится, кто явственное о Богѣ имѣетъ понятіе, и вѣдаетъ, что Богъ вездѣ есть и вся исполняетъ. Премудрый Соломонъ хотя великолѣпный и пространнѣйшій Богу Израилеву создалъ храмъ, однако, посвящая оный высочайшему имени Его, такъ въ молитвѣ своей къ Нему говорилъ: „Господи Боже Израилевъ! аще небо и небо небесе не довлѣютъ Тебѣ, кольми паче храмъ сей, его же создахъ имени Твоему“ (3 Царств., 8, 27). И для сего то Давидъ, спося малость свою съ величествомъ Божіимъ, искалъ мѣста скрыться отъ Него; но, видя Его, всѣ мѣста наполняющаго, ужасаясь, возопилъ: „Камо пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу“ (Псал. 138, 7)? „Богъ есть во всѣхъ вещахъ, хотя не включается въ нихъ; Онъ же есть внѣ всѣхъ вещей, хотя не исключается изъ нихъ“,—остроумно нѣгдѣ написалъ Августинъ. И въ такомъ же разумѣ нѣкто изъ мудрыхъ сказалъ, что „Божія присутствія центръ есть вездѣ, а окружіе нигдѣ“.

Но со всѣмъ тѣмъ Божіе присутствіе иногда къ извѣстному нѣкоторому привязуется мѣсту. Такъ поемъ во псалмахъ: „Господь въ Синаи во святѣмъ“; и индѣ: „Избра Господь Сіона и изволи его въ жилище Себѣ“; и въ другомъ мѣстѣ: „небо небесе Господеви“ (Пс. 67, 18; 131, 13; 113, 24). А сіе Божіе слово говоритъ въ разсужденіи особенныхъ нѣкіихъ, на тѣхъ мѣстахъ бывшихъ или бывающихъ, Божіихъ дѣйствій. Богъ на небеси есть ублаженіе праведныхъ, на Синаи былъ славнымъ Израильскому народу закона даяніемъ, въ Сіонѣ и во храмахъ, посвященныхъ имени Его, есть милостивое выслушаніе приносимыхъ Ему молитвъ и исполненіе прошенія молящихся.

А понеже храмы, не поелику каменныя или древянныя зданія, но поелику суть мѣста, вмѣщающія въ себѣ правовѣрныхъ, безкровныя

*) Сказано при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества присутствіи, въ приморской Сергіевой пустыни, 1763 года, мѣсяца августа, 10 дня.

молитвъ приносящихъ жертвы, особеннаго Божія сподобляются присутствія; то всегда ли приходящіе въ храмъ такого Божія причастны бываютъ снисхожденія, о томъ настоящая наша да предложится бесѣда; которую бесѣду, что благосклоннѣйшаго своего, Благочестивѣйшая Государыня, удостоите слушанія, въ томъ увѣряетъ меня проповѣдуемое всѣми Твое благочестіе. Ты же, Который живешь во храмахъ нерукотворенныхъ, Боже, преклонися къ намъ съ небеси святаго Твоего, и чрезъ слово Твое Божественное вселися въ насъ!

Храмы поставляются для собранія вѣрныхъ, чтобы приносить молитвы, прошенія, благодаренія и исповѣданія Тому, Который близъ есть всѣмъ призывающимъ Его, всѣмъ, призывающимъ Его во истинѣ. Почему Божій храмъ есть мѣсто благодатнаго Божія присутствія, спокойствіе и радость совѣсти, тихое волнующихся въ океанѣ міра сего пристанище. Сюда прибѣгаетъ отъ другаго обиженный, и жалобу свою пускаетъ во уши Господа Саваоѳа. На семъ мѣстѣ является грѣхами обремененный, получаетъ и скорое облегченіе отъ опыхъ: къ сей священной трапезѣ притекаетъ, который поспѣшаетъ къ будущей жизни, и желаетъ насыщаться трапезы на небеси безсмертной. „Лучше убо есть намъ день единъ во дворѣхъ Твоихъ, Господи, паче тысящъ“ (Пс. 83, 11).

Но кому въ такое мѣсто приходить и съ какими мыслями, о томъ вопросимъ блаженнаго Давида, или паче Самого Бога: „Господи! кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ?“ Онъ отвѣчаетъ намъ чрезъ своего Пророка: „ходяй непорочно и дѣлаяй правду“ (Пс. 14, 1). То есть, который чистѣйшему Богу служитъ чистотою духа, и правду въ чемъ ни есть и малѣйшемъ нарушить почитаетъ за великое преступленіе и отягощеніе совѣсти своей. Такой достойно входитъ въ домъ Господень, и въ то самое время, когда отворяются ему двери церковныя на землѣ, отверзаются ему райскія врата на небеси. Ибо онъ, входя тѣломъ въ храмъ вещественный, мыслію проходитъ самыя небеса, и дерзновенно приступаетъ къ престолу благодати. Дерзновенно, говорю: ибо нѣтъ препятствія въ соединеніи его съ Богомъ. Богъ есть Пресвятый, а онъ живетъ непорочно; Богъ есть самая правда, а онъ дѣлаетъ правду. Но когда совѣсть наша зазираетъ намъ, когда обиженные нами проливаютъ предъ Богомъ цѣлые источники слезъ, когда за большее почитаемъ прибытокъ и человѣкоугожденіе, нежели сохраненіе правды; то какъ дерзнемъ взойти въ священное мѣсто сіе и приступить къ трапезѣ, на которой мирная совершается жертва, и при которой молимся о мирѣ всего міра? Коима очима воззримъ на общаго Владыку, Который насъ освятилъ кровію Своею, да отъ грѣхъ избывше, правдою пожывемъ. Мы говоримъ къ Отцу небесному: „Отче нашъ! остави намъ долги наша“; но обиженные съ другой стороны вопіютъ, чтобы долги наши намъ удержаны были,

пока мы не оставимъ своихъ должникомъ нашимъ. Авраамъ, когда хотѣлъ принести сына своего въ жертву, тогда сказалъ идущимъ за собою слугамъ своимъ: „сядите вы здѣ подъ горою со ослятемъ: азъ же и дѣтищъ пойдемъ до ондѣ на гору, и поклонившеся возвратимся ко вамъ“ (Быт., 22, 5). Такъ и намъ, приходящимъ во храмъ, чтобы принести въ жертву духовную самихъ себя, должно худыя мысли и плотскія страсти, которымъ мы столь много раболѣпствуемъ, оставить за порогомъ церковнымъ, дабы словесное наше приношеніе благоугодно было Господеви. Для сего бо и Церковь Христова громогласно взываетъ, чтобы мы всякое житейское отложили попеченіе, „яко да Царя всѣхъ подъимемъ“.

Но дерзнемъ вопросить паки глаголющаго Пророкомъ Бога: „Господи! кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ? глаголяй истину въ сердцѣ своемъ: иже не ульсти языкомъ своимъ, и не сотвори искреннему своему зла, и поношенія не пріятъ на ближнія своя“ (Пс., 14, 3). Подлинно, тотъ напрасно льститъ себя, чтобы услышанъ былъ отъ Бога, который думаетъ обмануть Испытующаго сердца и утробы. Тѣмъ языкомъ, которымъ ближняго своего смертоносно уязвляемъ, хвалить Бога—есть безстыдно поносить Его. „Языкомъ—пишетъ св. Іаковъ,—благословляемъ Бога и Отца, и тѣмъ кленемъ человѣки бывшыя по подобію Божію. Отъ тѣхъ же устъ исходитъ благословеніе и клятва. Не подобаетъ,—продолжаетъ рѣчь свою Апостолъ,—симъ тако бывати. Едали источникъ отъ единаго устія источаетъ сладкое и горькое?“ (Іак., 3, 9—11). Почему, когда діаконъ выгоняетъ оглашенныхъ, то должно съ ними вмѣстѣ выгонять клеветническіе и льстивые языки. Когда Каинъ нечистую свою Богу приносилъ жертву и убилъ неповиннаго брата своего Авеля, тогда спросилъ его Богъ: „гдѣ Авель братъ твой (Быт., 4, 9)? гдѣ тотъ, котораго сердце при жертвоприношеніи семъ должно быть соединено съ сердцемъ твоимъ, ибо жертва любовію услаждается? гдѣ тотъ, съ котораго устами при похвальномъ семъ имени моего пѣніи долженъ ты свои уста согласить“? Ибо Богъ, яко Богъ мира всѣхъ, яко едиными устами почитается. Такъ и насъ, когда съ злобнымъ сердцемъ и льстивымъ языкомъ на хвалу Божію соберемся, вопроситъ Богъ съ высоты святыя славы Своея. „Человѣче? гдѣ—ближній братъ твой? гдѣ—тотъ, котораго ты яко неповиннаго Авеля клеветою своею убиваешь; а однако безстыдно предъ лицемъ Моимъ являешься? гдѣ—тотъ, котораго ненавидя, отъ Меня возлюбленъ быть не можешь. Аще бо кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, лжетъ“ (Іоан., 4, 20). Слушай же! „Аще принесеши даръ твой ко олтарю, и помянеши ту, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ при-

неси даръ твой“ (Матѳ., 5, 23—24). Того ради и Церковь вопіетъ: „возлюбимъ другъ друга, да единомыслiемъ исповѣмы единаго Бога“.

Но да воспоетъ намъ паки богодухновенный Давидъ о достойномъ обитателѣ дома Божія. „Уничиженъ есть предъ нимъ лукавнуяй, боящіяся же Господа славитъ“. Истинный Божій служитель непотребныхъ людей презираетъ, почитаетъ за удовольствіе, съ честными и добрыми людьми обращаться; всегда пользоваться и тѣми, слова которыхъ растворены солію мудрости и благодати. Ибо кто любитъ Бога, тому любезенъ и всякъ благочестивый; а напротивъ ненавистенъ и мерзокъ, который или о благочестіи презрительно говоритъ, или о Богѣ развращенно думаетъ. Кто Божіими благодѣяніями всякій часъ себя обязаннымъ почитаетъ, оный съ радостію снабжаетъ отъ благословеннаго сокровища своего того, который съ бѣдностію борется, у котораго неправедные все имѣніе похитили, или который въ прославленіи имени Божія при жертвенникѣ Его святомъ трудится, а напротивъ на бездѣльныя и къ одному увеселенію служащія вещи богатство свое не расточаетъ, и оное на смѣхотворцевъ, то есть на людей, которые чужіе труды поядать обыкли, издерживать стыдится. Но какой тотъ будетъ поклонникъ, который въ увеселеніяхъ день и ночь провождаетъ, у котораго на языкѣ не слышно любезное имя Господне, но скверныя имена забавной Венеры и гремящаго Юпитера, которому благочестивый человѣкъ есть суевѣръ, а пустые разговоры—ненавидящій лицемѣръ, которому всякая рѣчь пріятнѣе, нежели бесѣда душеспасительная; и я боюсь, не наступило ли оное время, Апостоломъ предвидѣнное, „егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ прихотямъ изберутъ себѣ учители, чешеми слухомъ, и отъ истины слухъ отвратятъ, и къ баснемъ уклонятся“ (2 Тим., 4, 3). Такихъ, хотя бы и пришли въ церковь, должно бичемъ Христовымъ изгонять, приговаривая Его же слова: „домъ Мой, домъ молитвы, вы же сотвористе его вертепъ разбойниковъ“ (Матѳ., 21, 13). Вы храмъ Мой, который не златомъ, но свѣтлостію добродѣтелей вашихъ блистать долженъ, своими пороками потемнили, и осквернили. А то извѣстно, что коимъ храма сего земнаго затворятся врата, тѣмъ заключенъ будетъ и входъ въ обители небесныя. Ибо земный сей храмъ есть образъ вѣчнаго онаго на небесахъ жилища, и въ немъ здѣсь будущаго нашего блаженства начинаемъ уже чувствовать сладость, когда на хвалу Божію и на размышленіе о Его величествѣ собираемся. И для сего то Израильскій Царь весьма веселился когда ему говорили: „въ домъ Господень пойдемъ“.

Но приникнемъ еще во псалмопѣніе Давидово, и послушаемъ, кто къ достойнымъ богопочитателямъ причисляется?—тотъ, „кто клянется искреннему своему и не отметается“. Двоедушные люди на семъ

мѣстѣ быть не годятся. Ежели бо кто лжетъ человѣку, то какъ во обѣщаніи исправленія своего твердъ будетъ предъ Богомъ? Клятва есть призываніе Бога во свидѣтельство съ тѣмъ, что нарушителю клятвы Онъ, яко вездѣсущій, строгимъ имѣетъ быть отмстителемъ. Почему клятвопреступникъ или не вѣритъ быть Богу вездѣсущу, или предъ всевидящимъ окомъ Его скрыться думаетъ: пускай же такой клятвы нарушитель взойдетъ въ церковь Божію помолится, гдѣ увидитъ благолѣпный православныхъ соборъ изливающихъ сердца свои предъ Богомъ, и единодушно Ему поющихъ: „услыши, Господи, правду мою; вонми моленію моему, внуши молитву мою не во устнахъ льстивыхъ. Искусилъ еси сердце мое, искусилъ мя еси, Господи, и не обрѣтеся во мнѣ неправда“ (Пс., 16, 1—3). Но какъ онъ къ сему пѣнію пристанетъ, когда сердце его съ языкомъ не согласно, и какъ онъ Бога склонитъ ко умилостивленію, когда другой, обиженный имъ, склоняетъ Его къ праведному отмщенію.

Но уже окончи пѣснь свою, богоглаголивый Пророче, а мы вкупѣ окончимъ и свою бесѣду. Кто достойно входитъ въ посвященное на молитву Божію мѣсто? который „сребра своего не даде въ лихву, и мзды съ неповинныхъ не пріятъ“. Скупые и мздоимцы милости Божіей здѣсь ожидать не должны, и они тотъ же гласъ услышатъ, какой въ Евангеліи объявленъ одному жестокосердному человѣку: „злый рабе! азъ весь тебѣ долгъ отпустихъ: не подобаше ли и тебѣ помиловати клеврета своего?“ (Мато., 18, 32—33).

Неправедные судьи! какъ вы къ Богу прострете руки свои, которыя или неповинною кровію замараны, или деньгами заняты? „аще прострете руки ваша ко Мнѣ, отвращу очи Мои отъ васъ, и аще умножите моленіе, не услышу васъ“: а за чѣмъ? „руки бо ваши исполнены крове“ (Ис. 1, 15), глаголетъ Господь Вседержитель, Богъ Святый Израилевъ. Знаю, что такіе господа мздоимцы иногда созидаютъ храмы каменные, но разоряютъ храмы душевные, снабжаютъ дарами храмы вещественные, но обдираютъ церкви Бога живаго. Всѣ такіе не будутъ имѣть мѣста въ жилищи Божіи, на мѣстѣ радости и успокоенія, пока самымъ дѣломъ не исполнятъ онаго слова: „милости хощу, а не жертвы“ (Мѳ., 9, 13). Скажи жъ намъ, Господи: кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ: понеже крайне желаетъ душа наша „вселитися во дворы Господни“. (Пс., 83, 3). Совѣсть наша не спокойна, пока не пріидемъ къ жертвеннику Твоему, Боже, къ Тебѣ Богу, веселящему юность нашу, Онъ намъ уже объявилъ чрезъ Своего Пророка: мы только постараемся поступать такъ, чтобы не только достойно входить въ храмы сіи земные, но чтобъ нѣкогда введеннымъ намъ быть и въ храмъ оный вѣчный, нерукотворенный на небесѣхъ. Аминь.

Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, о смертномъ снѣ *).

„Не умре дѣвица, но спитъ“.
(Мато., гл. 9, ст. 24).

Празднуемъ мы нынѣ, слушатели, со всею Христовою Церковію блаженное, преставленіе блаженныя Дѣвы, родившія Спасителя нашего. Преставленіе, говорю, и Успеніе, а не смерть; боюся бо назвать смертію то, чрезъ что преблагословенная оная Матерь и Дѣва прешла въ животъ, преселилась въ небесный чертогъ, которому Себя предуготовила: взошла Невѣста къ Жениху Своему, Котораго любовію сердце Ея всегда уязвлено было; взошла Матерь къ Сыну Своему; взошла и вѣрная раба къ Господу Своему; соединилась съ радостнѣйшимъ блаженныхъ душъ ликомъ, или паче съ Самимъ Богомъ, Который есть источникъ неотъемлемыя радости; начала пріобщаться безсмертныя трапезы и наслаждаться сладчайшаго вѣчныхъ увеселеній нектара въ невечернѣмъ днѣ царствія Христова. Почему благопристойно теперь преблаженную сію Дѣву и Матерь привѣтствовать можемъ оными Давидовыми словами: „Слыши, дщи, и виждь, и преклони ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего: и возжелаетъ Царь доброты твоея“ (Псал. 44, 11—12); почему и предстала Ты, Царица, одесную Его въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна и преиспещрена.

А когда, увѣнчанная счастіемъ вѣчнымъ, Богоотроковица успеніемъ Своимъ святымъ отдала долгъ тлѣнію естества человѣческаго, то сіе возбуждаетъ и насъ на память себѣ привесть, или лучше сказать, всегда въ памяти содержать наше, нѣкогда быть имѣющее, преставленіе и будущее прославленіе праведныхъ, что и мы, которые утверждены упованіемъ непостыднымъ (Рим., 5, 5) о полученіи живота вѣчнаго, къ сему пути предуготовлять себя должны. Того ради мало „*о будущемъ нашемъ блаженномъ успеніи побесѣдуемъ, разсматривая великое оное сходство, какое есть между сномъ и смертію и что смерть праведныхъ болѣе покоя, нежели смущенія и страха въ себѣ заключаетъ, дабы чрезъ то спокойныя совѣсти увеселить, а страшливыя утѣшить*“. Ты же, животъ нашъ и воскресеніе, Христе Спасителю, споспѣшествуй намъ Твоею благодатію, которая и неразумныхъ умудряетъ, и наши къ себѣ обращаетъ сердца.

Иныхъ, какъ кажется, малодушныхъ, не токмо самая смерть, но

*) Сказано при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества присутствіи, въ Санктпетербургѣ, въ придворной церкви, августа 15 дня, 1763 г.

и одно воспоминаніе оныя смущаетъ и въ великій страхъ приводитъ. И такіе ежели есть христіане, то они чрезъ сіе подобятся язычникамъ, которые должны были бояться смерти, яко никаковаго извѣстнаго не имѣющіе упованія (1 Сол., 4, 13). Но намъ истиннѣйшее Евангеліе сей страхъ разгоняетъ, и объявляетъ смерть быть желательну больше, нежели страшну. Ибо блаженнѣйшій Учитель нашъ, въ предложеніи нашемъ, о Іаировой дщери говоритъ, что „не умре дѣвица, но спитъ“, и въ другомъ мѣстѣ сказалъ, что „Лазарь другъ нашъ не умре, но успе“ (Іоан.. 11, 11). А симъ сну уподобленіемъ показалъ весьма ясно, что насъ смерть не смущаетъ, но какъ сладкій сонъ упокоеваетъ. Что бо сна пріятнѣе по трудахъ, и что сладчайше его же послѣ печали? Но разсмотримъ, какое есть между сномъ и смертію сходство.

Яко же сонъ случается въ человѣкѣ отъ того, когда по принятіи пищи пары восходя къ мозгу, оный помрачаютъ, а тѣмъ остановляютъ дѣйствіе чувствъ, такъ и смерть начало свое влечетъ отъ грѣха, содѣяннаго въ раю, когда прародители наши, отъ смертоноснаго плода, противъ запрещенія Божія, вкусили, а отъ того какъ бы нѣкій ядовитый паръ по тѣлу и всѣмъ членамъ разлившись, какъ ихъ, такъ и весь человѣческій родъ смерти подвергъ, по оному Апостола слову: „Единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть; и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немъ же вси согрѣшиша“ (Рим. 5, 14).

Когда хочемъ ложиться спать, то одежду съ себя скидаемъ, и отъ сего бремени облегчаемъ насъ; такъ и смерть нагихъ насъ посылаетъ въ гробъ, какими мы изъ чрева матерня произошли. Скидаетъ съ насъ всѣ гербы нашего достоинства, и принуждаетъ разстаться съ любезными пожитками: „ничто же внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ“ (1 Тим., 6, 7),—какъ разсуждаетъ нидѣ и божественный Павелъ: „О семъ, говоритъ, воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе. Аще точію и облекшеся, не нази обрящемся. Ибо сущіи въ тѣлѣ семъ воздыхаемъ отягчаеми: понеже не хощемъ совлещися, но пооблещися да пожерто будетъ мертвенное животомъ“ (2, Кор. 5. 2 – 4). То есть, когда здѣсь подъ бременемъ тѣла и житейскихъ суетъ воздыхаемъ и стонемъ, то тѣмъ самымъ хощемъ, чтобы съ насъ сіе бремя снято было; однако, когда чрезъ смерть отъ сея тяжести тѣла избавимся, то не нагими останемся, но будемъ прикрыты одеждою безсмертія.

Яко же сонъ часто на насъ нечаянно находитъ, такъ что частицу ту времени, въ которую засыпаемъ, обстоятельно примѣтить не можемъ, такъ часто смертный человѣкъ въ то время умираетъ, въ которое ни мало о смерти не помышляетъ, и скорѣе, нежели какъ бы думалъ, душа его изъ тѣлеснаго жилища вылетаетъ, такъ что ни онъ самъ, ни пред-

стоящіе то примѣтить не могутъ. Вотъ слышимъ, что Исаакъ говоритъ: „Се, состарѣхся, и не вѣмъ дне скончанія моего“ (Быт., 27, 2). Ежели состарѣвшіеся и дряхлые часа смертнаго узнать не могутъ, то кольми паче тѣ, которые наподобіе неувядаемыхъ цвѣтовъ цвѣсти себѣ кажутся? Смерть есть извѣстна, но ничего нѣтъ неизвѣстнѣе смертнаго часа: что имѣю умереть, о томъ я не сумнюся, а гдѣ, когда, и какимъ образомъ, о томъ ни мало не знаю

Какъ сонъ занимаетъ только тѣлесные члены и внѣшнія чувства, но, между тѣмъ, душа внутреннія свои дѣйствія отправляетъ безпрепятственно, какъ сіе довольно познать можно изъ сновидѣній; да и совсѣмъ нельзя, чтобы въ душѣ всякая погасла мысль, въ которой ея и существо состоитъ, такъ и въ смерти, тѣло разставшись съ душею, въ землю обращается, но душа преносится въ нѣдро Авраамово (Лук., 16, 22), гдѣ не только дѣйствія ея не престаютъ, но еще большую пріемлютъ силу. Ибо душа блаженная не имѣетъ тѣхъ препятствій, какія имѣла въ тѣлѣ, а именно, различныя плотскія страсти и воображенія чувственныя, которыя понятіямъ разумнымъ въ настоящей силѣ своей дѣйствовать мѣшаютъ. Надобно отъ очесъ нашего ума отрясти тину вещественную, дабы ясно узрѣть неприступный свѣтъ Божества, а въ немъ—такъ, какъ въ свѣтлѣйшемъ зеркалѣ, усмотрѣть и прочія вещи въ своихъ совершенствахъ. И для того Спаситель нашъ, къ утѣшенію нашему, увѣщеваетъ насъ, чтобы мы не боялись убивающихъ тѣло, ибо они вмѣстѣ съ тѣломъ душу убить не могутъ (Мато., 10, 28).

Яко же младенцы и несовершеннаго смысла отроки не разумѣютъ пользы и пріятности сна, и для того съ трудностью и со слезами ложатся спать: такъ тѣ, въ разсужденіи духовныя христіанскія мудрости, предъ Богомъ младенцы и твердой небеснаго ученія пищи не вкусили, которые не разумѣютъ, сколь есть „честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его“ (Псал. 115, 6), и для того смерти крайне страшатся. Дражайшій Учитель нашъ, отходя къ испитію смертной чаши, о сей спасительной матеріи сладчайшую съ учениками Своими имѣлъ бесѣду; но какъ они еще были младенцы о Христѣ, и совершеннаго, о будущихъ по смерти благихъ, понятія не имѣли; то не токмо о семъ не радовались, но еще и совѣтовали Христу, чтобы Онъ отмѣнилъ то дѣйствіе, въ которомъ состояло спасеніе человѣческаго рода, почему Онъ—любезнѣйше ихъ обличая, такъ имъ говорилъ: „Яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша. Но Азъ истину вамъ глаголю: лучше есть вамъ, да Азъ иду. Аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не пріидетъ вамъ“ (Іоан. 16, 6).

Яко же послѣ сна тѣлесныя и душевныя силы какъ бы возобновляются, и человѣкъ поутру охотнѣе и весслѣе за свое принимается

дѣло, такъ и смерть праведныхъ есть нѣкое возобновленіе всѣхъ силъ. Почему воскресшіе отъ мертвыхъ, нѣкогда, въ послѣдній день, предъ имѣющимъ возсіять Солнцемъ правды—Христомъ, предстанутъ веселыми и радостными; очистятся ихъ чувства, просвѣтится умъ, всѣ душевныя и тѣлесныя силы прославятся: „еже бо сѣется, какъ мудрствуетъ высокое христіанское богословіе, въ немощи, то востастъ въ силѣ, сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи: сѣется не въ честь, возстаетъ въ славѣ“ (1 Кор. 15, 42—43). И яко же сонъ не есть непрерывное нѣкое успокоеніе, но въ извѣстное время отъ сна пробуждаемся: такъ и мы не всегда пребудемъ въ смертномъ гробѣ, но „прiйдетъ часъ, воньже вси услышатъ гласъ Сына Божія; и изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая, въ воскрешеніе суда“ (Іоан., 5, 28—29).

Яко же спящіе никакими болѣе тѣлесными не смущаются страстьми—позабываютъ свои печали, оставляютъ свои заботы, не чувствуютъ болѣзней, не боятся страховъ, ибо всѣмъ такимъ смущеніямъ любезный сонъ самимъ собою преградилъ къ нимъ дорогу: такъ и праведные чрезъ смерть успокоеваются, гоненія терпѣть перестаютъ, гнѣва и зависти человѣческой болѣе не боятся, скучныя и досадныя мысли исчезаютъ, страстей волненіе утихаетъ, житейскія попеченія всѣ отходятъ, а вмѣсто того, блаженную и спокойную у Бога начинаютъ жизнь, и тѣлами во гробахъ, какъ въ спальняхъ, сномъ смерти наслаждаются, радостнаго воскресенія дня въ мирѣ ожидаютъ: „прiидутъ бо“, (Исаіи, 35, 10), по предсказанію Исаіину, „въ небесный Сіонъ съ радостію и съ веселіемъ вѣчнымъ: на главѣ бо ихъ и веселіе и хвала, и радость прiиметъ я, отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе“. Ежели бы мы такимъ блаженнымъ, будущаго нашего воскресенія и упокоенія, упованіемъ обнадежены не были, то намъ жизни нашей ничего бы не было тягостнѣе, и окаянные мы бы были паче всѣхъ животныхъ на землѣ. Что бо жизнь сія имѣетъ покоя? не печали ли и несносныхъ заботъ полна есть, и едва ли не проходятъ въ суетѣ всѣ дніе наши?

Какъ пробудившись отъ сна, обыкновенно одежду на себя надѣваемъ, и украшаемъ себя, чтобы предъ людьми явиться не гнусными; такъ и праведные, пробудившись отъ сна смертнаго трубою архангельскою, блистать будутъ всякими непомрачаемыми красотами, и украсятся ризою безсмертія, по оному великаго Церкви учителя слову: „подобаетъ тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе“ (1 Кор., 15, 53). Въ такомъ нетлѣемомъ украшеніи примѣтилъ нѣкоторыхъ во Откровеніи возлюбленный Христовъ ученикъ: „видѣхъ“,—говоритъ,—„и се народъ многъ, его же пзчести никто же можетъ, отъ всякаго языка и колѣна и людей и

племенъ, стояще предъ престоломъ и предъ Агнцемъ, облечены въ ризы бѣлы, и финицы въ рукахъ ихъ“ (Апок., 7, 9).

Яко же спящіи легко и безъ всякаго затрудненія отъ сна пробуждаются другаго гласомъ: такъ и мертвые въ послѣдній день гласомъ Христовымъ весьма легко возбудятся. Никто изъ насъ не возбуждаетъ такъ легко лежащаго на ложѣ, какъ Христосъ лежащаго во гробѣ,— написалъ Августинъ. „Вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся: вскорѣ, во мгновеніи ока, въ послѣдней трубѣ: вострубитъ бо, и мертвіи востанутъ нетлѣнни, и мы измѣнимся“ (1 Кор., 15, 51—52). Несказанно будемъ удивляться внезапной нашей перемѣнѣ, увидя насъ самихъ выходящихъ изъ гробовъ и сѣни смертной, возносящихся на воздухъ въ срѣтеніе Господне, и Его божественною славою озаряемыхъ.

Какъ примѣтить не можемъ, какимъ мы образомъ отъ сна пробуждаемся, и какъ заключенныя наши отверзаются чувства и растворяются нервы; такъ не можемъ постигнуть, какимъ образомъ имѣетъ быть нашихъ истлѣвшихъ тѣлъ возстаніе, какъ согнившія и въ прахъ уже обратившіяся, части нашей плоти паки свой видъ пріимутъ, какъ разсыпанныя кости соберутся, какъ изорванныя жилы сошьются, какъ весь тѣлесный составъ попрежнему свяжется и кожею покроется: все сіе какимъ образомъ случится, скудная наша и въ тайны Божіи не проницающая мысль понять не можетъ, хотя, безъ сомнѣнія, чаемъ воскресенія мертвыхъ. Наше есть—вѣровать сему; а всемогущества Божія есть дѣло изыскивать къ произведенію того способъ. Почему великій Павелъ и запрещаетъ человѣку входить въ такое таинъ Божіихъ испытаніе. „Речетъ нѣкто“,—пишетъ онъ къ коринѳянамъ,—„како мертвіи востанутъ? коимъ же тѣломъ пріидутъ? безумне, ты, еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ: и еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голое зерн ; Богъ же дастъ ему тѣло, яко же восхощетъ“. (1 Кор., 15, 35—38).

Какъ пробудившись отъ сна, кажется, что мы очень краткое спали время, и хотя бы нѣсколько часовъ, или цѣлый день во снѣ нашемъ прошолъ, но намъ все сіе показалось бы мгновеніемъ, такъ и въ послѣдній день, пробудившимся отъ смертнаго сна, весьма краткое покажется то время, которое между смертію ихъ и воскресеніемъ прошло. Какъ безъ сна никто пробыть не можетъ, такъ и смерть необходимый всѣмъ конецъ; и какъ сонъ нѣкогда противъ воли нашей насъ спать склоняетъ, такъ неотмѣнно умремъ всѣ, хотя бы, можетъ, нѣкоторые умереть и не захотѣли.

Какъ напослѣдокъ не всѣ сладко и спокойно засыпаютъ, но тѣ только, которые, имѣя спокойный духъ и тѣло невоздержаніемъ не отягощенное, ложатся спать; а которые отъ заботъ сохнутъ, отъ не-

воздержанія разслабли, которыхъ совѣсть безпокоитъ, тѣхъ сонъ не покоенъ, но мучителенъ: такъ неправеднымъ злодѣямъ и не раскаяннымъ грѣшникамъ смерть не есть сладкій сонъ, но паче начало смерти вѣчныя; выносятъ бо изъ жизни сей съ собою грызущій совѣсть ихъ и неумирающій червь: а только праведные, которыхъ единственная утѣха былъ Господь, пріятно упокоеваются отъ трудовъ своихъ. Чрезъ истинное бо покаяніе и вѣру во Христа Іисуса слагаютъ съ себя бремя грѣховное; Христа, жизни Начальника и Побѣдителя смерти, твердымъ сердца упованіемъ объемлютъ, и жизнь свою такъ учреждаютъ, что приходящую смерть спокойнымъ и веселымъ ожидаютъ духомъ. Тотъ только человѣкъ смерть весело встрѣчаетъ, который давно себя къ ней пріуготовляетъ.

Толикое усмотря между сномъ и смертію сходство, не можемъ болѣе, слушатели, дивиться—для чего праведные и надеждою будущихъ благъ укрѣпленные люди, смерти, какъ нѣкоего сладчайшаго покоя, желали: „блажени мертвіи“,—вопіетъ Богословъ,—„умирающіи о Господѣ отнынѣ: ей, глаголетъ Духъ Святый, да почіютъ отъ трудовъ своихъ“. (Апок., 14, 13). Также не можемъ удивляться, для чего нѣкоторымъ жизнь сія столь скучна была, что ее, какъ нѣкое тягчайшее бремя, свергнуть съ себя хотѣли. „Увы мнѣ“,—съ плачемъ взываетъ Давидъ,„—яко пришельствіе мое, то есть, странствованіе въ жизни сей, продолжися“ (Псал., 119, 5). „Окаяненъ азъ человѣкъ“, — жалуется Павелъ:—„кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея“ (Рим., 7, 24) ?Да и нѣкоторые изъ язычниковъ были подобныхъ о смерти мыслей. Цицеронъ, въ книгѣ о старости, написалъ: „смерть мнѣ такъ пріятна, что чѣмъ я болѣе къ ней приближаюсь, тѣмъ болѣе оказывается, что я съ волнующагося моря усматриваю землю, и нѣкогда къ пристанищу, по долгомъ плаваніи, пристану. Но сіе въ язычникѣ происходило отъ смѣлаго и хвастливаго болѣе, нежели отъ основательнаго увѣренія.

Почему и намъ, благословенніи христіане, осталось не бояться смерти, но съ радостію себя пріуготовлять къ оной. Когда смерть къ христіанину, давно себя къ ней пріуготовившему, придетъ: что ему сдѣлаетъ, какъ токмо закроетъ его очи, дабы онъ болѣе уже не видѣлъ суеты мірскія? Того ради и мать наша Церковь о насъ, чадахъ своихъ, вопіетъ къ Жениху своему: „Нѣсть, Господи, рабомъ Твоимъ смерть, исходящимъ намъ отъ тѣла, и къ Тебѣ, Богу нашему, приходящимъ, но преставленіе на полезнѣйшая и сладостнѣйшая, и на упокоеніе и радость“. Которымъ блаженнымъ покоемъ, въ надеждѣ воскресенія праведныхъ, и насъ нѣкогда да обрадуетъ владѣяй животомъ и смертію Господь, ходатайствомъ и молитвами нынѣ вшедшія со славою въ горній чертогъ, преблагословенныя Дѣвы Маріи. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича *).

„Азъ дамъ вамъ уста и премудрость".

(Лук., гл. 21, ст. 15).

Чего намъ нѣтъ дражае, и что мы должны искать, хотя бы оно за послѣдними свѣта краями крылося, то намъ дражайшій Учитель нашъ дать обѣщаетъ. Ибо можетъ ли быть что желательнѣе разумной твари, какъ украшенной быть премудростію, состоящею въ познаніи спасительной истины, да еще соединенною съ дерзновенными устами, съ такимъ, то есть, дарованіемъ, чтобы истину небоязненно предъ всѣми проповѣдывать?

И какъ всякая милость наипаче дорога во время нужды, то и опую премудрость въ такое время обѣщаетъ намъ Спаситель нашъ, въ которое она намъ наибольше будетъ потребна, а именно тогда, когда бы насъ представили предъ мучителями за свидѣтельство истины, когда другіе нашу вѣру поносить бы стали, когда нашему блаженному упованію удаленные отъ свѣта люди смѣться начали бы, когда истиннѣйшаго Божія слова основаніе низвергать покусились бы, тогда-то обѣщаетъ Своего подвижника противъ такихъ коварствъ вооружить устами и премудростію, да еще такою премудростію, которой не возмогутъ противиться надменнѣйшіе въ свѣтѣ люди, и самые тѣ, власть которыхъ всѣхъ молчать принуждаетъ. О, сладчайшаго обѣщанія, и дара небесъ достойнаго!

Но понеже міръ противъ сей смиренной, евангельскою простотою украшаемой премудрости, выставляетъ свою высокоименитую философію и хитросплетенныя мудрованія, то *какое между ними есть различіе*, въ нынѣшнемъ моемъ словѣ показать, благочестіе ваше, слушатели, и усердная къ слышанію слова Божія ревность возбуждаетъ. Ты же, предвѣчная Премудросте, по обѣщанію Своему, даждь мнѣ уста и премудрость, чтобы дерзновенно проглаголать истину Твою среди Церкви Твоей!

Нѣтъ моего намѣренія касаться похвальной философіи, или такой мудрости, которая съ кротостію упражняется въ познаніи вещей и въ испытаніи дѣлъ Создателевыхъ, ибо сего требуетъ данное намъ отъ

*) Сказано 1763 года, мѣсяца сентября, 20 дня.

Бога дарованіе разума. Но когда она къ чувственнымъ вещамъ міра сего столь себя пригвождаетъ, что о прочемъ всемъ духовномъ съ презрѣніемъ нерадитъ, и въ самыхъ тайнахъ спасенія не плѣняетъ умъ свой въ послушаніе вѣры (2 Кор., 10, 5); тогда уже она подпадаетъ всей строгости слова Божія, и о ней исполняется тогда, что во Пророкахъ писано есть: „погублю премудрость и разумъ разумныхъ отвергу“ (1 Кор.‘ 1, 19). Почему и непохвальныя въ святыхъ книгахъ заслуживаетъ себѣ имена. Называется бо мудрость человѣческая, мірская, земная и плотская (Іак., 3, 15): такъ какъ, напротивъ, премудрость, которая упражняется въ дѣлахъ спасенія нашего, называется Божественная, свыше сходящая и духовная. Я первую буду называть *плотскою*; а сію *духовною*. А вы, благословенные христіане, какое между ними есть различіе, пріидите послушайте.

Плотская мудрость во многихъ упражняется умствованіяхъ неполезныхъ, и въ нѣкоторыя входитъ тонкости, которыя настоящую истину только что потемнять обыкли. Свидѣтель тому, такъ называемая, древняя философія греческая, и которая отъ нея родилась схоластическая, которыя праздными вопросами наполнены. Тамъ услышишь сіи важнѣйшіе запросы: есть ли пустое въ свѣтѣ? родъ или видъ вещей могутъ ли сами чрезъ себя стоять? Можетъ ли быть случайность безъ своего подлежащаго? въ раздѣленіи тѣла въ безконечное ли проходить надобно? Петровство можетъ ли отъ Петра быть раздѣлено? Такими и подобными, повидимому, громогласными вопросами упоившись, человѣческая мысль высоко о себѣ мечтать начинаетъ, и самую истину какъ простую, въ чемъ настоящее ея состоитъ украшеніе, презираетъ.

Но сколь бы такіе высоко о себѣ ни думали, они по истинѣ „осуетишася помышленіи своими, и омрачися неразумное ихъ сердце. Глаголюще себе мудрыхъ быти, объюродѣша“ (Рим., 1, 12). И для того божественный Павелъ увѣщеваетъ насъ, чтобы мы блюлись, „да не кто прельститъ насъ философіею и тщетною лестію, по стихіямъ міра, а не по Христѣ“ (Колос., 2, 8); также пишетъ онъ и къ Тимоѳею, чтобы мы не внимали всевозможнымъ баснямъ и родословіямъ безконечнымъ, „яже стязанія творятъ паче, нежели Божіе строеніе, еже въ вѣрѣ“ (1 Тим., 4).

Но премудрость духовная дѣлами, а не словами философствуетъ. Она тогда почитаетъ, что наитруднѣйшій рѣшила вопросъ, когда успокоитъ совѣсти нашей смущеніе, и покажетъ дорогу насъ выводящую изъ лабиринта (неудобно выходимый путь) страстей. Почему достойнѣйшій у нея считается ученикъ, который всѣ свои начинанія относитъ, чтобы сыскать совѣсть правую. Того ради Духъ Святый называетъ ее словомъ спасенія и глаголомъ жизни. Для лучшаго разсмо-

трѣнія истины сей, поставимъ себя мысленно на Аѳинскомъ ареопагѣ, гдѣ увидимъ Павла, стязующагося съ знатнѣйшими философами, эпикурейцами и стоиками (Дѣян., 17, 18). Сіи были вооружены логическими софизмами (хитросплетенный доводъ) и метафизическими тонкостями; Павелъ въ простотѣ слова защищалъ себя самою истиною. Сіи, думая о себѣ, что знали все, но Бога не вѣдали; Павелъ ясно понималъ и свободно предъ ними проповѣдывалъ невѣдомаго имъ Бога. Сіи, оставивъ полезныя знанія, упражнялись только въ томъ, чтобы говорить и слышать все новое; Павелъ, божественной мудрости будучи причастенъ, представлялъ имъ правосудіе Божіе, которое какъ добрыхъ безъ награжденія, такъ и злыхъ безъ наказанія оставить не можетъ; но сіе полезнѣйшее ученіе плотская мудрость называла суесловіемъ. А отсюда видите, сколь мало одна съ другою сходствуетъ.

Плотская мудрость твердаго не имѣетъ основанія, и на подобіе трости вѣтромъ движимая, колеблется. Сколько было въ древности философскихъ сектъ (толковъ), которыя не только были различны, но и одна другой были противны. Примѣчанія достойно, что почти ни одна изъ нихъ въ полной своей силѣ отъ нынѣшнихъ вѣковъ не принята, а чрезъ то слабость ихъ и суетное мудрованіе доказывается. Какими же странными мнѣніями такая мудрость бываетъ наполнена! Между прочими было и то, чтобы сумнитьси обо всемъ, и въ томъ, что есмь ли я, самому себѣ не довѣрять.

Но духовная премудрость есть тверда и несумнительна; и бываетъ закрѣплена внутреннимъ свидѣтельствомъ совѣсти Духомъ Святымъ оправданной (2 Кор., 3, 3), ибо она пишется „не чернилomъ, но Духомъ Бога живаго, не на скрижаляхъ каменныхъ, но на скрижаляхъ сердца плотяныхъ“; сколько отъ начала міра до сего дня прошло вѣковъ, но спасительная истина всегда согласно проповѣдуема была. Какъ отъ начала содержали праотцы, такъ Божіимъ Духомъ движимый, написалъ Моисей; всѣ Пророки оное ученіе согласіемъ своимъ засвидѣтельствовали; Апостолы не иное проповѣдію своею всему свѣту сообщили; тоже мученики кровію запечатлѣли, но и нынѣ тою же истиною Церковь Божія украшается. „Небо и земля мимо идутъ; а словеса Божія не имутъ прейти“ (Лук., 16, 17).

Плотская мудрость высокомѣрна и велерѣчива; но премудрость духовная смиренна и проста. Нѣтъ въ ней Цицероновой пышности, Демосѳенова высокорѣчія, Платонова велемудрія; но токмо живая простота, тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ больше удалена отъ всякихъ ухищреній человѣческихъ.

Плотская мудрость имѣетъ уста, но и духовная свои уста имѣетъ; та высокорѣчіемъ гремящія, а сія кротчайшимъ глаголомъ Іисусовымъ

истину дерзновенно проповѣдующія. Вотъ слышимъ, что великій Павелъ пишетъ къ коринѳянамъ, къ коринѳянамъ, говорю, которые плотскою премудростію паче другихъ возносились. (1 Кор. 2, 1—4). „И азъ пришедъ къ вамъ, братіе, пріидохъ не по превосходному словеси или премудрости возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе. И слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ (спорливыхъ) человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы: да вѣра ваша не въ мудрости человѣчестѣй, но въ силѣ Божіей будетъ“. Можетъ ли лучше быть описано духовной и плотской мудрости различіе, какъ сими словами языковъ Учителя?

Плотская мудрость бываетъ надменна и презрительна; и сей ея знакъ, весьма необманчивый. Ибо если кто ею довольно напоенъ будетъ, а, между тѣмъ, внутрь сердца своего божественной мудрости не пріиметъ, то таковый простѣйшую братію свою презираетъ, и высоко свою поднимаетъ бровь. Македонскій Александръ пришелъ нѣкогда къ бочкѣ Діогеновой и хотѣлъ съ симъ философомъ вступить въ разговоръ. Но онъ, отвергши сего монарха представленіе, просилъ, чтобы отъ него отошелъ прочь, и не мѣшалъ бы ему на солнцѣ грѣться. Какая надменная въ философѣ крылась мысль! Хотя онъ жилъ и въ бочкѣ, но сія бочка гремѣла другихъ презрѣніемъ, и хотя онъ былъ одѣтъ въ рубища, но сквозь сіи рубища гордость была видна.

Но духовная премудрость кротка и человѣколюбива. Ибо хотя великій Учитель нашъ и приказываетъ, чтобы мы искали мудрость змійную, но притомъ, чтобы она растворена была простотою (Матѳ., 10, 16). И по сему кротчайшаго Учителя предписанію точно поступали смиренные Его ученики. Премудрый языковъ Учитель нѣкоторыми обстоятельствами приведенъ былъ, чтобы коринѳянамъ дать знать, сколь великіе подъялъ онъ подвиги ради другихъ и ихъ спасенія, и коликихъ удостоился Божіихъ откровеній. Самую истину писалъ Апостолъ сей. Но послѣ, какъ будто въ нѣкоторой признаясь погрѣшности, извинялся сими кротостію исполненными словами: „быхъ несмысленъ хваляся, вы мя понудисте“ (2 Кор., 12, 11). О, Павле божественный! се ли твоя похвала, что ты всякій почти день отъ окружающихъ бѣдъ умиралъ? Но онъ тѣ же прекрасныя свои повторяетъ слова: „быхъ несмысленъ хваляся, вы мя понудисте“. Вотъ, живое изображеніе духовной премудрости, которую надменный и высокоумный духъ вмѣстить не можетъ, какъ то Самъ Сынъ Божій сіе призналъ предъ Отцемъ Своимъ небеснымъ: „Исповѣдаютися, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ“ (Матѳ., 11, 25). А изъ

сего ясно усмотрѣть можете, сколь малое сообщеніе плотской мудрости съ духовною.

Плотская мудрость малодушна и лицемѣрна. Она иногда очень высоко летаетъ разсужденіями; но какъ повѣетъ вѣтеръ какой ни есть страсти, а именно, самолюбія, или пріобрѣтенія нѣкоторой пользы, или страхъ стыда и наказанія, то сжимаетъ свои крылья, въ подлую приходитъ робость, и начинаетъ лицемѣрить, за бо́льшее почитая угождать своей страсти, нежели истину откровенно во всякомъ случаѣ проповѣдывать. Однако, безчестное сіе истины скрывательство обычай имѣетъ прикрывать честнымъ именемъ политики. Сократъ, который за самаго степеннаго изъ философовъ почитается, кажется, что не худо единаго Бога познавалъ. Но какъ предъ Аѳинскимъ судомъ донесено было, что онъ прочихъ покланяемыхъ народомъ боговъ презираетъ, то столь испугался и столь въ великое пришелъ малодушіе, что совсѣмъ не признавалъ, акибы онъ когда училъ быть единому Богу, и въ истинѣ сей, какъ въ нѣкоторомъ злодѣяніи, предъ судомъ извинялся. Но и какъ осужденъ былъ на смерть, приказалъ богу Эскулапію пѣтуха принести въ жертву. Я догадываюсь—для того, чтобы по смерти его не пронесли, акибы Сократъ былъ презритель боговъ. О, слабость плотской мудрости! „Гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обуи́ ли Богъ премудрость міра сего?“ (1 Кор., 1, 20).

Но такое ли дѣйствіе премудрость духовная имѣла въ своихъ христіанахъ? лицемѣрили ли они, когда приводимы были предъ тиранновъ? малодушествовали ли, когда показываемы имъ были острѣйшіе мечи, распаленные огни, разженныя сковороды, клокочущіе оловомъ котлы, самыхъ лютѣйшихъ звѣрей зубы, и прочія мучительныя орудія, какія токмо лютость человѣческая выдумать можетъ? Убоялись ли они, чтобы умолчать истину, которая глубоко на сердцѣ ихъ напечатана была? они единодушно до небесъ возносили сей гласъ: „Аще праведно есть предъ Богомъ, васъ послушати паче, нежели Бога, судите, а намъ умрети пріобрѣтеніе“ (Дѣян., 4, 19). Да ещѐ многіе изъ такихъ истины свидѣтелей были простые, по мнѣнію мірскому; были жены и младенцы, были дѣвицы, самый немощный полъ. Примѣръ намъ готовый на нынѣ празднуемомъ великомученикѣ Евстаѳіи, который, духовною ободренъ мудростію, лучше избралъ въ разженномъ мѣдномъ волѣ (о, воспоминанія страшнаго!) сожженъ быть, нежели отступить отъ истины; котораго великодушному примѣру и жена его, съ происшедшими изъ утробы своей чадами, доблестно послѣдовали; а чрезъ то, самымъ дѣломъ, и плотскую мудрость посрамили, и доказали христіанской философіи силу. Почему и исполнилось на нихъ оное Спасителево обѣща-

ніе, которымъ обѣщалъ дать имъ уста и премудрость. Далъ уста, которыми глаголали истину предъ царями и не стыдились. Далъ уста, которыми дерзновенно обличали суетное міра сего мудрованіе; далъ и премудрость, которую не могла превозмочь ни злость, ни хитрость человѣческая.

Толикое усмотря между плотскою и духовною мудростію различіе, уже безъ сомнѣнія заключить можемъ, слушатели, во-первыхъ, сколь одна человѣку полезна и потребна; сколь же, напротивъ, другая суетна и вредна. Что бо пользуетъ человѣку, ежели будетъ прилежный натуры испытатель, искуснѣйшій наблюдатель теченій небесныхъ, и высоковитійствующій словесникъ; но со всѣмъ тѣмъ—не почерпнетъ живой воды богопознанія изъ источниковъ Израилевыхъ, и не будетъ знать тѣхъ таинъ, которыя показываютъ путь къ вѣчному счастію, то окаяннѣйшій таковый всѣхъ человѣкъ, и вся мудрость его поглощена будетъ. Сего то бо ради какъ не позналъ міръ натуральною премудростію Бога, прогнѣвавшись—„Богъ благоволилъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ“. (1 Кор., 1, 21). Второе, сколь мы блаженны, что намъ, вѣрующимъ во Іисуса Христа, сія божественная мудрость всегда въ Евангеліи благовѣствуется и оную дражайшій нашъ Учитель намъ дать обѣщаетъ.—„Азъ дамъ вамъ уста и премудрость“ (Лук., 21, 5). Приступите убо къ Нему и просвѣтитеся и лица ваша не постыдятся“ (Псал. 33, 6).

Всѣмъ намъ Спаситель нашъ обѣщаетъ; но паче Тебѣ, Благовѣрный Государь Цесаревичъ, дражайшій всероссійскій Наслѣдникъ: ибо въ самый радостнѣйшій день рожденія Твоего, который мы нынѣ: торжественно усердныя Вышнему принося о здравіи Твоемъ молитвы, празднуемъ; въ самый, говорю, день рожденія Твоего, Преблагій Промыслитель, Богъ, Тебя въ міръ сей входящаго какъ бы привѣтствовалъ сими изъ Евангелія словами: „Азъ дамъ Тебѣ уста и премудрость“. „Дамъ уста“, которыми увеселишь отечество Твое, „дамъ и премудрость“, которою всегдашнее благополучіе сыщешь дому Петрову, которое обѣщаніе Божіе и, дѣйствительно, на Тебѣ видимъ исполняемое. Ибо усерднѣйшимъ попеченіемъ дражайшей Родительницы Твоей, Всеавгустѣйшей нашей Монархини, объ общей пользѣ болѣе, нежели о собственной своей пекущейся, при прочихъ наукахъ, и закону Божію обучаетесь, и страхомъ Его младенческую свою непорочную душу наполняете, а чрезъ то восходите на степень духовной премудрости, которою да напоятъ Тебя Духъ Святый, къ неописанной радости дражайшей Родительницы Твоей, Благочестивѣйшей Самодержицы нашей, Церкви же и всей Россіи во утвержденіе. Аминь.

Слово въ недѣлю 21 по сошествіи Святаго Духа *).

„Сѣмя есть слово Божіе“.
(Лук., гл. 8, ст. 2).

Нынѣшнее Евангеліе отверзаетъ намъ духовный вертоградъ, въ которомъ Небесный Сѣятель сѣетъ сѣмя божественнаго слова Своего не на поляхъ, но на сердцахъ нашихъ, слушатели. И какъ домовитому мужу пристойно, началъ оное сѣяніе съ самаго утра, то есть, отъ самаго начала міра, сперва изустными откровеній Своихъ преданіями, потомъ закономъ письменнымъ и Пророческими ученіями: а напослѣдокъ Евангеліемъ, которое начало принявъ отъ Самого Господа, и доселѣ благодатію Божіею черезъ пастырей и учителей въ Церкви Христовой не увядаетъ. А чтобы сіяніе ученія его дѣйствительнѣе было, разными оное предлагаетъ человѣку способами; когда его то обѣщаніями склоняетъ, то страхомъ умягчаетъ, то притчами, какъ бы нѣкими подкопами, въ наши входитъ сердца. Гордому представляетъ смиренія высоту, скупому милосердія плоды, лѣнивому трудолюбія честность, грѣшника кающагося утѣшаетъ величествомъ милосердія Своего, а нераскаяннаго устрашаетъ строгостію Своей справедливости, праведника утверждаетъ обѣщаніями благъ, уготованныхъ любящимъ Его.

И въ разсужденіи сихъ—то различныхъ способовъ входить въ сердце человѣческое, слово Божіе уподобляется сѣмени, съ которымъ какое есть подлинно сходство, нынѣшнею бесѣдою изслѣдовать, да не почтетъ себѣ благосклонный слушатель во отягощеніе. А Ты, Сѣятель благій, сотвори, чтобы сердце наше, яко благая земля, принявъ съ радостію божественное слово Твое, напоилось росою Духа Твоего.

СѢМЯ ЕСТЬ СЛОВО БОЖІЕ.

Якоже сѣмя иное падаетъ при пути, на такомъ, то есть, мѣстѣ, гдѣ отъ мимоходящихъ легко попрано быть можетъ, или птицы поядаютъ; такъ и слово Божіе иные невнимательно слушаютъ, но съ небреженіемъ. А то потому, что къ слышанію проповѣди не возбуждаетъ ихъ чаемая оттуда польза, но или одно обыкновеніе, или любопытство. Почему такой слушатель подобенъ человѣку, смотрящему лице свое въ зеркалѣ, который какъ отойдетъ, то позабываетъ, какого онъ казался лица (Іак., 1, 23—14). Когда Спаситель нашъ въ смертномъ находился подвигѣ, неоднократно приходилъ къ ученикамъ Своимъ, но заставалъ ихъ спящихъ; и какъ глаза ихъ столь были

*) Сказано 1763 года, мѣсяца октября, 5 дня.

сномъ отягощены, что зовущаго ихъ гласа не слышали, то на послѣдокъ сказалъ имъ: „спите прочее и почивайте“ (Матѳ., 26, 45). Такъ и всякъ изъ насъ опасаться долженъ, чтобы, ежели мы ученіе спасительное будемъ принимать сонливыми ушами, благодать Божія не сказала: „спи теперь и почивай, прошло ученія твоего время, заключились двери“.

Якоже сѣмя иное падаетъ на камень, гдѣ, понеже нѣтъ влаги, скоро засыхаетъ и желаемаго не приноситъ плода, такъ и слово Божіе въ тѣхъ бываетъ безплодно, которые не утверждены въ вѣрѣ, и о законѣ Божіемъ имѣютъ малое понятіе, почему такіе, какъ совершенно не знаютъ, какое нашего христіанскаго закона предъ прочими есть превосходство, то на время вѣруютъ, а во время напасти отпадаютъ.

Якоже сѣмя иное упадаетъ въ терніе, гдѣ, хотя бы и могло возрасти, но понеже густотою терновыхъ вѣтвей подавляется, созрѣть не можетъ: такъ и слову Божію самое великое препятствіе бываетъ отъ терній; отъ терній, разумѣю, житейскихъ суетъ, отъ терній богатства, отъ терній сладострастій мірскихъ. Понеже, за житейскими хлопотами, слышать ученіе нѣтъ времени: богатство наружными прибытками отводитъ отъ сего духовнаго училища; а сладострастія занимаютъ все сердце бѣднаго человѣка чтеніемъ соблазнительныхъ книжекъ, непристойными разговорами, развращенными компаніями. Такіе люди тѣмъ сожалительнѣе, что за малые прибытки, за краткое услажденіе продаютъ ту пользу, которая могла бы ихъ вѣчно сдѣлать счастливыми. О, окаянное терніе! Ты уязвленіемъ своимъ смертоносную намъ наносишь рану. Въ Ефесѣ Павелъ проповѣдывалъ, что тѣхъ за боговъ почитать нельзя, которыхъ руками человѣческими сдѣлать можно (Дѣян., 19, 24). Прослышавъ сіе, нѣкоторый Димитрій, который дѣлалъ идоловъ, созвалъ всѣхъ своихъ товарищей, и такъ имъ говорилъ: „Товарищи! вы знаете, что симъ мастерствомъ мы питаемся; почему ежели не удержимъ успѣхъ ученія Павлова, то можемъ остаться безъ пропитанія“. Послѣ сего столь великую подняли они молву, что принудили блаженнаго Павла выйти изъ того города. Вотъ—терніе тлѣннаго богатства подавило сѣмя ученія Павлова!

Якоже сѣмя иное падаетъ на добрую землю, которое и благополучно произрастаетъ и изобильный приноситъ плодъ: такъ и слово Божіе иные принимаютъ съ усерднымъ желаніемъ и съ радостнымъ сердцемъ, которое не имѣетъ ни камня жестокости грѣховной, ни терній сладострастія, но, умягчаемо благодатію, украшается цвѣтами благихъ намѣреній и обогащается плодами добродѣтелей. И о такой-то благаго сердца землѣ нѣгдѣ написано: „Земля, пившая сходящій на ню множицею дождь, и раждающая былія добрая онымъ, ими же и дѣлаема бываетъ, пріемлетъ благословеніе отъ Бога“ (Евр., 6, 7).

Якоже сѣмя, хотя бы и на добрую пало землю, дабы могло созрѣть, надобно часто дождемъ напояему быть. Такъ и слово Божіе недовольно, чтобы мы одинъ разъ или другой охотно приняли, но должно, въ надеждѣ собранія благодатныхъ плодовъ, наичаще къ чтенію и слышанію его прилежать и не престават животворную изъ него сосать влажность. Такимъ дождемъ блаженный Давидъ напоялъ благословенную ниву свою, когда въ законѣ Божіемъ поучался день и нощь (Псал. 1).

Якоже сѣмя только доброе сѣется, но тутъ же нечаянно возрастаютъ и плевелы; и сколько бы бѣдный поселянинъ ни тщился оныя исторгать, но совершенно не можетъ: гдѣ ни есть и какимъ ни есть образомъ, но вредное оное быліе между пшеницею занимаетъ мѣсто. Такъ Церковь Христова тщится посѣять и сѣетъ на нивахъ сердецъ христіанскихъ единое слово Божіе; но врагъ человѣка тутъ же скрытно всѣваетъ плевелы развращенныхъ мнѣній и соблазнительныхъ ученій. Христосъ наполняетъ житницу христіанской души блаженными Своими зѣменами; но врагъ нашъ беззаконною лопатою своею оныя развѣваетъ; Христосъ показываетъ намъ путь къ вѣчному счастію; но міръ на семъ пути полагаетъ претыканія и соблазны; Христосъ учитъ чистотѣ и цѣломудрію; но страстная плоть наружными своими пріятностями прельщаетъ насъ. Здѣсь, въ храмѣ Божіемъ, предлагается ученіе нравовъ, а за порогомъ церковнымъ встрѣчаютъ насъ тысяча случаевъ къ повреженію нравовъ. И сіе-то истинныхъ пастырей церковныхъ презѣльно оскорбляетъ; сіе—то принуждаетъ ихъ со слезами произносить жалобныя сіи слова: „Господи! не доброе ли сѣмя сѣяхомъ; откуду убо суть плевелы“?

Якоже сѣмя, ежели хранится только въ житницѣ, пребываетъ безъ плода: такъ ежели кто силенъ въ книгахъ, то есть, довольное имѣетъ искусство въ списканіи разума Божественнаго Писанія, но оное не употреблялъ бы къ наставленію простѣйшей братіи своей, хотя бы видѣлъ ихъ въ крайнемъ невѣжествѣ, такой, яко всуе пріемый талантъ благодати Божіей, не только никакой не приноситъ пользы, но еще дѣлаетъ и вредъ: что бо пользуетъ сокровище сокровенное? Было нѣкогда во Израилѣ такое несчастливое время, что неизвѣстно пропадала книга закона Божія; и какъ начали для возобновленія разбирать стѣны храма, то какъ-то нечаянно тутъ же нашли и оную книгу. Самъ великій священникъ, увидѣвъ надпись закона Божія, съ удивленіемъ сказалъ: „Книгу закона Божія обрѣтохъ въ дому Господни“ (4 Цар., 21, 8); но и нынѣ въ новомъ Израилѣ священная книга Евангелія едва ли не у многихъ также въ развалинахъ забвенія и лѣности погребена есть.

Яко же сѣмя, хотя бы нечистыми посѣяно было руками, но на доброй землѣ, не лишится плода своего: такъ и слово Божіе, хотя бы чрезъ недостойнаго проповѣдуемо было учителя, можетъ быть плодоносно, ежели зрѣлымъ разсужденіемъ будетъ утверждено слушателево сердце. И въ семъ-то разумѣ Спаситель приказалъ слушать фарисеевъ. „На сѣдалищи Моусеовѣ сѣдоша книжницы и фарисее: вся, елика глаголютъ вамъ творити, творите: по дѣломъ же ихъ не творите: глаголютъ бо, и не творятъ“ (Матѳ., 23, 2—3). Хотя подлинно признаться надобно, что учительство дѣйствительнѣе въ устахъ того пастыря, въ которомъ ученіе съ благочестіемъ соединено есть, и который не опасается, чтобы ему сказали: „врачу, исцѣлися самъ“.

Яко же сѣмя сѣетъ поселянинъ, но возраститъ Богъ: такъ и слово Божіе проповѣдуютъ пастыри и учители, и тѣмъ касаются единыхъ токмо слушателевыхъ ушесъ; но сердце подвигнуть и обратить есть дѣйствіе единаго всесильнаго Бога: „Павелъ насадилъ, Аполлосъ напоилъ, но возрастилъ Богъ“ (1 Кор., 3, 6). Такъ что же Павелъ, что Аполлосъ? точію служители или орудія, чрезъ которыя вседѣйствующій Богъ благоволилъ въ другихъ вѣру насадить. Такое разсужденіе великое подастъ учителямъ утѣшеніе, чтобы не ослабѣвали въ похвальномъ трудѣ своемъ и тогда, когда бы видѣли слушателей мало успѣвающихъ въ исправленіи.

Какъ къ сѣянію не всякое время способно, но усматривать способность онаго есть дѣло разумнаго поселянина, такъ и мудрый учитель ловитъ удобнѣйшіе случаи, чтобы взойти въ сердце слушателево. Когда видитъ его или сустами занятаго, или о увеселеніяхъ токмо помышляющаго, или въ высокое о себѣ мнѣніе пришедшаго, тогда нѣкоторое таковой братней немощи дѣлаетъ снисхожденіе. „Надобно бо нѣкогда и предъ немощными быть, яко немощну“ (1 Кор., 18, 22). Но когда видитъ его отъ множества суетъ скорбящаго, отъ весслостей скучающаго, отъ разныхъ перемѣнъ свою бѣдность признающаго; тогда уже, призвавъ Бога на помощь, исходитъ на дѣло свое радуяся. Такъ Павелъ, увидѣвъ въ Аѳинахъ надпись: „невѣдомому Богу“ (Дѣян., 17, 23), взялъ случай проповѣдывать невѣдомаго ими Іисуса Христа. Благовѣстникъ Филиппъ обратилъ къ вѣрѣ евнуха, увидѣвъ его читающимъ книгу Исаіи пророка (Дѣян., 8, 30). А хотя и велѣно нѣгдѣ: „настоять ученіемъ благовременно и безвременно“ (2 Тим., 4, 2); но сіе относить надобно до учителя, а не до ученика; то есть, усмотря въ слушателѣ охоту, тотчасъ приниматься за дѣло, не разсуждая о своихъ недосугахъ.

Яко же сѣмя само собою есть мало, но когда возрастетъ, бываетъ древо великое, и птицы небесныя гнѣздятся между вѣтвями его. Такъ

и слово Божіе предъ очами непросвѣщенныхъ человѣкъ кажется мало и презрительно, но самою вещію есть сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему. „Живо бо слово Божіе и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра“ (Евр., 4, 12). Симъ слова Божія мечемъ вооружившись, богоносные апостолы нажесточайшія сердца умягчили, симъ словомъ заградили высоковитійствующія уста, посрамили вѣка сего мудрость, и всего свѣта сдѣлались преславными побѣдителями. Такъ какой же быть надобно оной душѣ, которая ниже симъ слова Божія пропзается мечемъ!

Яко же сѣмя, принесши плодъ, онымъ питаетъ тѣло, такъ и слово Божіе питаетъ душу, которое питаніе есть предначатіе вѣчныхъ, нѣкогда быть имѣющихъ, сладостей. Нѣкогда Господь Вседержитель единому изъ Своихъ пророковъ подалъ свитокъ книжный, и сказалъ ему: „сыне человѣчъ! снѣжды свитокъ сей!“—„и снѣдохъ его, говоритъ Пророкъ,—„и бысть во устѣхъ моихъ, яко медъ сладокъ“ (Іезек. 3, 1—3); такъ и всякому изъ насъ невидимо Божественная благодать въ уши сердечныя вопіетъ: „сыне человѣчъ! снѣжды свитокъ спасительнаго ученія алчными устами души твоей“; а когда снѣшь, то воспоешь съ Давидомъ: „коль сладка гортани моему словеса Твоя, Господи: паче меда устомъ моимъ“ (Псал. 118, 103). Яко же сѣмя ежели будетъ безплодно, бываетъ голодъ. Такъ, ежели слово Божіе желаемаго своего лишается плода, наступаетъ духовный голодъ, то есть, невѣдѣніе крайнее о Богѣ, презрѣніе добродѣтели, небреженіе о своей должности, чрезъ что лишаемся той жизни, которою оживотворяется наша душа. Опасный поистинѣ таковой гладъ! и онымъ наказать наше непокорство грозитъ Господь Саваоѳъ чрезъ одного изъ Своихъ пророковъ; „Се дніе грядутъ“, глаголетъ Господь: и „пошлю гладъ на землю, не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но гладъ слышанія слова Господня“ (Аммоса, 8, 11). О, поллинно страшное угроженіе! ибо симъ гладомъ не тѣло, но самая умерщвляется душа.

Якоже напослѣдокъ бываетъ иногда жатва многа, но дѣлателей мало. Такъ иногда тщательные христіане жаждутъ слышать слово Божіе, но нѣтъ духовныхъ жателей, которые могли бы погасить блаженную оную жажду водою живою слова Божія. Многіе бо сидятъ при источникахъ духовныхъ, но не имѣютъ почерпала, то есть довольнаго ученія, чтобы онымъ, изъ кладезя того почерпнувъ, себя и другихъ напоили. Въ нынѣшнее время не безъ затрудненія можно узнать, въ комъ большая скудость—въ слушателяхъ ли или въ учителяхъ. Ибо тѣхъ за истинныхъ слушателей почесть нельзя, которые на подобіе песочныхъ часовъ, что однимъ ухомъ принимаютъ, то чрезъ другое выпускаютъ, и которые болѣе пріятности, нежели пользы, въ словѣ ищутъ. „Блажени слышащіи слово Божіе и творящіи е“.

Толикое усмотрѣвъ между сѣменемъ и словомъ Божіимъ сходство, учители да тщатся неусыпно пребывать въ семъ духовномъ сѣяніи, и въ вертоградѣ Христовѣ работать нелѣностно, а слушатели да тщатся быть благою землею, съ радостію пріемлющею сѣмя слова Божія. „Имѣяй уши слышати, да слышитъ“. Аминь.

Слово въ недѣлю 25 по сошествіи Святаго Духа *).

И кто есть ближній мой?“
(Лук., гл. 10, ст. 29).

Который вопросъ предложилъ законникъ Спасителю, искушая его, тотъ мы предложимъ теперь себѣ, слушатели, съ усерднымъ и нелицемѣрнымъ желаніемъ узнать ближняго нашего, взаимно другъ друга вопрошая такъ: друже! „и кто есть ближній мой?“ кто есть тотъ, котораго самое естество со мною неразрывно связало? кто есть тотъ, о котораго благополучіи я не меньше, какъ о собственномъ своемъ, стараться долженъ? а наипаче что, намъ, выключа училище священнаго сего мѣста за житейскими суетами, за частыми веселостями, едвали бываетъ досужно подумать когда о ближнемъ нашемъ, и принять въ разсужденіе тотъ долгъ, котораго отъ насъ другіе по справедливости требовать могутъ. Ибо, что тотъ-то мой недоброжелатель, что другой безъ отмщенія моего остаться не долженъ, что третьяго имѣніемъ польза моя знатно пріумножиться можетъ, о томъ мы часто да еще съ нѣкоторымъ услажденіемъ подумываемъ; но чтобы, подражая Самарянину, на требующаго нашей помощи человѣка, возливать масло милосердія и вино утѣшенія, о томъ помышляемъ рѣдко, а чрезъ то допускаемъ бѣдныхъ опыхъ произносить Богу жалобныя сіи слова: „Господи! и ближніи мои отдалече мене сташа!“ прошли бо тѣ златыя времена, въ которыя не было во употребленіи сихъ словъ: „мое да твое“, но было все общее, да еще и единая душа оживотворяла всѣхъ. Изсякла любовь, которая есть союзъ совершенства! даруй же намъ, милосердный Владыко! чтобы мы, узнавъ, кто есть ближній нашъ, попеченіемъ и милосердіемъ своимъ отъ него не удалялись.

И КТО ЕСТЬ БЛИЖНІЙ МОЙ?

Ближній нашъ есть всякъ человѣкъ, нашей помощи требующій. Рабъ ли кто или свободный, знаемый или незнаемый, пріятель или соперникъ, всѣ, вообще, во время нужды нашимъ вспоможеніемъ снабдѣны, нашего милостиваго покровительства удостоены быть должны.

*) Сказано 1763 года, мѣсяца ноября, 2 дня.

Къ сему, во-первыхъ, склонить насъ можетъ то, что прибѣгающіе къ намъ суть человѣки, то есть, единаго съ нами естества, подобнаго тѣла, подобной души, отъ единой съ нами крови свое имѣютъ начало, и равнымъ съ нами подвержены страстямъ, равнымъ подлежатъ перемѣнамъ. Почему, ежели не знакомство, то, по крайней мѣрѣ, страждущее естество сильно возбудитъ въ насъ сожалѣніе къ ближнему. Кто бы такой былъ человѣкъ, говоритъ Евангеліе, „который бы видѣлъ овча, падшее въ яму, и не потщался бы оное оттуда извлечь“ (Мато., 12, 11). Такъ кто же бы былъ столь жестокосердъ, который бы самому человѣку въ яму несчастія впадшему не подалъ руку помощи? и для того святый Іоаннъ такое сердца ожесточеніе называетъ затвореніемъ утробы: „ иже имать“, пишетъ онъ, „богатство міра сего, и видитъ брата своего требующа, и затворитъ утробу свою отъ него, како любы Божія пребываетъ въ немъ“ (1 Іоан., 3, 17).

Но пускай мы будемъ столь каменнаго сердца, что насъ страждущее человѣчество подвигнуть несильно: по крайней мѣрѣ, возбудить насъ должно то разсужденіе, что мы и сами тѣмъ же нуждамъ подвержены быть можемъ, что и нашей жизни корабль, по морю міра сего плавающій, не весьма безопасенъ есть отъ волненія и отъ сокрушенія. Извѣстно бо, сколь частая и внезапная человѣческихъ вещей есть перемѣна. Что нынѣ мнѣ, то завтра тебѣ; который нынѣ на высокой превозносился колесницѣ, того завтра увидимъ поверженнаго на землю; который нынѣ Крезовымъ изобиловалъ богатствомъ, тотъ въ кратчайшее время будетъ лежать съ Іовомъ на плачевномъ гноищи.

Навуходоносоръ видѣлъ во снѣ превеликое древо, листами покрытое, цвѣтами украшенное, плодами обогащенное (Дан. 4, 7—9); но въ то же время Тотъ, Который не спитъ, и Который есть святъ, приказалъ оное дерево посѣчь, вѣтви обить, листы отрясти, и самый плодъ разсыпать; вотъ, ясное перемѣнъ человѣческихъ изображеніе! на которое ежели мысленными очами паичаще будемъ взирать, нельзя статься, чтобы мы или неосторожнѣе свою жизнь препровождали, или другому страждущему такою счастія перемѣною подать помощь отреклись. Иначе опасаться должны, чтобы тою мѣрою, которою мы мѣрили ближнимъ нашимъ, не возмѣрилось и намъ.

Я уже то молчаніемъ прохожу, что мы всѣ Божіей требуемъ помощи, и отъ Его щедрой руки всякій часъ получаемъ тьмочисленныя благодѣянія, за которыя ежели не будемъ неблагодарны (а благодарствіе наше паипаче состоитъ во взаимномъ другъ другу вспоможеніи), то сказано намъ будетъ изъ Евангелія: „Злый рабе! азъ весь долгъ отпустихъ тебѣ; не подобаше ли и тебѣ помиловати клеврета твоего“ (Мато., 18, 32—33)?

Такому разсужденію если бы мы самымъ дѣломъ послѣдовали, не были бы наполнены цѣлыя улицы стадами нищихъ, не было бы столько обидъ и гоненій, замолкли бы жалобы бѣдныхъ вдовицъ, не валялось бы столько предъ вратами нашими гладомъ истаявающихъ Лазарей, въ то самое время, въ которое издерживаемъ мы богатство на суетныя, а иногда и вредныя вещи.

Израильскій царь Ахавъ во время самаго лютаго глада послалъ правителя своего дома Авдія одною дорогою, а самъ пошелъ другою (3 Цар., 18, 5),—а зачѣмъ?—искать травы, чтобы было чѣмъ лошадей и скотъ пропитать. Вотъ, о скотѣ печется, но не видно, чтобы помышлялъ о множествѣ человѣковъ отъ глада умирающихъ. Но и нынѣ, можетъ, многіе, противъ Евангелія, отнимаютъ хлѣбъ отъ чадъ, и повергаютъ тотъ псамъ. Вы обижаете, пишетъ Павелъ къ коринѳянамъ, да еще братію: „почто не паче обидими есте? почто не паче лишени бываете? Аще другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитеся, да не другъ отъ друга истребленн будете“ (1 Кор., 6, 7; Галат., 5, 15). Но да вопроситъ паки всякъ себя: „и кто есть ближній мой?“

Ближній нашъ есть общество, въ которомъ мы родились, воспитались и правительству котораго мы препоручаемъ свое благополучіе и покой свой. Ежели бо всякаго человѣка почитать должны за ближняго своего, кольми паче симъ именемъ требуетъ быть почтено отъ насъ общество, которое къ намъ такъ близко, какъ мы сами себѣ, полику всѣ его намѣренія и дѣла кончатся на нашей пользѣ. Общество есть подобіе тѣла, которое, какъ нѣкоторые члены, составляемъ мы. Но члены другъ о другѣ пекутся, да такъ, что когда страждетъ одинъ членъ, съ нимъ страждутъ и всѣ; и когда радуется одинъ членъ, радуются съ нимъ и прочіе уды, а то потому, что не можетъ одно тѣло назваться здравымъ, ежели нѣкоторые члены немоществуютъ, и члены не могутъ быть здравыми, ежели не будетъ здравъ весь тѣлесный составъ; такъ и благополучіе общества есть благополучіе всякаго особь; и всякій особенно не можетъ назваться благополучнымъ, ежели его благополучіе не будетъ соединено съ благополучіемъ общества. Почему, ежели бы кто о цѣлости общества не имѣлъ попеченія, такой не только былъ бы вреденъ обществу, но и самому себѣ. А удовлетворимъ требованію общества тогда, когда въ томъ званіи, въ которое отъ Бога призванъ всякъ, будемъ съ вѣрностію исправны. А, именно, когда пастырь церковный словомъ Божіимъ питаетъ свое стадо, и усердныя молитвы приноситъ Богу о себѣ и о людскихъ невѣжествіихъ, когда судія не продаетъ справедливость, когда полководецъ въ защищеніи отечества пребываетъ неусыпно, когда купецъ, не нарушая правды, служитъ недостаткамъ нашимъ, или, да съ Павломъ скажу: „аще учай

пребывастъ во ученіи; аще утѣшаяй, во утѣшеніи; подаваяй, въ простотѣ; начальствуяй, со тщаніемъ; милуяй, съ добрымъ изволеніемъ: честію другъ друга больша творяще: тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе“ (Римл., 12, 7—11). Такимъ образомъ, цѣлость общества соблюдается, и платится тотъ долгъ, котораго оно отъ насъ, яко отъ своихъ членовъ, всегда требовать можетъ.

Но и то нашего разсужденія достойно, что члены въ тѣлѣ другъ о другѣ пекутся, потому что одинъ членъ въ другомъ нужду имѣетъ; такъ и всякъ изъ насъ особенно разсуждаемый не есть столь совершенъ, чтобы въ другомъ не имѣлъ нужды. И сей союзъ есть столь великъ, что онъ по справедливости общества душею долженъ назваться. Не иная бо причина составила общество, населила села, построила города, основала государства, какъ токмо та, что жизнь человѣческая не можетъ быть спокойною и благополучною, какъ токмо соединеніемъ многихъ во едино, добрѣ управляемое общество. Но сей священный союзъ скоро можетъ быть разорванъ, ежели не будемъ хранить сладчайшій покой общества; а онъ хранится токмо взаимнымъ другъ о другѣ попеченіемъ.

Древній философъ Анаксагоръ, видя себя въ старости мало призираема отъ Перикла, коему онъ былъ учитель, принялъ намѣреніе умереть съ голоду, и какъ увѣдомившись о томъ Периклъ, всячески просилъ его, чтобы онъ не отрицался жить еще на свѣтѣ; тогда Анаксагоръ сказалъ ему: „Периклъ! которые имѣютъ нужду въ свѣтѣ отъ лампады, тѣ не позабываютъ лить въ нее масло!“ Многія лампады погасаютъ, такимъ образомъ, отъ нерадѣнія тѣхъ людей, которымъ бы надлежало о нихъ имѣть стараніе. Но, опять, не самая ли правда требуетъ, чтобы мы имѣли попеченіе о томъ обществѣ, которое печется о нашемъ благополучіи. Правительства бо общаго труды снискиваютъ намъ покой, промысломъ его утверждается наша безопасность, и подъ его сѣнію мы сладко опочиваемъ.

Такое разсужденіе въ насъ произвести должно то, чтобы ничего намъ не было дражае благополучія общаго, чтобы не было столько гулянія съ великимъ ущербомъ добрыхъ правовъ, вещей и времени, но жалѣли бы оное на совѣты, утверждающіе общество, на дѣла нашей должности, пропали бы вредныя прибыльщики, которые общей пользѣ предпочитаютъ собственную свою, вмѣсто того, чтобы пользу общую защищать, не только съ потерей пользы своей, но когда бы того нужда потребовала—и самой жизни, а чрезъ сіе дражайшее общество подобно было бы доброй и домостроительной фамиліи, подобно было бы любовному братству; слѣдовательно, такъ бы процвѣтало, что и оно, какъ матерь, о насъ веселилось бы, и мы подъ материнмъ его

покровительствомъ пребывали бы безопасны. Но терпѣливо снесите, слушатели, что я еще хощу вопросить: „и кто есть ближній мой?“

Ближній нашъ или паче—матерь наша еще есть Христова Церковь, въ которой мы духовно родились, млекомъ слова Божія воспитались, и которая о нашемъ истинномъ счастіи, яко сердобольная мать, печется. Вотъ, ея гласъ, который она въ свидѣтельство любви своей произноситъ устами Павловыми: „Уста наша отверзошася къ вамъ, о христіане, сердце наше распространися. Не тѣсно вмѣщается въ насъ? но только утѣсняется во утробахъ вашихъ“ (2 Кор., 6, 11—12). Надобно быть тому или чувствъ лишенному, или нечестіемъ весьма ожесточенному, который сію матернюю любовь Церкви не тщился бы платить сыновнимъ къ ней усердіемъ.

А усердіе сіе требуетъ отъ насъ, чтобы мы святѣйшую вѣру нашу почитали выше всего, и не думали бы быть какой пользѣ изъ того обществу или намъ, что не соединено съ пользою благочестія, чтобы знаніе закона Божія имѣли за единственное основаніе всѣхъ дѣйствій нашихъ, а по его правиламъ поступать —за сущее благополучіе наше, чтобы усерднѣйше старались всѣмъ вдыхать высокія мысли о благочестіи, а тѣхъ, которые бы презирали оное или объ ономъ не радѣли,— яко вредныхъ и мерзкихъ общества членовъ, отвращались бы. Ибо безъ сомнѣнія не можетъ тотъ быть и добрый гражданинъ, кто не будетъ добрый христіанинъ. Истинный христіанинъ, будучи побуждаемъ тою благодарностію, какою онъ обязанъ къ своему дражайшему Искупителю, поощряемъ надеждою будущихъ благъ, одолжаемъ онымъ соединеніемъ, какое имѣетъ въ таинственномъ тѣлѣ Церкви Христовой, почелъ бы себя за неблаго ариѣйшее созданіе, ежелибы при всякомъ случаѣ не оказалъ себя горячимъ ревнителемъ благочестія.

А наипаче благочестивые государи за высочайшій верхъ славы своей всегда почитали быть усердными истинной вѣры покровителями и защитниками; и тѣмъ исполняли оное славное Исаіино пророчество, которымъ описано будущее Церкви Христовой благополучіе: „Свѣтися, свѣтися, Іерусалиме, пріиде бо твой свѣтъ, и слава Господня на тебѣ возсія. И будутъ царіе кормители твои, и княгини ихъ кормилицы твои“ (Ис., 49, 23; 60, 1). Сіе пророчество исполнилось и на Тебѣ, благочестивѣйшая Монархиня наша, когда вооружившись вѣрою, преславною благочестія показалась еси защитницею, которыя ревности въ награжденіе попечительное о насъ Божіе Провидѣніе, вручило Тебѣ, величествомъ и православіемъ сіяющій, престолъ. И сему высокому Вашего Величества примѣру да подражаютъ и подчиненные Твои. Но ужели се сомнительно? вотъ, я вижу, что и на знаменахъ, и на кавалеріи, и на звѣздахъ — изображены сіи слова: „за вѣру, за вѣру“.

Очень изрядно и благочестиво. Да не довольно, чтобы сіе вышито было на матеріи; надобно, чтобы напечатано было и на глубинѣ сердца. Сіи наружные знаки должны быть свидѣтельствомъ внутренней ревности по вѣрѣ. А чтобы быть ревностному по вѣрѣ, надобно знать вѣру. Но нѣтъ ли въ христіанахъ и такихъ, которые обучаться закону почитаютъ или за неполезное, или за непріятное, или за непристойное, а, вмѣсто того, въ наученія странна и различна отдавшись, и наполнивши свою голову стишками и другими сочиненіицами, дѣлаются совершенно плотскими, а плотской человѣкъ,—по Павлову слову,—„не пріемлетъ, яже Духа Божія: юродство бо ему есть“ (1 Кор., 2, 14.) „Два зла сотвориша людіе Мои“,—глаголетъ у Іереміи Господь Богъ,—„Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себѣ кладязи сокрушеныя, иже не возмогутъ воды содержати“ (Іер., 2, 13). Другіе, можетъ, сему смѣются и радуются: смѣются таковыхъ суетѣ; а радуются, что удобнѣе ихъ, яко неутвержденныхъ, могутъ склонить къ мнѣніямъ своимъ. А сіе весьма чувствительно прободаетъ сердце Церкви Христовой.

Господи! изъ слова Твоего мы узнали, „кто есть ближній нашъ“; только милостиво сотвори, чтобы мы, подражая самарянину, оное самымъ дѣломъ исполняли. Аминь.

Слово въ недѣлю 28 по сошествіи Святаго Духа *).

„Мнози суть звани, мало же избранныхъ“. (Лук., гл. 14, ст. 24).

Созываетъ насъ днесь Евангеліе на преславный духовный пиръ, на которомъ предлагается безсмертная пища—Самъ Агнецъ Божій, закланный прежде сложенія міра со всѣми оными плодами, которые Онъ страданіемъ Своимъ и дражайшею смертію пріобрѣлъ. Сего преславнаго пира величество, богатство, и оживляющее и услаждающее наши души дѣйствіе нѣтъ нужды описывать. Ибо вы, благословенные христіане, спасительною благодатію не токмо на оный призваны, но, дѣйствительно, видите очами вѣры славу его, и устами души своей вкусили отъ его сладостей. Вы просвѣщены и причастились Духа Святаго; вы чувствовали сладчайшій вкусъ Божія глагола, и силы грядущаго вѣка. Васъ привѣтствуетъ святый Петръ, что „вы родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, яко да добродѣтели возвѣстите изъ тьмы васъ призвавшаго въ чудный свой свѣтъ“ (1 Петр., 2, 9). А когда призваны и неизслѣдимаго богатства благости Божіей сподобились, то, вотъ, тотъ же Петръ увѣщаваетъ

*) Сказано 1763 года, мѣсяца декабря, 14 дня.

насъ сію великую благодать содержать въ чистой совѣсти: „потщитеся“, говоритъ, „братіе, извѣстно ваше званіе и избраніе творити: сице бо обильно подастся вамъ входъ въ вѣчное царство“ (2 Петр. 1, 10).

Но какъ много и такихъ, которые не суть отъ двора сего, то есть, или званіе Божіе отвергаютъ или, получивъ даръ сей, но оный употребляютъ во зло; а какъ благость Божія никому не хощетъ погибнуть, то какимъ же образомъ она производитъ сіе спасительное дѣйствіе? Ты, милосердія неисчерпаемая бездна, Боже, вразуми насъ, и даждь нашему сердцу слышать внутренній гласъ зовущей благодати Твоей!

Различными образы зоветъ милосердный Богъ человѣка ко спасенію, и неизслѣдимыми намъ судьбами предуготовляетъ всякому путь къ добродѣтели. Зоветъ Онъ насъ чрезъ добрыхъ родителей, чрезъ разумныхъ учителей, чрезъ пристойное воспитаніе, чрезъ постоянныхъ товарищей и вѣрныхъ друговъ, чрезъ похвальные примѣры, чрезъ чтеніе или слышаніе полезныхъ книгъ и ученія. Иного отводитъ отъ зла страхомъ, другаго приводитъ къ добру награжденіемъ; сего исправляетъ нищетою, того поощряетъ къ добродѣтели богатствомъ; одного смиряетъ несчастіями, другаго слабость и уныніе въ добрыхъ предпріятіяхъ ободряетъ честію. Но кто можетъ исчислить различные образы милосерднаго о насъ попеченія Божія? мы теперь, слушатели, за довольное почтемъ узнать хотя только важнѣйшіе пути званія Божія.

Зоветъ, во-первыхъ, насъ Богъ къ добродѣтели и къ истинному благополучію чрезъ законъ естественный. Извѣстно бо, думаю, всякому, что Богъ, созидая человѣка, вкупѣ вліялъ въ него вѣчный законъ Свой, то есть, способность къ различенію добра отъ зла, и посѣялъ въ сердцѣ его сѣмена добродѣтели. Всѣ народы, въ прочемъ дикіе и несогласные нравами, обыкновеніями, языкомъ, законами, но безъ учителя и безъ книгъ довольно согласны въ томъ, что иное есть само чрезъ себя честно и похвально; другое безчестно и срамно. Сіе разсужденіе засвидѣтельствуетъ намъ великій Павелъ: „языцы“, говоритъ, „неимуще закона, естествомъ законная творятъ, сіи законное не имуще, сами себѣ суть законъ: иже являютъ дѣло закона написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ“ (Римл., 2, 14—15).

А отсюда усматриваемъ спасительное намѣреніе Создателево, дабы симъ впечатлѣніемъ закона сдѣлать намъ добродѣтель любезною, а порокъ ненавистнымъ, котораго закона сила тѣмъ дѣйствительнѣе, что мы, сдѣлавъ какое добро, самое живое внутри себя чувствуемъ утѣшеніе; но, сдѣлавъ худое, хотя бы ни отъ кого никакого не опасались наказанія, жестокое внутри претерпѣваемъ отъ совѣсти обличеніе и

самихъ себя стыдимся и срамляемся. А сіе, врожденное намъ, о добрѣ понятіе, сія, чувствуемая въ сердцѣ нашемъ по содѣланіи добра, радость, сіе совѣсти грызеніе, неразлучное наказаніе порока—не есть ли сильное къ добродѣтели ободреніе, и ясное званія Божія знаменіе? да и подлинно, какимъ бы страстямъ и злодѣяніямъ мы ни подвергали себя, ежели бы насъ не обуздывала ни совѣсть, ни стыдъ; когда и совѣстію обличаемы и поражаемы стыдомъ, не престаемъ худыми обременять себя дѣлами?..

Однако, сіе Божіе званіе, сколь само по себѣ ни дѣйствительно, не приводитъ человѣка въ надлежащее совершенство, но только предуготовляетъ къ благодати Христовой: ибо самымъ искусомъ дознаемъ, что мы не можемъ быть безпорочными исполнителями закона естественнаго. И по сей-то причинѣ законъ естественный, или, что то же есть, неповрежденная философія называется служительницею благодати Евангельской: „законъ пѣстунъ намъ бысть во Христа, да отъ вѣры оправдимся“ (Гал., 3, 24), вопіетъ учитель языковъ. А чтобы врожденный законъ совершенно исполнить, въ томъ препятствуютъ намъ недостатки нашего естества и воюющія внутри насъ страсти, которыя единаго человѣка на двѣ противныя части раздираютъ такъ, что принуждены бываемъ съ Павломъ вопить: „не еже хощу, сіе творю: но еже ненавижу, то содѣлываю: еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю“ (Римл., 7, 18—19).

Сія война, подлинно, препятствуетъ Божію званію, но и помогаетъ въ нѣкоторомъ разумѣ. Приводитъ бо насъ въ признаніе своей немощи и бѣдности, а черезъ то велитъ намъ искать цѣлителя и избавителя; „не требуютъ бо здравіи врача, но болящіи“. И для того-то святый Апостолъ написалъ, что „идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать“ (Римл., 5, 20), то есть множество грѣховъ приводитъ человѣка къ признанію своего окаянства, а признаніе сіе сподобляется великаго милосердія Божія отпущающаго множество грѣховъ. И сей есть первый путь званія Божія.

Второе, зоветъ насъ Богъ къ исправленію строгостію закона, который подвергаетъ нераскаяннаго грѣшника гнѣву Его и различнымъ наказаніямъ. Извѣстно бо, какимъ страшнымъ изреченіемъ запечатлѣлъ Богъ законъ Свой: „Проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всемъ писанномъ въ книгѣ закона“ (Второз., 27, 26). Сіе проклятіе тѣмъ есть ужаснѣе, что оно удаляетъ насъ отъ Бога, въ которомъ состоитъ все наше блаженство, и ввергаетъ въ пропасть всякаго несчастія.

Но какъ сіе страшное Божіе опредѣленіе родъ человѣческій не весьма поразило, то посылалъ Богъ пророковъ, которые обличали бы нечестіе человѣческое, и устрашали бы наказаніями, какія они заслу-

жили. „Вотъ, Я на тебя о, нераскаянный грѣшникъ!—говорилъ чересъ пророковъ Богъ:—проведу тя чрезъ огнь напастей, уморю тебя гладомъ, умучу жаждою, разорю твердыя грады твои, и потопчу вожделѣнныя нивы твои, предамъ тебя всякимъ болѣзнямъ, предамъ непріятелямъ, которые возьмутъ чадъ твоихъ, возьмутъ самое любимое отъ тебя". „Аще не обратитеся, оружіе Свое очиститъ, лукъ Свой напряже и уготова его" (Псал. 7, 13). Да и, дѣйствительно, наказывалъ и наказываетъ болѣзнями, отнятіемъ любезныхъ дѣтей, несогласіями, войнами, пожарами, потопами, землетрясеніями, моромъ, гладомъ, скудостію, печалями; но сіе наказаніе мы принимать должны не иначе, развѣ какъ отеческое, которымъ благость Божія зоветъ насъ на покаяніе.

Однако, страшныя сіи Божіи угроженія и очевидные отмщенія Его примѣры не весьма возбуждаютъ насъ отъ глубокаго сна нашего. Пророки вопили: „гнѣвъ Божій, гнѣвъ Божій", но другіе, напротивъ, говорили: „миръ, миръ, и ничего не будетъ". Мы или угрозамъ тѣмъ не вѣримъ, или случайностямъ нѣкоторымъ все приписываемъ, или отдаемъ необходимостямъ. Корабль, въ которомъ плылъ Іона въ Фарсисъ, отъ страшнаго морского волненія сокрушался, но въ самое сіе время Іона спокойно опочивалъ: „что ты храпеши, Іона!—сказалъ ему кормчій, —востани и моли Бога твоего, яко да спасетъ ны Богъ, да не погибнемъ" (Іон., 1, 6). Что ты, человѣче, скажетъ же и намъ Богъ, глубокимъ сномъ нерадѣнія и безопасности спишь, когда корабль жизни твоей, по морю міра сего плавающій, всякій часъ близокъ есть къ сокрушенію? не видишь ли, что міръ волнуется, „міръ во злѣ лежитъ (1 Іоан., 5, 19) и—бѣды вездѣ: бѣды отъ разбойниковъ, бѣды отъ сродниковъ, бѣды въ селахъ, бѣды во градѣхъ, бѣды и въ пустыняхъ, бѣды отъ лжебратій" (2 Кор., 11, 26). Но, Господи, признаемся мы съ Твоимъ Іереміею, „очи Твои зрятъ на вѣру нашу: билъ еси насъ, и не поболѣхомъ: сокрушилъ еси насъ, и не восхотѣхомъ пріяти наказанія" (Іерем., 5, 3). Такъ, ужели Богъ оставилъ насъ, ужели все истощилось богатство благости Его? нѣтъ, нѣтъ, благословенные христіане! какъ законъ естественный сталъ неспленъ удержать единственно при добродѣтели, какъ угроженія и наказанія не сдѣлали насъ лучшими, то премудрость Божія изобрѣтаетъ еще средство, но самое дѣйствительное, да и послѣднее; а оно есть благодать Евангельская.

Званіе благодати Евангельской потому сильнѣе, что оно уже не строгостію, но удивительною благостію и несказаннымъ снисхожденіемъ умягчаетъ наше ожесточеніе. Законъ проклинаетъ, а благодать благословляетъ; законъ говоритъ: „око за око и зубъ за зубъ"; но благодать сказываетъ: „аще кто не имать грѣха, да вержетъ на грѣшника

камень"; тотъ говоритъ: „отъидите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный"; сія сказываетъ: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы". Законъ представляетъ намъ Бога во образѣ строжайшаго Судіи и Мздовоздаятеля, но Евангеліе—подъ видомъ самаго благоутробнѣйшаго Отца.

Сей небесный Отецъ, призывая насъ къ вѣчному счастію, объявляетъ, что Онъ не помянетъ всѣхъ грѣховъ нашихъ, милостивъ будетъ къ самымъ неправдамъ нашимъ; обѣщаетъ блага, которыя намъ на мысль никогда не могли придти, царство небесное, сладость райскую, увесселенія нескончаемыя, показываетъ внутреннюю тишину, которою наслаждается любящій Его, представляетъ раны Сына Своего, проліянную Его кровь, страданія и поносную смерть, что все предпріято, единственно, дабы спасти погибшаго человѣка. „Пріидите убо, пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, Азъ упокою вы" (Матѳ., 11, 28).

Сіе призываніе столь сильно, что надобно быть твердѣйшу камня тому, который бы и симъ непоздвиженъ былъ. Онъ говоритъ: „пріидите ко Мнѣ"; ты долженъ говорить: „готово сердце мое, Боже! готово". Я бы хотѣлъ, Христе мой, и прежде Твоего призванія, въ Тебѣ одномъ искать себѣ покоя, а теперь ли не послушаю, когда ты Самъ, сладчайшій Іисусе, Самъ къ рабу Твоему снисходишь"?.. Симъ гласомъ позваны разбойники, блудницы, мытари, сребролюбивые, радостно на подобіе жаждущаго еленя въ слѣдъ его бѣжали, и достигли тихаго въ небесномъ отечествѣ пристанища.

Почему вещь удивленія или паче сожалѣнія достойная, что иные величающіеся христіанскимъ именемъ, сей радостнѣйшій гласъ мимо ушей пускаютъ, и желаніемъ будущихъ благъ не восхищаются. Сему причиною есть, или что не имѣютъ совершеннаго понятія о высокихъ таинствахъ христіанскихъ, или и понимаютъ, но заботами мірскими, богатствомъ и сластями житейскими сія истина подавляема бываетъ. Въ нынѣшнемъ Евангеліи читано, что званные на вечерю Господню, то есть, въ животъ вѣчный, за покупками воловъ и селъ, или за поятіемъ жены, какъ бы согласившись, всѣ отказались, и всякъ изъ нихъ особенно сказалъ: „не могу придти". А эти краткія слова значатъ то, что, за пріятностями и за прибытками, я не хочу отпущенія грѣховъ, ненавижу христіанство, гнушаюсь Евангеліемъ, не любо мнѣ небесное царство, отрицаюсь Христа, сочетаваюсь діаволу. О, страшное слышаніе, которое да не падетъ на насъ, вѣрующихъ въ Тя, Господи! Ты евангельскимъ Своимъ благословеннымъ голосомъ сподобилъ насъ быть въ числѣ Твоихъ званныхъ; сподоби же намъ быть и въ числѣ избранныхъ. Аминь.

Слово на Рождество Іисуса Христа, Спасителя нашего *).

„Не бойтеся: се бо благовѣствую вамъ радость велію“. (Лук., гл. 2, ст. 10).

Въ сей благословенный день празднуемъ мы вожделеннѣйшее Спасителя нашего на землю пришествіе, а тѣмъ самымъ совершаемъ важнѣйшую благочестія христіанскаго тайну. Ибо симъ несказаннымъ Сына Божія къ роду человѣческому снисхожденіемъ истина, прежде вѣкъ опредѣленная, исполнилась, древнѣйшія пророчества сбылись, явственнѣйшія проображенія окончились, неизслѣдимое богатство благости Божіей открылось; пришло къ намъ чаяніе всѣхъ языковъ, самое блаженство къ намъ на землю пришло. „Явилась гора, Исаіею видѣнная; процвѣлъ жезлъ изъ корене Іессеова; отсѣкся отъ горы камень безъ рукъ, Даніиломъ предозначенный, который славою своею наполнилъ всю землю“ (Ис., 2, 2; 11, 10; Дан., 2, 34). Сей есть оный источникъ, изъ котораго иногда Давидъ пить восхотѣлъ, о семъ пѣлъ пророкъ Аввакумъ: „Господи! услышахъ слухъ Твой, и убояхся; Господи! разумѣхъ дѣла Твоя, и ужасохся“ (Аввак., 3, 1—2).

Трудно сказать, когда изліялся на насъ изобильнѣйшій источникъ благодѣяній Божіихъ, въ созданіи ли или въ искупленіи. По истинѣ, мы пріобрѣли во Христѣ болѣе, нежели сколько погубили во Адамѣ. „Аще бо прегрѣшеніемъ единаго“,—какъ богомудрствуетъ Павелъ,—„мнози умроша, множае паче благодать Божія и даръ благодатію единаго человѣка Іисуса Христа во многихъ преизлишествова“ (Римл., 5, 15). Но, дабы сія истинная радость болѣе наполнила сердца наши, кратко исчислимъ спасительные плоды пришествія Христова; а Ты, Который не возгнушался въ вертепѣ и во яслѣхъ положенъ быть, чрезъ слово Твое Божественное вселись и въ насъ!

Сколь было горестное состояніе рода человѣческаго прежде пришествія Спасителя нашего, было, говорю, но и нынѣ есть во всѣхъ тѣхъ, кои отвергаютъ пришествіе Его, и какой, напротивъ, возсіялъ Божественный свѣтъ чрезъ благовѣстіе Евангельское, о томъ вамъ, яко отъ Духа Святаго просвѣщеннымъ, напоминать было бы излишне. Но радость бываетъ многоглаголива.

Родъ человѣческій былъ крайне растлѣнъ, слушатели. Сіе ни мало не сомнительно изъ святыхъ книгъ, которыя хотя кратко, но явственно говорятъ, что „растлѣся земля предъ Богомъ, и наполнися земля неправды. И видѣ Господь Богъ землю, и бѣ растлѣнна“ (Быт., 6,

*) Сказано 1763 года, декабря, 25 дня.

11—12). Но то же самое во всѣхъ почти языческихъ книгахъ найдемъ мы. Ибо самая употребительная у языческихъ писателей есть матерія охуждать человѣческіе нравы. Они въ своихъ сочиненіяхъ то и дѣлаютъ, что пересмѣхаютъ человѣческіе поступки, обличаютъ непристойныя склонности, оплакиваютъ человѣческую бѣдность, негодуютъ на непостоянство міра сего, вопіютъ противъ наглости и неправдъ человѣческихъ. Иные изъ нихъ сказываютъ, что правда и миръ, которыя прежде царствовали на землѣ, потомъ отъ несносныхъ беззакопій преселены на небо. Другой пишетъ, что уже миновалъ златой вѣкъ, а наступилъ желѣзный, въ который изгнанная правда уступила мѣсто неправдѣ и своевольству. Что много? не стало у Демокрита силы смѣяться суетѣ человѣческой, а у Гераклита слезъ къ оплакиванію бѣдности человѣческаго рода. Сколько ни старалась философія исправить сіе поврежденіе, но не могла. Ибо не только рачители ея пи мало не были своими дѣлами лучше другихъ; но и сама она непристойнѣйшими мнѣніями наполнена была. „Обуи бо Богъ премудрость міра сего“.

Но что не могла философія, то исправила благодать Іисуса Христа: чрезъ своего Ходатая человѣчество преобразуется въ новый видъ. „Древняя мимо идоша, се быша вся нова“. Возсіяла новая философія не словами, но дѣлами любомудрствующая, которая показываетъ нашу болѣзнь, да вмѣстѣ показываетъ и средство къ излѣченію оной. Симъ вдохновенные небеснымъ ученіемъ начали усмирять склонности плотскія, начали презиратъ самую смерть и, утрудившись суетою міра сего, искать постояннѣйшаго небеснаго жилища: „не имамы“, вопіютъ, „здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ“ (Евр., 3, 14). Вотъ, сладчайшій плодъ пришествія Христова!

Родъ человѣческій былъ идолопоклонникъ. Не можетъ быть ужаснѣе заблужденія, какъ то, чтобы Творцу быть отъ твари забыту; не можетъ же быть и большей слѣпоты человѣческаго ума, какъ та, чтобы честь, пристойную величеству Божества, отдать самымъ подлымъ вещамъ. Мы теперь хотѣли бы не вѣрить тому, что міръ весь нѣкогда столь глубокимъ мракомъ былъ покрытъ, что покланялся тлѣнному дереву, сребру и золоту, или изображеніямъ, но такихъ людей, коимъ піиты всенародно приписывали наигнуснѣйшія мерзости, или хотя и не совсѣмъ худыхъ людей, но людей. Да что, говорю, изображеніямъ человѣческимъ? четвероногимъ и гадамъ, какъ то: крокодиламъ, воламъ, кошкамъ и ибисамъ отдаваема была божественная честь поставленіемъ жертвенниковъ и приношеніемъ пребогатыхъ жертвъ. И сего благоговѣйнаго служенія сподобились и лукъ и чеснокъ, такъ что можемъ съ однимъ языческимъ піитомъ возопить: „о, счастливы тѣ народы, у коихъ полны огороды боговъ“! Кратко сказать: у язычниковъ все было богъ, кромѣ

Самого Бога, да въ семъ заблужденіи находились не дикіе только народы, но самые почитаемые за просвѣщенныхъ, какъ-то: египтяне, греки и римляне. Сія смертоносная язва столь была сильна, что и самый Израиль, возлюбленный Богу народъ, заразила. За что на него жалуется Богъ истинный чрезъ пророка Іеремію, что „и царіе ихъ, и начальницы ихъ, и священницы ихъ, и пророцы ихъ древу рекоша: яко отецъ мой еси ты, и камени: ты мя родилъ еси, и обратиша ко мнѣ хребты, а не лица своя, глаголетъ Господь Саваовъ, Святый Израилевъ“ (Іерем., 2, 26—27). Сею пагубною заразою повреждено было нѣкогда и наше любезное отечество, пока не блеснулъ на него Востокъ съ высоты. Но какъ пришелъ отъ всѣхъ вѣковъ ожидаемый Спаситель, какъ сей небесный Учитель разверзъ уста Свои, и какъ истина Его освѣтила вселенную,—падаютъ идолы, сокрушаются жертвенники, исчезаютъ богомерзкія куренія, посрамляются языческія тайны: открывается горнее богословіе, и показывается истинный путь богопознанія. На которомъ мѣстѣ нечестивому Сатурну убиваемы были младенцы, на томъ истинному Божеству приносится жертва истинная, духъ сокрушенный; гдѣ дымъ возносился на небо отъ сожженія множества скотовъ, тамъ Церковь Христова проливаетъ свои молитвы, восходящія до престола благодати. Кратко: „быхомъ иногда тьма, нынѣ же свѣтъ о Господѣ“. Сію чудесную перемѣну прозрительнымъ окомъ предвидѣвъ, Исаія восклицаетъ: „Свѣтися, свѣтися, Іерусалиме, пріиде бо твой свѣтъ, и слава Господня на тебѣ возсія. Се тьма покроетъ землю, и мракъ на языки, на тебѣ же явится Господь, и слава Его на тебѣ узрится. И пойдутъ царіе свѣтомъ твоимъ, и языцы свѣтлостію твоею“ (Ис., 60, 1—3). Вотъ, вожделѣннѣйшій плодъ пришествія Христова!

Родъ человѣческій былъ всякими беззаконіями преисполненный. „О, да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ“! Откуда произошли всякія неправды, блуды, лукавства и злобы?—отъ человѣка. Гдѣ зависти, клеветы, убійства?—между человѣками. Въ комъ гордость, пьянство, ненасытное сребролюбіе и немилосердіе?—въ человѣкѣ. Кто подымаетъ оружіе другъ на друга и тщится у ближняго своего свирѣпымъ образомъ животъ отнять?—никакое животное, какъ только человѣкъ. Кто бы могъ подумать, чтобы краснѣйшая тварь, созданная по образу Божію и по подобію, столь страшному безобразію подвергла себя!? Да все сіе и печальный опытъ доказалъ; и Святое Писаніе вопіетъ, что „вси согрѣшиша, и лишени суть славы Божія“ (Римл., 3, 23).

Но пришествіемъ отъ самой вѣчности опредѣленнаго Мессіи сей глубокій беззаконій мракъ разогнанъ, грѣхи наши заглажены, скверны омыты, и новая отворена дверь вѣры къ оправданію. Слышу я, что ты, божественный Павле, во уши мои вопіешь: „и вы, сказываешь,

такіе же были, то есть, какъ и всѣ язычники; но омыстеся, но освятистеся, но оправдистеся именемъ Господа нашего Іисуса Христа, и Духомъ Бога нашего". „Да возрадуется убо душа наша о Господѣ: облече бо насъ въ ризу спасенія, и одеждою веселія одѣялъ насъ; яко на жениха, возложилъ на насъ вѣнецъ и, яко невѣсту, украсилъ насъ красотою" (I Кор., 6, 11; Ис., 61, 10).

А чтобы не сказалъ кто, что тѣ же самыя беззаконія и донынѣ пребываютъ не въ язычникахъ токмо, но и во многихъ, именующихся христіанами, тотъ пусть знаетъ, что такіе неисправные христіане не суть истинные христіане, но плевелы въ пшеницѣ Христовой. А мы еще изслѣдуемъ пришествія Христова плоды.

Родъ человѣческій не зналъ пути ко спасенію. Ибо иные о томъ ни мало не думали, иные тому и не вѣрили; другіе, кои казались благоразумнѣйшими, Бога старались умилостивить жертвами, которыя, впрочемъ, ихъ дѣлами осквернены были, и думали, что Бога умилостивить можно чрезъ самихъ себя. Но тѣмъ самымъ были преокаянные, что и свою немощь не усматривали, и о правдѣ Божіей весьма погрѣшительно разсуждали, и темное имѣли понятіе о милосердіи Божіемъ, которое будто бы въ Богѣ можетъ быть съ нарушеніемъ вѣчной правды Его.

Но евангеліе Іисуса Христа показало намъ совершенный путь, какимъ мы можемъ дойти до милосердія Божія и стать предъ судомъ Его не осужденными. А сей путь есть спасительная вѣра, по которой мы твердо содержимъ, что смерть Іисуса Христа умилостивила раздраженнаго Бога, и дражайшія Его заслуги пріобрѣли намъ великую любовь небеснаго Отца. „Не оправдится бо человѣкъ отъ дѣлъ закона, но токмо вѣрою Іисусъ Христовою, почему и мы во Христа Іисуса вѣровахомъ, да оправдимся отъ вѣры Христовой, а не отъ дѣлъ закона" (Галат., 2, 16),—вопіетъ премудрый Апостолъ. Вотъ, паки видимъ дражайшій пришествія Христова плодъ.

Родъ человѣческій былъ подъ проклятіемъ, ибо что беззаконіями заслужить можетъ человѣкъ, какъ токмо, чтобы правосуднѣйшій Богъ отвергъ его отъ Своего милосердія? А за симъ слѣдуютъ всѣ несчастія: „Ярость и гнѣвъ, скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка, творящаго злое",—написалъ Апостолъ (Римл., 2, 8, 9). Но Христосъ искупилъ насъ „отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва" (Галат., 3, 13). Чрезъ сего божественнаго споручника исполнилось, что Богъ намъ чрезъ Исаію нѣкогда обѣщалъ: „на время мало оставихъ тя, а съ милостію великою помилую тя: во ярости малѣ отвратихъ лице Мое отъ тебе, но милостію вѣчною помилую тя" (Ис., 54, 7—8). И для того-то, когда родился Спаситель нашъ, Ангели воспѣли миръ: „Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ".

Родъ человѣческій былъ бѣденъ: ибо что̀ жизнь человѣческая, развѣ горесть и печаль, ежели надеждою будущаго лучшаго состоянія не будетъ услаждена? Но Христосъ благовѣствовалъ намъ вѣчную блаженную жизнь, которую мы здѣсь какъ бы уже вкусивши, радостно течемъ поприще нашей жизни: и всѣ наши труды, несчастія, всѣ наши искушенія ободряетъ непостыдная надежда вѣчнаго живота. „Легкое бо печали нашея“, по Апостолову слову, „по преумноженію въ пресплѣніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ“ (2 Кор., 4, 17).

Толикія получивъ благодѣянія, какою чистою радостію духъ нашъ взыграть долженъ, благословенные христіане, и какимъ мы благодареніемъ обязаны нашему дражайшему Спасителю, Который насъ призвалъ изъ тьмы въ чудный Свой свѣтъ?! Что воздадимъ Господеви за вся, яже воздаде намъ? Потщимся съ волхвами всегда приносить Ему злато добродѣтели, ливанъ усердныхъ молитвъ и благовонную смирну нелицемѣрныя вѣры. Аминь.

Слово въ недѣлю Мытаря и Фарисея *).

„Всякъ возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется“.
(Лук., гл. 18, ст. 14).

Не можно бы, кажется, повѣрить, чтобы человѣкъ, будучи земля и пепелъ, вздумалъ когда гордиться, человѣкъ слабый, недостаткамъ всякимъ подверженный, а къ тому же, ежели его дѣла разсуждать, и суду Божію повинный, началъ превозноситься, предъ Самимъ Богомъ, предъ Которымъ и весь міръ есть капля изъ океана. Однако сіе бѣдное животное возвышается выше кедровъ ливанскихъ: сія пылинка высоко о себѣ мечтаетъ, презираетъ другихъ, да еще и братію свою.

Подлинно, украсилъ Богъ человѣка въ созданіи превосходнѣйшими дарованіями и умалилъ его малымъ чимъ отъ ангелъ. Но человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ“. Но хотя бы и подлинно оныя, Богомъ дарованныя, совершенства всѣ и донынѣ въ цѣлости находились въ человѣкѣ, однако, они не надмѣвать насъ должны, а возбуждать больше благодарить Бога, и больше смирять себя, что мы, не заслуживъ ничего, имѣемъ все; а въ знакъ сей благодарности, тѣ дарованія употреблять въ пользу другихъ. Но какъ сію богосозданную человѣческаго естества красоту *гордость* разоряетъ, такъ, напро-

*) Сказано въ присутствіи Ея Величества въ придворной церкви, 1764 года, мѣсяца февраля, 1 дня.

тивъ, падшую паки возставляетъ *смиреніе*. Почему, *какое между ними есть различіе*, въ нынѣшнемъ словѣ поучимся. А Ты, „призираяй на смиренныя, Боже, предуготовь сердца наша къ принятію спасительнаго ученія Твоего!

Нѣтъ никакого согласія гордости со смиреніемъ.

Гордости отецъ есть діаволъ, который первый вознесся противъ своего Создателя, да на то же искушеніемъ своимъ привелъ и первосозданнаго человѣка; онъ требовалъ поклоненія отъ Самого Сына Божія, и обѣщалъ Ему дать все, хотя у себя не имѣлъ ничего. Такое свойство есть гордыхъ самохваловъ!

Но смиренія родитель есть Богъ, Который „обнищалъ богатъ сый, да мы обогатимся Его Божествомъ“. Онъ благоволилъ, „зракъ раба принявъ, въ подобіи человѣчестѣмъ быть; смирилъ Себе, послушливъ бысть даже до смерти, смерти же крестныя“ (Филипп., 2, 7—8). Да и что долготерпитъ согрѣшеніямъ нашимъ, есть доказательство снисходительнаго смиренія Его. Отъ многихъ Онъ хулимъ бываетъ, отъ всѣхъ пороками прогнѣвляемъ, но погасилъ ли для того солнце, усыпилъ ли луну?— никакъ. „Онъ возсіяваетъ солнце на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя“. А сему и намъ велитъ подражать, говоря: „научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“ (Мато., 11, 29).

Гордость не унижаетъ себя, усматривая свои недостатки, или паче не усматриваетъ своихъ недостатковъ, и хвалится тѣмъ, чего не имѣетъ. Нѣкоторый самохвалъ въ Апокалипсисѣ говоритъ: „богатъ есмь и обогатихся, и ничто же требую“; но Божественный гласъ въ тотъ же часъ противъ его возопилъ: „не вѣси, безумне, яко ты окаяненъ и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ и нагъ“ (Апок., 3, 17).

Но смиреніе не превозносится и тѣмъ, что имѣетъ, или для того, что наши добродѣтели смѣшаны бываютъ съ недостатками, или для того, что при благополучномъ плаваніи надобно памятовать непогоду. Смиреніе подобно плодоносному древу, которое чѣмъ болѣе отягощается плодами, тѣмъ болѣе къ землѣ преклоняется. Сказываютъ, что какъ Сократъ Аполлоновымъ отвѣтомъ объявленъ мудрѣйшимъ изъ всѣхъ человѣкъ, то недоумѣвалъ, для чего бы тотъ Богъ столь высокое о немъ имѣлъ мнѣніе; напослѣдокъ, по многомъ разсужденіи, заключилъ, что, несомнѣнно, для того Аполлонъ назвалъ его премудрымъ, что онъ, Сократъ, не усматривалъ въ себѣ никакой мудрости, и только знаетъ то, что не знаетъ ничего. Подлинно, всякъ слышитъ, что сія Сократова, повидимому, смиренная рѣчь гордостью пахнетъ; но какіе въ язычникахъ есть недостатки, тѣ исправить обязаны христіане.

Гордость все себѣ и своимъ заслугамъ приписываетъ; она не думаетъ чему-нибудь быть такому, которое превосходило бы силы ея.

Навуходоносоръ, гордясь построеннымъ отъ себя великолѣпнымъ храмомъ и пространствомъ своего владѣнія, нѣкогда такъ сказалъ: „Нѣсть ли сей Вавилонъ великій, его же азъ сограднхъ въ домъ царства, въ державѣ крѣпости моея, въ честь славы моея“ (Дан., 4, 27). Но, вотъ, уже уста его граждаетъ слово: „что имаши, человѣче, еже нѣси пріялъ? Аще же и пріялъ еси, что хвалишися аки не пріемъ“ (1 Кор., 4, 7)?

Но смиреніе все отдаетъ Богу: знаетъ оно, что какъ всякое добро изъ сего источника проистекаетъ, такъ въ него же чрезъ признаніе наше и возвращаться должно. Избранный Христовъ сосудъ сколько за благовѣстіе Христово имѣлъ подвиговъ, сколько оказалъ Церкви заслугъ; однако, со всѣмъ тѣмъ, вмѣсто того, чтобы великаго себѣ требовать отъ коринянъ почтенія, такъ имъ говоритъ: „Кто есть Павелъ? кто же ли Аполлосъ? Но точію служителіе“ или орудія (1 Кор., 3, 5), которыя Богъ употребилъ для приведенія васъ къ вѣрѣ.

Гордость думаетъ постигнуть все, и тайны Божія, и возносится выше разума Христова. Ей все то не вѣроятно и не возможно быть кажется, что съ слабымъ человѣческимъ не сходно разсужденіемъ. Премудрый Павелъ отъ философовъ осмѣянъ былъ, когда проповѣдывалъ воскресеніе мертвыхъ (Дѣян., 17, 32): ибо высота Божественныхъ таинъ симъ мудрецамъ не вмѣстима была.

Но смиреніе плѣняетъ умъ свой въ послушаніе вѣры; оно утверждается на священномъ якорѣ, „яко не возможно солгати Богу“ (Евр., 6, 18), утверждается на основаніи Апостолъ и Пророкъ; признаетъ оно, съ Соломономъ, свою слабость, что „едва разумѣваемъ, яже на земли, и яже въ рукахъ, обрѣтаемъ со трудомъ: а яже на небесѣхъ, кто изслѣди? Волю же Твою, Боже, кто позна? Аще бы не Ты далъ еси премудрость и послалъ еси Духа Святаго Твоего отъ высоты“ (Премудр. Сол., 9, 16—17).

Гордость наказующую руку Божію сноситъ не терпѣливо, но съ роптаніемъ; вотъ, негодныя свирѣпѣющаго Израиля слова, которыя въ лицѣ Моисея касались Самого Бога: „Вскую,—говорилъ онъ,—введосте сонмъ Господень въ пустыню сію, погубити ны и скоты наши? и вскую сіе? изведосте ны изъ Египта, еже пріити на мѣсто злое сіе“ (Числ., 20, 4—5). Такъ ли отеческое наказаніе принимать надобно дѣтямъ? Да многіе и изъ насъ, когда Промыслъ Божій попуститъ впасть въ нѣкое искушеніе, обыкли говорить: „о, когда бы я умеръ! да чѣмъ я согрѣшилъ? не мало ли хуже меня, которые, однако, благополучно живутъ?“ И такъ становимся мы судьями въ собственномъ дѣлѣ своемъ, а опровергаемъ Божій судъ.

Но смиреніе съ радостью пріемлетъ наказаніе Божіе. Ибо оно себя увѣряетъ, что чаша горести, отъ руки Божіей поднесенная, обра-

тится нѣкогда въ сладость,—и которые вмалѣ наказаны были, великими облагодѣтельствованы будутъ. Смиреніе въ срединѣ напастей къ утѣшенію своему поетъ: „благо мнѣ, яко смирилъ мя еси“. „Господь даде, Господь и взятъ; буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка“ (Пс., 118, 71; Іов., 1, 21).

Гордость другихъ презираетъ, и по разуму своему и по дѣламъ своимъ подобнаго себѣ не находитъ. Тому самый ясный примѣръ—нынѣшній фарисей, который весь свѣтъ противъ себя поставилъ въ ничто: „нѣсмь яко же прочіи человѣцы“; а чрезъ сіе—и что малое имѣлъ, потерялъ. Считаетъ окаянный у другихъ сучки, а своего и бревна не усматриваетъ; и потому наипаче бѣденъ, что мало имѣетъ надежды ко исправленію, ибо для исцѣленія надобно признать свою болѣзнь.

Но смиреніе со всѣми своими дарованіями себя ниже другихъ ставитъ. Ибо въ смиренномъ человѣкѣ многое знаніе открываетъ, сколь много онъ еще не знаетъ; а добрыя дѣла показываютъ, сколь много добра еще не сдѣлано, что сдѣлать было надобно, а чрезъ сіе всегда у него въ памяти остается оное златое присловіе: „колико высокъ еси, толико смиряй себе“.

Гордость къ немощамъ человѣческимъ не снисходительна: она другихъ всѣ поступки ругательно пересуждаетъ, всѣ слова немилосердно критикуетъ, смѣется паденію брата своего и строго за оное выговариваетъ, наказываетъ безъ сожалѣнія, жжетъ да рубитъ такъ, какъ бы самъ не былъ подверженъ слабостямъ, общимъ человѣческому роду.

Но смиреніе снисходительно и немощами другихъ не иначе, какъ собственными своими движется. Оно другихъ дѣла и слова старается толковать на добрую сторону. Видя брата согрѣшающаго, говоритъ: „онъ—человѣкъ, онъ не съ умысла сдѣлалъ, онъ исправиться можетъ; мы и сами тому же подвержены. А сею тихостью больше пользуется другой, нежели безразсудною иныхъ строгостію. Въ чемъ намъ дѣйствительнѣйшимъ примѣромъ есть Самъ Спаситель, о Которомъ Исаія предсказалъ, что „трости сокрушенны не преломитъ, и льна дымящагося не угаситъ“ (Мато., 12, 20), то есть, будетъ къ грѣшникамъ снисходителенъ.

Гордость бываетъ подзорчива: ей всѣ другихъ дѣла, слова и намѣренія нѣчто предзнаменуютъ; она на все дѣлаетъ примѣчаніе, и изъ всего выводитъ все. Говоритъ ли кто?—она прилагаетъ къ себѣ; предпринимаетъ ли кто что?—она опасныя изъ того заключаетъ для себя слѣдствія; молчитъ ли кто?—она примѣчаетъ въ томъ сплетаемые для себя подлоги; и сама себя безпокоитъ, и другимъ спокойнымъ быть не попущаетъ.

Но смиреніе есть просто и не хитростно: оно на все младенческимъ взираетъ окомъ, и все голубинымъ принимаетъ сердцемъ. Такое

свойство, думаю, политикамъ не вмѣстительно, но сіе зрѣлище увеселяетъ очи Самого Бога.

Гордость бываетъ разборчива: это—не такъ, другое—не кстати, честь—не честь, должность—не должность, награжденіе—не награжденіе. Она другихъ опредѣленіями не довольна, и всякія награжденія почитаетъ ниже своихъ заслугъ. Кажется, что такимъ неблаговременнымъ упрямствомъ погрѣшилъ великій Моисей. Богъ велитъ ему „идти къ фараону для изведенія Израиля изъ Египта“; онъ говоритъ, что „не повѣрятъ“. Богъ увѣряетъ его обращеніемъ жезла въ змія; онъ говоритъ: „косноязыченъ есмь“. Богъ опредѣляетъ Аарону „говорить вмѣсто него“; онъ проситъ, чтобы Господь избралъ на сіе посольство „другаго“. (Исходъ, гл. 4).

Но смиреніе все за благо пріемлетъ, смиреніе всему послушно: въ счастіи не превозносится, въ несчастіи не унываетъ, и данный отъ Бога талантъ умножаетъ съ кротостію. „Отче небесный!“—взываетъ оно: „да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли“ (Матѳ., 6, 10).

Гордости неприступна Божія благодать: „Господь бо гордымъ противится“. Ибо надобно напередъ признать свою нищету, чтобы удостоиться принять богатство благодати. Итакъ, сколько бы человѣкъ ни возносился, но очи Господни гораздо выше, и будетъ время, что „смирится высота человѣческая, а возвесется Господь единъ въ день оный“ (Ис., 2, 17).

Но отъ смиренія неотступна благодать. „На кого воззрю“?—спрашиваетъ нѣгдѣ Богъ.—„Господи силъ! воззри на сѣдящихъ на высокихъ колесницахъ, воззри на блещащихся златыми одеждами, воззри на высокомудрствующихъ словесниковъ“ (Ис., 66, 2). Нѣтъ, обходитъ сихъ всѣхъ Божественное Око, а „токмо взираетъ на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Его“.

Гордость всегда несчастлива, она пренебрегаетъ предусматривать будущіе случаи и уловляется сѣтями, которыхъ не предвидѣла. Гордые какъ будто нарочно затѣмъ высоко поднимаются, чтобы, упадши, сильнѣе разбиться. Но смиреніе всегда благополучно и безопасно, оно по землѣ ходитъ, и оттого упасть не умѣетъ.

Гордость всякому непріятна и мерзостна. Ежелибы кто сталъ самого себя предъ нами превозносить, хотя бы и правду говорилъ, духъ нашъ отъ себя отвращаетъ, да и самъ гордый гордаго ненавидитъ. Но можетъ ли быть пріятнѣе и увеселительнѣе зрѣлище, какъ видѣть человѣка, всякими дарованіями преукрашеннаго, но кротко о себѣ разсуждающаго?

Видѣли мы, возлюбленные слушатели, какое есть между гордостію и смиреніемъ различіе; а изъ того усмотрѣли два рода горделивыхъ

людей. Одни думаютъ, что они уже въ число святыхъ записаны и другихъ, яко грѣшниковъ, презираютъ. Но такихъ, думаю, не много: ибо, можетъ, бо́льшая часть не думаютъ о Богѣ, нежели тѣхъ, кои думали бы, что они своими дѣлами одолжаютъ Бога. Другіе, коихъ побольше, превозносятся умомъ своимъ противъ истины христіанской и не принимаютъ, что съ ихъ суетнымъ разсужденіемъ не сходно,—съ разсужденіемъ, которое они почерпнули изъ глубины грамматикъ, изъ комедій и въ вольныхъ домахъ. Но сіи широкохвостные павлины опустятъ свои перья, когда разсудятъ оныя Духа Святаго слова, что „всякъ возносяйся смирится, смиряяй же себе—вознесется“. Аминь.

Слово въ недѣлю Блуднаго сына *).

„Человѣкъ нѣкій имѣ два сына“.
(Лук., гл. 15, ст. 11).

Подъ именемъ двухъ сыновъ представляетъ намъ Евангеліе два различныя состоянія: праведныхъ и неправедныхъ, добрыхъ людей и худыхъ. Одни изъ нихъ—ревностнѣйшіе послѣдователи святаго закона Божія, другіе—упрямые онаго презрители; одни утѣшаются въ объятіяхъ у добродѣтели, другіе—подлые страстей своихъ невольники. Одни не думаютъ, чтобы ихъ желаніе сіи видимыя вещи совершенно могли удовольствовать, но простираютъ мысли свои далѣе, а, именно—къ блаженной вѣчности; другіе, яко безсловесныя животныя, думаютъ, что всѣ человѣческія радости съ сею жизнію окончиться должны, и надеждою будущихъ, лучшихъ, благъ себя не утѣшаютъ.

Правда, что въ мірѣ семъ, по Апостольскому слову: „нѣсть праведенъ никтоже“ (Римл., 3, 10), то есть, нѣтъ ни одного, который бы грѣха не имѣлъ и дерзнулъ бы предъ судомъ Божіимъ сказать: „я праведенъ“. Но святое слово и тѣхъ почитаетъ титломъ праведныхъ, которые не ожесточены въ неправдѣ, которые признаютъ свои предъ Богомъ недостатки, и въ подвигѣ добродѣтели по силѣ своей, при помощи Божіей, упражняются. Совершенные бо праведники суть на небѣ, куда никакая не входитъ скверна, и гдѣ Самъ Богъ „всяческая во всѣхъ“. Мы, слушатели, которые живемъ на землѣ, въ сей юдоли плачевной, мы, которые смертную сію влечемъ жизнь и непрестанно боремся со страстями, имѣемъ нужду поговорить *о различномъ состояніи праведныхъ и неправедныхъ, какое есть въ мірѣ семъ.* А Ты, Отче небесный, раствори благодатію Твоею бесѣду нашу.

---

*) Сказано въ придворной церкви, 1764 года, февраля, 8 дня.

Между добродѣтелію и порокомъ—вѣчная брань: „кое бо причастіе свѣту ко тьмѣ“ (2 Кор., 6, 14)?

Добрые люди всѣ свои дѣла управляютъ по закону и по разуму: знаютъ они, что послѣдовать склонностямъ есть то, что чрезъ краткое время увеселять себя; но поступокъ, основанный на разумѣ, всегдашнее совѣсти человѣческой есть утѣшеніе. Сказываютъ, что будто нѣкоторый человѣкъ нѣкогда нашелъ такой камень, который когда носилъ на рукѣ, то оный человѣкъ не видимъ былъ. Ежели бы сей камень нашелъ честный человѣкъ,—такъ пишетъ нѣкоторый язычникъ,—то онъ тотчасъ бы его бросилъ: ибо честный человѣкъ такъ поступаетъ, что хочетъ отъ всего свѣта видимъ быть; а сіе сходно съ Евангельскимъ словомъ, которое хочетъ, чтобы истинный христіанинъ, былъ яко свѣтъ въ мірѣ (Матѳ., 5, 14).

Но худые люди устремительно несутся туда, куда ихъ влечетъ собственная страсть, куда манятъ пріятности чувствъ и соблазны мірскіе; а чрезъ то опровергаютъ законъ разума, который намъ отъ Бога данъ вмѣсто свѣтильника, показывающаго путь къ благополучію. Вотъ, Блудный сынъ, который, соскочивъ съ благополучно плывущаго корабля отеческаго правительства, бросился въ бурю своевольства, не захотѣлъ жить при мудрыхъ отеческихъ глазахъ, но захотѣлъ въ другихъ странахъ погулять, или, какъ нынѣ говорятъ: „повидѣть свѣтъ“; а сей веселый свѣтъ, кромѣ, что развратилъ нравы, въ наибѣднѣйшее привелъ его состояніе.

Добрые люди спокойны: ибо веселятся чистотою совѣсти, которая внутренними обличеніями не терзается. Не полную ли радость чувствуютъ они, когда кто изъ нихъ воображаетъ себѣ, что „я въ такихъ-то случаяхъ не попустилъ себѣ отъ страстей моихъ побѣдиму быть“,„ я человѣку тому сдѣлалъ благодѣяніе“, „я сего немощнаго исторгнулъ изъ руки сильнаго“; ибо побѣдить себя есть свѣтлѣйшая побѣда, нежели побѣдить тьмочисленные непріятельскіе полки! Такіе люди внутри сердца своего имѣютъ источникъ приснотекущей радости, поютъ они съ Давидомъ: „азъ уснухъ и спахъ, востахъ, яко Господь заступитъ мя“ (Пс., 3, 6). Но худые всегда безпокойны: днемъ они вредными для другихъ заботами и своевольными суетами мучатся, а ночью отходитъ сонъ отъ глазъ ихъ, и занимаетъ мысли черная меланхолія (задумчивость). Ибо, вмѣсто сладкаго послѣ трудовъ покоя, предстанетъ съ своимъ судомъ совѣсть и представитъ всѣ обиды, другимъ отъ нихъ нанесенныя,—представитъ слезы, которыя ими обиженные проливаютъ ко всевидцу Богу; представитъ всѣ тѣ опасности, которыя неминуемо за худыми поступками слѣдуютъ. Совѣсть бо всякаго есть неумолимый судія: безпристрастно разбираетъ дѣло, и осуждаетъ или оправды-

вастъ; а ежели кто и совѣсть совсѣмъ потерялъ, чему кажется статься нельзя, тотъ тѣмъ окаяннѣе, что послѣднюю потерялъ надежду къ исправленію.

Добрые люди, правда, иногда смущаются; а наипаче, когда или за добродѣтель свою не только не получаютъ достойнаго награжденія, но еще и гонимы бываютъ; или когда видятъ, что злые люди во всякомъ живутъ благополучіи. Но сіи привидѣнія Промыслъ Божій разгоняетъ, и сіе волненіе утихаетъ, когда они разсуждаютъ, что сама собою добродѣтель есть истинное человѣческое счастіе, и что сіе видимое безпокойство на вѣчный перемѣнится покой. Одинъ святѣйшій пророкъ съ жалобою вопіетъ къ Богу: „Господи! что, яко путь нечестивыхъ спѣется“ (Іерем., 12, 1)? Но тотчасъ утѣшаетъ себя сими отъ лица Божія словами: „близъ еси Ты, Господи, устъ ихъ, далече же отъ утробъ ихъ“. То есть, Ты ихъ, въ надеждѣ исправленія, наружнымъ благополучіемъ утѣшаешь; но, какъ беззаконниковъ, внутренняго не удостоиваешь.

Почему, хотя худые люди и всякимъ счастіемъ иногда процвѣтать намъ кажутся, но сей цвѣтокъ скоро увядаетъ; и не все то, что блещется, злато есть. И для того-то блаженный Давидъ любилъ на божественныхъ своихъ гусляхъ припѣвать сію пѣснь: „Не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе. Зане, яко трава, скоро изсохнутъ, и, яко зеліе злака, скоро отпадутъ“ (Псал. 36, 1—2).

Добрые люди мыслями своими прилѣпляются къ Богу, и всѣхъ своихъ дѣлъ за основаніе полагаютъ благочестіе. Они сію жизнь почитаютъ за временное жилище, а непрестанно очи сердца своего возводятъ къ горнему, блаженному отечеству. Послѣ нѣкоторой Спасителя нашего проповѣди, которая плотской мудрости не понравилась, многіе изъ учениковъ отстали отъ Него. Подвигшись сожалѣніемъ о нихъ, сострадательнѣйшій Учитель нашъ оставшимся при Немъ ученикамъ сказалъ: „еда и вы хощете ити?“ Тогда вмѣсто всѣхъ отвѣчалъ Ему Симонъ Петръ: „Господи! къ кому идемъ? глаголы живота вѣчнаго имаши“ (Іоан., 6, 67). Ахъ! дражайшій Учитель, возможно ли, чтобы мы, мучимые жаждою, отъ Тебя—источника живаго отлучились? мы охотно Тебѣ послѣдуемъ; только Ты не скрой лица Твоего отъ насъ, грѣшныхъ, Свѣте незаходимый!

Но худые люди столь мало о благочестіи думаютъ, что, кажется, почитаютъ себя рожденными для сей токмо жизни. Они удаляются отъ Бога, въ соединеніи съ Которымъ сами язычники благополучіе человѣческое поставляли. Нынѣшнее евангеліе, говоря о Блудномъ сынѣ сіе отъ Бога удаленіе означаетъ сими словами: „отъиде на страну далече“. А вотъ, что Псалмопѣвецъ къ Богу говоритъ: „се, удаляющіи

себе отъ Тебе, погибнутъ“ (Пс., 72, 27). О такихъ людяхъ можно сказать, что имъ душа дана будто вмѣсто соли, чтобы не согнили.

Добрые люди съ прилежаніемъ и усердіемъ упражняются въ своемъ званіи, въ которое ихъ Богъ призвалъ. Рачительный земледѣлецъ учреждаетъ свою бразду, палимый жаромъ и потомъ обливаясь; усердный воинъ отечество кровію своею защищать не отрицается; купецъ ввѣряетъ себя морскимъ волнамъ и, яко пчела, для общества собираетъ медъ; пастырь церковный не спитъ о стадѣ своемъ и вперяетъ умъ свой во глубину Божественнаго закона; верховный начальникъ размышляетъ о благополучіи своихъ и нужды всѣхъ въ единой своей объемлетъ главѣ. Когда Блудный сынъ по чужимъ гулялъ странамъ, когда имѣніе отеческое расточалъ съ любодѣйцами, тогда старшій сынъ былъ на селѣ, то есть, въ трудахъ,—говоритъ исторія Евангельская.

Но худые люди всегда—въ гуляніи и въ роскоши: нынѣ — веселости, завтра—утѣхи, послѣ завтра—то же; днемъ гуляютъ, ночью гуляютъ, да и во снѣ гуляютъ. Да слышатъ таковые Евангельское увѣщаніе: „блюдитеся“, говоритъ оно, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапу часъ той“ (Лук., 21, 34),—часъ, въ который всякъ отъ своихъ дѣлъ осудится или оправдится.

Добрые люди употребляютъ свои дарованія въ пользу другихъ: разумъ—къ наставленію или словомъ, или писаніемъ, краснорѣчіе—на преклоненіе сердецъ къ послѣдованію добра, богатство—къ снабдѣнію бѣдныхъ людей, честь и достоинство—къ защищенію обидимыхъ, къ подкрѣпленію изнемогающихъ; а употребляемые въ пользу другихъ таланты Богъ усугубляетъ. О, когда бы и мы могли сказать: „Господи! два таланта ми еси предалъ: се другая два таланта пріобрѣтохъ има“ (Матѳ., 25, 22).

Но худые люди Божія данныя имъ дарованія употребляютъ во зло: разумъ—на ябеды и на хитростные для ближняго своего подкопы; богатство—на роскошь, ученіе—на сочиненіе басенокъ и соблазнительныхъ матерій; ученіе, которое было бы источникомъ истиннаго правоученія, ежели бы на добрый конецъ употреблено было. Такіе, впрочемъ, сколько о себѣ ни думаютъ, но они должны почитаемы быть ниже человѣка съ наименьшими дарованіями, но другимъ не вредящаго.

Добрые люди искренно сердечны, и оттого и своихъ враговъ любятъ. Въ ихъ сладкихъ устахъ часто слышится оная Давидова пѣснь: „съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ“. Цѣломудренный Іосифъ, увидѣвъ своихъ братьевъ, отъ которыхъ иноплеменникамъ проданъ былъ, заплакалъ: а сими отъ нехитростнаго сердца текущими, слезами какъ бы угасилъ пламень гнѣва, который возгорѣлъ бы въ другомъ про-

тивъ предателей своихъ. Я въ такихъ душахъ, какъ въ чистѣйшихъ зеркалахъ, усматриваю сіяющую Божію святѣйшую простоту.

Но худые люди ненавидятъ добрыхъ, да еще, что удивительно, за самую ихъ доброту. Они хотя съ ними обходятся и ласково, но въ сердцѣ своемъ скрываютъ ядъ злобы. Повѣствуетъ исторія, что Аѳинскій Аристидъ, прозываемый праведнымъ, встрѣтился нѣкогда съ поселяниномъ, который просилъ его, чтобы онъ написалъ имя Аристидово на осужденіе. Знаетъ ли онъ Аристида, и за что бы его осуждалъ,—спросилъ поселянина Аристидъ. „Я Аристида не знаю“,—отвѣтствовалъ поселянинъ,—„и онъ мнѣ никакой обиды не сдѣлалъ, но мнѣ—де досадно слышать, что его всѣ праведнымъ называютъ“. Такъ-то сіяющая добродѣтель праведнаго есть рожонъ въ глазахъ у злого человѣка; такъ-то „назираетъ грѣшный праведнаго, и ищетъ умертвити его“.

Добрые люди обществу полезны. Отъ нихъ процвѣтаютъ государства: ибо отъ нихъ происходятъ добрые совѣты, отъ нихъ—постоянныя дружбы, неразрушимые союзы, непритворные миры; ихъ упражненіе есть источникъ, а добрые поступки—школа нравоученія. Отъ нихъ не затрубитъ воинская труба, не загорится войны пламень. „Въ благословеніи правыхъ“,—по слову Соломонову,—„возвысится градъ, усты же нечестивыхъ раскопается“ (Притч., 11, 11).

Но худые люди суть вредительнѣйшая язва обществу. Кто продастъ правду, кто бѣдныхъ грабитъ, кто завидуетъ, клевещетъ, хитрствуетъ, чужихъ трудами роскошествуетъ, или собственную свою только смотритъ пользу; кто, когда не тотъ, которому честность и совѣсть безъ пользы есть пустое имя? Ежели бы сіи плевелы исторгнуты были изъ общества человѣческаго рода,—не увидѣли ли бы мы возвратившіеся къ намъ златые вѣка?..

Добрые люди Богу любезны и добродѣтель ихъ не можетъ остаться безъ награжденія. Они, если не въ мірѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ, то неотмѣнно на небѣ за скорбь получатъ неописанную радость, за скудость—неистощаемое богатство, за чистосердечіе—блаженнѣйшее лицезрѣніе Божіе, вмѣсто сожитія съ худыми людьми пріобщатся къ блаженнѣйшему лику ангеловъ, архангеловъ и всѣхъ праведныхъ духовъ.

Но худые люди и здѣсь наказываются, и тамъ на вѣчное наказаніе осудятся. Ибо здѣсь для кого—обличенія, выговоры, обезчещенія, тюрьмы, узы и другія подобныя наказанія, какъ не для злыхъ людей? А въ будущемъ вѣкѣ для нихъ же приготовленъ скрежетъ зубовъ, неумирающіе черви, неугасающіе огни, тартаръ, сожитіе съ демонами и конечное отверженіе отъ Бога. „Нѣсть бо радоватися нечестивымъ“,—глаголетъ Господь (Ис., 57, 21).

Усмотрѣвъ различіе двухъ противныхъ состояній, нѣтъ трудности, слушатели, узнать, которое изъ нихъ одно другому предпочтено быть должно. Мы хотя не можемъ сказать предъ Богомъ, что мы-праведны, но можемъ сказать: Отче! „согрѣшихъ на небо и предъ Тобою“! А Богъ, яко чадолюбивый Отецъ, предвидѣвъ благое намѣреніе наше, потечетъ намъ въ срѣтеніе, падетъ на выю нашу и облобызаетъ насъ лобзаніемъ святымъ, сладость котораго лобзанія здѣсь нѣсколько понимается, а совершенно чувствуется на небеси. Аминь.

Слово въ недѣлю первую Великаго поста *).

„Отселѣ узрите небо отверсто“.
(Іоанн., гл. 1, ст. 51).

Въ самомъ началѣ святыхъ книгъ находимъ мы, что рай, который для человѣка созданъ былъ, послѣ ему же самому за преступленіе былъ затворенъ: двери его заключились, входъ въ блаженное красоты жилище пресѣченъ, да и херувимъ съ пламеннымъ мечемъ приставленъ (Быт., 3, 23), дабы никто не смѣлъ приступить къ мѣсту тому. „Никто не можетъ то отворить, что затворилъ Богъ“! Рай сей былъ образомъ неба, которое есть истинное блаженства человѣческаго обиталище: когда изгоняемъ былъ изъ рая человѣкъ, въ то самое время пресѣклась ему надежда получить небо; когда затворились предъ нимъ райскія двери, тогда же для него заключились и небесныя врата, вводящія къ престолу благодати. Сверкающій пламенемъ херувимъ означалъ Божій гнѣвъ, который огнемъ ярости своей опаляетъ грѣшника, и входъ къ блаженству дѣлаетъ для него неприступнымъ. О, печальнаго состоянія!

Но, вотъ—нечаянная и радостнѣйшая всего того перемѣна. Блаженнѣйшій Учитель нашъ въ нынѣшнемъ Евангеліи увѣряетъ насъ, что небо по-прежнему будетъ отворено: „отселѣ“—говоритъ—„узрите небо отверсто“. Блаженство райское къ вамъ возвратится, свѣтъ небесный васъ осіяетъ, пріимутъ васъ въ вѣчныя небеснаго Отца обители, „возрадуется сердце ваше, радости вашея никтоже возьметъ отъ васъ“. Да уже и, дѣйствительно, небо отворено силою великаго „Архіерея, прошедшаго небеса—Іисуса, Сына Божія“ (Евр., 4, 14). Однако, со всѣмъ тѣмъ опасаться должны, чтобы оно паки отъ насъ затворено не было. Почему, *чѣмъ оно затворяешся и отворяется*, нынѣшнею бесѣдою изслѣдуемъ. А Ты, Который дѣйствуешь вся во всѣхъ, отверзи умъ нашъ разумѣти силу спасительнаго слова Твоего!

*) Сказано въ присутствіи Ея Величества въ придворной церкви 1764 г., февраля, 29 дня.

Счастія и несчастія причиною, по большей части — сами мы. Всякъ для себя затворить можетъ небо и отворить. Затворяется, во-первыхъ, небо привычкою къ худому. Нѣтъ опаснѣйшаго препятствія теченію добродѣтели, какъ ежели кто частымъ въ худыхъ дѣлахъ пребываніемъ такъ къ нимъ привыкъ, что безъ нихъ, равно какъ безъ пищи и питія, пробыть не можетъ. И для того въ самомъ началѣ злу противиться надобно и не попускать, дабы оно укорениться могло. Ежели кто единажды или дважды отъ дѣла отсталъ, тотъ напослѣдокъ приходитъ въ разслабленіе, и нѣчто въ себѣ уже чувствуетъ, что почти насильно отвлекаетъ его отъ честнаго упражненія. Нынѣ поползнулся, завтра не всталъ, послѣ завтра не исправился; и такъ сей узелъ все больше запутывается; а, наконецъ, порокъ свергаетъ съ престола добродѣтель и садится на мѣстѣ ея. Сіе случается и въ тѣлесныхъ припадкахъ: ежели болѣзнь съ начала пренебрежена будетъ; напослѣдокъ столь усиливается, что остается непзлѣчимою. И такъ праведно святый Давидъ написалъ, что человѣкъ сперва начинаетъ болѣть неправдою, то есть, терзаться худыми склонностями, потомъ зачинаетъ сію болѣзнь, далѣе раждаетъ беззаконіе (Псал., 7, 15), а напослѣдокъ „пришедъ во глубину золъ, нерадитъ“.

А отсюда примѣтить вы можете, о родители! сколь великій на васъ долгъ лежитъ, чтобы дѣтей своихъ воспитывать въ страхѣ Божіи, и въ самой той младости удалять отъ нихъ всякіе къ худому случаи. Доброе бо воспитаніе есть твердое основаніе будущаго жизни нашей благополучія; и въ мягкихъ юношества лѣтахъ къ доброму или худому привычка удобно можетъ снискана быть. Что ежели малое дитя въ самомъ началѣ возраста своего пріобученъ будетъ токмо къ забавамъ, да забавамъ не разума и добродѣтели, но къ наружнымъ и плотскимъ, оставивъ святѣйшее упражненіе закона и честности, что: такое дитя будетъ, наконецъ, развѣ трость, вѣтромъ страстей колеблемая? Многіе, закоснѣвая во злѣ, ласкаютъ себя, что они могутъ при смерти покаяться. Но, кромѣ того, что сія надежда есть неизвѣстная, святые отцы еще разсуждаютъ, что у человѣка, который всю жизнь прожилъ въ нераскаяніи, при смерти истинное покаяніе едва ли быть можетъ: „ибо тогда уже не онъ худыя дѣла, но худыя дѣла его оставляютъ“. Такъ, вотъ, чрезъ сіе и затворяется небо.

Но отворяется оно пребываніемъ въ добрѣ. Нельзя, чтобы смертный человѣкъ никакого предъ Богомъ порока не имѣлъ; но въ сей жизни есть велико и то, когда не далеко отъ истиннаго пути отступаемъ и, по малу, на высоту добродѣтели восходимъ; а чрезъ то, по малу, много пороковъ уменьшается. Славнаго древняго живописца Апеллеса спросили, какимъ бы онъ образомъ столь много въ своемъ искус-

ствѣ успѣлъ; „ни одного дня не прошло, отвѣчалъ онъ, въ который бы я что-нибудь не написалъ“. О, когда бы и мы ни одного дня не пропустили, не сдѣлавъ какого добра! Тогда бы могли съ великимъ Павломъ говорить: „задняя забываемъ, а въ предняя простираемся“ (Филипп., 3, 13), пока не взойдемъ въ отверстое небо.

Затворяется небо безопасностію плотскою или распутнымъ житіемъ, когда кто не о радостяхъ будущихъ, но токмо о веселостяхъ житейскихъ помышляетъ. О такихъ святый Апостолъ пишетъ, что когда они будутъ говорить: „миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство“ (1 Сол., 5, 3). А въ примѣръ сему представляетъ намъ Евангеліе пять безумныхъ дѣвъ, у которыхъ неусыпающихъ мыслей свѣча погасала, и съ унынiемъ кромѣшнымъ погребены были сномъ. Въ самую же полунощь вопль бысть: „се, женихъ грядетъ, исходите въ срѣтеніе“ Но, между тѣмъ, какъ онѣ вставали, какъ продирали глаза, какъ убирались, какъ искали масла для возженія свѣтильниковъ, прошло желаемое время, и двери затворились. Сколько онѣ о томъ послѣ ни сожалѣли, сколько въ дверь ни стучали, сколько ни вопили со слезами: „Господи, Господи, отверзи намъ“, но получили въ отвѣтъ: „не вѣмъ васъ“ (Мато., 25, 1—12).. Ахъ, страшное приключеніе! А сіе сказано къ наставленію насъ, чтобы мы не дремали унынiемъ, чтобы вѣра наша всегда была, яко свѣтильникъ горящій: ибо и насъ Сынъ Человѣческій пріидетъ нѣкогда звать въ отверстое небо. Да когда? — Сіе то наипаче устрашать насъ должно. Въ день, въ который не думаемъ, и въ часъ, въ который не чаемъ. Ежели сей часъ застанетъ насъ неготовыми, то толкущимъ намъ въ небесныя двери сказано будетъ: „отыдите прочь, сія врата Господня: праведніи внидутъ въ ня“.

Но отворяется небо бдѣніемъ, то есть, когда не ослабѣваемъ въ подвигѣ добродѣтели. Мысль трезвая и всегда размышляющая о Богѣ какъ бы приступомъ беретъ небо, по оному Евангельскому слову: „царствіе небесное нудится“, то есть, силою берется, „и нуждницы восхищаютъ е“ (Мато., 11, 12). А подтверждается сіе примѣромъ пяти же, но мудрыхъ дѣвъ, о которыхъ пишется, что онѣ, будучи готовы, „взыдоша на браки“. Притча сія благочестію вашему извѣстна. Ночь есть время вѣка сего; сонъ есть наша жизнь; свѣча, горящая въ ночи, есть вѣра; масло—добродѣтель; женихъ—Христосъ; невѣста дѣвица—душа; бракъ есть вѣчное блаженство; а отвореніе дверей есть полученіе сего благополучія несказаннаго. Такими оружіями вооруженный, христіанскій воинъ торжественно входитъ во врата небеснаго Іерусалима.

Затворяется небо еще невоздержаніемъ. Ибо чрево, отягощенное пищею, чувства, очарованныя лакомствомъ, мысль, потемненная пьян-

ственными парами, не только не можетъ вознестись къ небу, но и не можетъ усмотрѣть пути къ оному. Мы до сихъ поръ еще оплакиваемъ паденіе первосозданнаго человѣка, въ которомъ склонности тѣлесныя преодолѣли силу разума, и пріятности, ласкающія чувства, опровергли здравое разсужденіе. И для того Спаситель нашъ, предостерегая насъ, увѣщаваетъ: „Внемлите себѣ,“ — говоритъ, — „да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапу день той“ (Лук., 21, 34).

Но отворяется воздержаніемъ. Постъ тѣла есть пища души, и чѣмъ меньше дается питанія страстямъ, чѣмъ болѣе облегчается душевное перо, и умное наше око потолику болѣе усматриваетъ неприступный свѣтъ Божества, поелику бываетъ меньше потемнено облакомъ чревоугожденія. Нынѣ наступило сіе благословенное время: „нощь прейде, а день приближися“; день спасительнаго поста, день христіанской философіи, день цѣломудрія и духовнаго пиршества. Ибо, воздержаніемъ очищенная, мысль яснѣе размышляетъ о добродѣтели и о Богѣ; а размышленіе сіе привлекаетъ на себя свѣтъ небесный.

Затворяется небо высокоуміемъ. Царство бо небесное есть тѣхъ, кои суть „нищіи духомъ“; тѣсенъ есть путь въ небо (Мѳ., 5, 3, 7, 14),— почему, чтобы въ оное взойти, надобно много пышности убавить. Высокомѣрный духъ, много о себѣ мечтая, ученіе спасенія пренебрегаетъ; а невѣдѣніе высокой истины сей есть причина худаго житія: житіе же неисправное не можетъ имѣть мѣста въ небесныхъ обителяхъ.

Но отворяется оно простотою евангельскою и смиреніемъ. Святое смиреніе—чѣмъ болѣе себя унижаетъ, тѣмъ болѣе небеса къ нему преклоняются. Нѣкогда приступили ученики ко Христу и спрашивали Его: „кто—болѣе въ царствѣ небесномъ?“ и, какъ видно, они за достойныхъ себя почитали, чтобы отвѣтъ опредѣлилъ въ ихъ пользу. Но сей смиренія Учитель поставилъ въ срединѣ ихъ кроткое малое дитя, и сказалъ: „Ежели вы не стяжете такого смиреннаго духа, какой видите въ отрокѣ семъ, въ царство небесное взойти не можете“. Какой страшный и паче чаянія случившійся высокоумію человѣческому ударъ! И сія—то причина была, что смиренные Апостолы принимаемы были въ нѣдро Авраамово, а гордые фарисеи оттуда изгонялись; сія причина была, что мытарямъ, блудницамъ и разбойникамъ отворялись небесныя двери, а высокоумнымъ философамъ и надменнымъ властямъ вѣка сего оныя затворялись. Вещь удивленія достойная; но такое есть недомыслимой премудрости Божіей расположеніе. „Ей, Отче! яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою“ (Матѳ., 11, 26)!

Затворяется небо невѣдѣніемъ. Ибо—кто чего не знаетъ, того не желаетъ и не ищетъ. А за невѣдущихъ почитать должно невѣрныхъ,

ересиковъ и суевѣрцевъ. Невѣріе совсѣмъ не знаетъ спасительнаго пути, ереси на семъ пути полагаютъ претыканія, а суевѣрство съ сей дороги заблуждаетъ. Невѣріе не движется желаніемъ будущихъ благихъ, ересь не отдаетъ имъ достойнаго почтенія, а суевѣрство не позволительнымъ образомъ оныя получить надѣется: разныя заблужденія, но всѣ равно лишаются благой надежды.

Но отворяется вѣрою. Святые бо „вси вѣрою получиша обѣтованія“. Спасительная вѣра, вмѣсто ключа, употребляетъ тайну крещенія, которая отворяетъ намъ дверь царствія,—тайну покаянія, которая входъ сей безопаснымъ дѣлаетъ,—и тайну причащенія, которая таинственно съ Самимъ Богомъ насъ соединяетъ.

Затворяется небо ожесточеніемъ и конечнымъ нераскаяніемъ. Объявляетъ Святое Евангеліе, что въ послѣдній день суда многимъ входъ въ небо будетъ отказанъ, и скажетъ Судія: „отъидите отъ Мене вси, дѣлающіи беззаконіе“. Вы, Ангели, затворите отъ нихъ двери, дабы сюда не взошелъ никто, неимѣющій одѣянія брачна, то есть, одѣянія, свѣтлостію добродѣтели блистающаго.

Но отворяется благодатію Господа нашего Іисуса Христа. Вспомните лѣстницу, которую видѣлъ Іаковъ (Быт., гл. 28); она отъ земли досягала до небесъ, и Ангелы по ней иные восходили къ небу, другіе сходили внизъ; а основаніемъ сей лѣстницы былъ Самъ Господь. Лѣстница сія означаетъ безпрепятственный путь ко спасенію; Ангелы восходящіе представляютъ спасаемыхъ; сходящіе на землю даютъ знать, что сіи чистѣйшіе духи съ вѣрующими составляютъ едино общество; а Господь, на Которомъ утверждается лѣстница сія, есть Тотъ, Который въ Евангеліи Самъ о Себѣ говоритъ: „Азъ есмь путь и истина и животъ: никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною (Іоанн., 14, 6).

Но сей Господь вознесся отъ насъ на небо, слушатели, и мы остались безъ сего Божественнаго путеводителя; такъ кто же намъ отверзетъ двери царствія небеснаго? Но, вотъ—видимъ мы милосердый промыслъ Спасителя нашего. Онъ, возносясь отъ земли на небо, кромѣ того, что обѣщался съ нами всегда пребывать невидимо, оставилъ ключи небесные въ Церкви Своей, ибо Онъ сказалъ Петру, а въ лицѣ его и всѣмъ служителямъ Новаго Завѣта: „и дамъ тебѣ ключи царствія небеснаго“ (Матѳ., 16, 19). О, даръ дражайшій! Дамъ ключи, коими разрѣшенные на земли, разрѣшаются и на небеси; дамъ ключи, коими отверзается не токмо небо, но и самое благоутробіе небеснаго Отца; дамъ ключи, съ которыми человѣкъ дѣлается владѣтелемъ неистощаемыхъ райскихъ сокровищъ. Даетъ же не одинъ ключъ, но „ключи“; а сіе значитъ, что разные устроилъ Богъ пути ко спасенію. Такъ можетъ ли кто спасеніе почитать труднымъ, когда ключи небесные въ

рукахъ нашихъ находятся? Почему—самымъ дѣломъ исполнилось то, что нынѣ въ Евангеліи слышали мы: „Отселѣ узрите небо отверсто“.

Идите убо, благословенные христіане, въ сіе радостное мѣсто, въ вѣчное наше обиталище; идите, насыщайтесь, ублажайтесь, царствуйте. Дверь небесная отворена, трапеза приготовлена, ангельскіе лики предстоятъ, всѣ праведные духи насъ ожидаютъ, Самъ Отецъ будущаго вѣка объятіями Своими насъ воспріять хощетъ; а Церковь воинствующая на землѣ восклицаніями своими и ученіемъ ободряетъ, чтобы мы не ослабѣвали въ семъ знатнѣйшемъ подвигѣ.

Нѣтъ никого, думаю, изъ насъ, который бы не пожелалъ сего блаженства быть причастнымъ, но, притомъ, памятовать надобно, что въ оное чистѣйшее мѣсто никакая скверна не входитъ. А какъ никто изъ человѣкъ отъ своихъ дѣлъ предъ Богомъ безъ благодати Его оправдиться не можетъ, то Ты Самъ, Господи, отворивъ намъ покаянія двери, отверзи двери и небеснаго царствія Своего. Аминь.

Слово въ недѣлю пятую Великаго поста *).

„Не вѣста, чесо просита“.
(Марк., гл. 10, ст. 38).

Два знатные Христовы ученика, Іаковъ и Іоаннъ, въ человѣческое впали искушеніе, которое тѣмъ удивительнѣе, что ихъ подстрекало честолюбіе въ то время, когда они неотступно пребывали при Томъ, Который Самъ не имѣлъ, гдѣ главы приклонить. Сей великій Учитель говоритъ имъ о страданіи, а они воображаютъ чести; Онъ объявляетъ о приближающейся Ему смерти, а они думаютъ о веселостяхъ; Онъ рѣчь свою имѣетъ о крестѣ, а они просятъ, чтобы сѣсть, не знаю, на какихъ престолахъ по правую и по лѣвую сторону; Онъ имъ представляетъ, что, которые болѣе власти и чести вѣка сего имѣютъ, тѣ то наипаче на Него нападутъ и предадутъ,—но они сами въ сію опасность охотно себя ввергаютъ.

Такъ-то всегда иное мудрствуетъ міръ, иное — Евангеліе. Такая-то есть слабость нашего ума, что мы, безъ благодати Божіей, ни пути, ни способа къ истинному благополучію изобрѣсти не можемъ. И для того по достоинству нынѣшніе просители получили непріятный сей отвѣтъ: вы сами не знаете, чего просите; „не вѣста, чесо просита“. Васъ, Мои ученики, ослѣпляетъ блистательное мірской славы сіяніе; вы позабыли, что Я вамъ неоднократно говорилъ: „иже хощетъ въ

*) Сказано въ присутствіи Ея Величества въ придворной церкви, 1764 года, марта 28 дня.

васъ быти большій, да будетъ всѣмъ слуга". Вы избраны отъ Меня для вѣчной славы, чтобы царствовать не на земли, но на небеси; и, чтобы получить сей безсмертія вѣнецъ, надобно побѣдить міръ со всѣми прихотьми его.

А дабы и мы симъ не поползнулись искушеніемъ, должно всѣхъ себя предать въ волю Божію, говоря Ему съ Давидомъ: „скажи мнѣ Ты Самъ, Господи, путь, въ онь же пойду"! Но какъ *много есть и такихъ, кои или неполезнаго, или и полезнаго, но непристойнымъ образомъ ищутъ*,—о томъ настоящею бесѣдою изслѣдуемъ. А Ты, мой Боже, даждь глаголъ благовѣствующему, да не буду яко воздухъ біяй!

Разными человѣкъ мучитъ себя желаніями и, когда многаго ищетъ, самое драгоцѣнное свое теряетъ сокровище, то есть, спокойство душевное.

Иные ищутъ чести. Нѣтъ никакихъ трудностей, которыя бы они не претерпѣвали для снисканія сей льстивой вещи, и по самымъ опаснымъ лѣзутъ стремнинамъ, чтобы взойти на высокій верхъ достоинства; а какъ взойдутъ, то коловратное счастіе съ сей горы ихъ внизъ нечаянно свергаетъ и разбиваетъ въ прахъ. Такъ вотъ тогда Евангеліе надъ сими несчастливыми искателями и поетъ сію пѣснь: вы сами не знали, чего искали; „не вѣста, чесо просита".

Подлинно, кажется, не худо и чести желать. Но надобно имѣть достоинство, имѣть дарованія, имѣть духъ, трудами не отягчаемый и не побѣждаемый страстями: иначе должна быть и самому такому со стыдомъ смѣшанная трата, и другимъ вредъ. Лучше малое нести, съ какою ни есть пользою, нежели, великое взявъ на плеча, онымъ обременитьсѧ. Однако, со всѣмъ тѣмъ сказать должно, о чемъ многіе, думаю, иначе разсуждаютъ; а именно, что никогда никому чести искать не надобно. Другіе честолюбіе похваляютъ, но Слово Божіе охуждаетъ: оно учитъ дѣлать то, что честь заслуживаетъ, не думая о чести. Ибо, кто дѣлаетъ доброе не для самого добра, но только съ надеждою получить честь,—тотъ самъ свою опорочиваетъ добродѣтель. Пожалуй, не некись: добродѣтель сама есть великій и сильный за тебя ходатай. „Честь за бѣгущими отъ нея бѣжитъ, а отъ бѣгающихъ за нею сама убѣгаетъ". Съ добродѣтелію не скрылся Іосифъ въ темницѣ, Лотъ—въ Содомѣ, Іовъ—на гноищи, Моисей—при стадѣ въ пустынѣ, апостолы—при рыбной ловлѣ, а великій Павелъ—въ скинотворной хижинкѣ. Послушаемъ, какъ всякаго изъ насъ блаженный Давидъ отечески увѣщеваетъ: „открый,—говоритъ,—ко Господу путь твой и уповай на Него и Той сотворитъ". А что сотворитъ?—„изведетъ яко свѣтъ правду твою, и судьбу твою яко полудне" (Псал., 36, 5—6). „Скорѣе убо,—воистинну скорѣе,—по Евангельскому слову,—можетъ укрыться градъ

вверху горы стоящій, нежели, чтобы добродѣтель осталась безъ своего награжденія. Но посмотримъ на другую суету міра сего.

Иные ищутъ патроновъ. Сіи, видно, не памятуютъ оныя Духа Святаго слова: „не надѣйтеся на князи, на сыны человѣческія, въ нихъ же нѣсть спасенія“ (Псал., 145, 3). Такіе искатели всѣмъ непріятны: ибо они, во-первыхъ, сами о себѣ доказываютъ, что того недостойны, чего ищутъ; второе—обижаютъ добродѣтель, которая аки бы недовольна была сама рачителя своего сдѣлать благополучнымъ. Но что я говорю, обижаютъ добродѣтель? Ее обидѣть нельзя: ибо всѣ искатели, ежели не укрѣпятъ себя добродѣтелію, со стыдомъ лишаются надежды своей. Понеже тѣ, на коихъ они свое полагаютъ упованіе, сами разнымъ подлежатъ перемѣнамъ, сами суть человѣки; слѣдовательно, когда не другое что, смерть, поистинѣ, всѣ ихъ чаянія опровержетъ. Такъ вотъ твоя и улетѣла надежда, твой столпъ упалъ, твое основаніе поколебалось; а ты остался посрамленъ, ты остался какъ корабль на мели. А сіе доказываетъ, что едина добродѣтель своего любителя никогда не оставляетъ, она съ нимъ въ морѣ плаваетъ, въ странствованіи путешествуетъ, въ темницѣ утѣшаетъ, ободряетъ въ напастяхъ. Когда другіе волнуются, сверху внизъ опровергаются, сокрушаются; добродѣтельный въ тихомъ своемъ пристанищѣ спокоенъ, и въ сладкихъ ея нѣдрахъ опочиваетъ безопасно.

Подлинно, какъ равному любовь, такъ высшимъ отдавать надобно почтеніе. Не противно же, опять, другимъ объявить свое несчастіе и отъ сильнѣйшей руки требовать помощи: ибо не есть сіе искать патроновъ. Но когда кто подло ласкаетъ, и сіе хитрое ласкательство употребляетъ, вмѣсто заслугъ, къ полученію того, чего не достоинъ; то сіе есть обидно добродѣтели, сіе противно Божію Промыслу, Который со временемъ имъ скажетъ: вы сами не знали, чего искали,—„не вѣста, чесо просита“. Но, вотъ, встрѣчаютъ насъ другіе искатели.

Иные ищутъ богатства. Сія великая жажда ничѣмъ погашена быть не можетъ, и она подобна огню, который, чѣмъ болѣе въ себя дровъ принимаетъ, тѣмъ болѣе разгорается. Мы знаемъ, за какое препятствіе ко спасенію сіе ненасытимое желаніе поставляетъ Евангеліе, сказывая, что „удобнѣе верблюду пройти сквозь иглиныя уши, нежели богатому взойти въ царство небесное“ (Матѳ., 19, 24). А учитель языковъ напередъ объявляетъ, что „хотящіи богатитися, впадаютъ въ напасти и сѣть, и въ похоти многи несмысленны и вредныя“ (1 Тим., 6, 9).

Подлинно, не виновно богатство; да и богатиться не-грѣхъ, но во всемъ должна быть мѣра. При собраніи богатства, во-первыхъ, наблюдать надобно честность, то есть, не думать, чтобы всякій способъ позволителенъ былъ къ обогащенію себя; второе—богатству не отдавать всего

своего сердца, но притомъ, что наипаче, стараться о богатствѣ добродѣтели: построить корабль вѣры, украсить парусами любви, утвердить якоремъ вѣчной надежды. Сіе богатство добродѣтели есть подпора и украшеніе онаго; при семъ богатствѣ и оное твердо и безопасно. Одна добродѣтель по справедливости можетъ сказать: „иже со мною не собираетъ, расточаетъ“ (Матѳ., 12, 30). Былъ богатъ и Авраамъ, но, по объявленію Священнаго Писанія, сидѣлъ при дверяхъ шатра своего въ самый жаркій полуденный часъ, чтобы кого изъ путешествующихъ подъ сѣнь свою принять и успокоить, а за сіе страннолюбіе сподобился угостить Самого Бога. Былъ богатъ и Іовъ, но былъ же онъ и „око слѣпымъ, нога хромымъ, отецъ немощнымъ, отъ стриженія овецъ его согрѣвались плеча убогихъ, и дверь его всякому приходящему отверста бѣ“. Сіе есть праведное употребленіе богатства.

А которые сами токмо въ себя, а не въ Бога, не въ пользу ближняго богатятся, тѣ напослѣдокъ услышатъ, что Іаковъ написалъ: „пріидите, богатіи, плачитеся и рыдайте о лютыхъ скорбехъ грядущихъ на вы. Богатство ваше изгніи, ризы ваша моліе поядоша. Злато ваше и сребро изоржавѣ, и ржа сія будетъ въ день суда свидѣтель вашей скупости“ (Іак., 5, 1—3). А мы, со святымъ Іаковомъ скажемъ: вы, богачи, не знали сами, чего искали, „не вѣста, чесо просита“. Но еще не всѣ человѣческія желанія изочли мы.

Иные ищутъ веселостей. Сіи люди, мнѣ кажется, подобны баснословному Танталу, о которомъ сказываютъ, что онъ стоялъ кругомъ въ водѣ, но жажду свою утолить не могъ. Всѣ бо мірскія веселости, съ скукою смѣшаны, всѣ радости слезами растворены, въ жизни сей совершеннаго покоя найти нельзя: ибо человѣкъ отъ Творца своего созданъ достойнѣйшимъ и высшимъ,—нежели чтобы его видимыя сіи текущія вещи могли удовольствовать. Соломонъ всѣ испыталъ роды веселія, и для успокоенія духа своего ничего не оставилъ, что бы только ни служило къ разогнанію скуки и къ угожденію плотскихъ склонностей; но со всѣмъ тѣмъ напослѣдокъ узналъ свое заблужденіе и сказалъ: „суета суетствій и всяческая суета“ (Еккл., 1, 2).

Правда, что и печалиться пользы нѣтъ, какъ то говоритъ златоглаголивый Іоаннъ. Ибо, разсуждаетъ учитель сей, потерялъ ли кто деньги?—печалію оныя возвратить нельзя. Лишился ли кто сына?—печаль ко утѣшенію ни мало не пользуетъ. Страждетъ ли кто какою болѣзнію?—ежели будетъ притомъ печалиться, болѣзнь свою не облегчаетъ, но умножаетъ. Въ одномъ токмо тотъ же учитель придаетъ, печаль свою имѣетъ пользу, а именно, „во грѣхѣ: ибо, какъ токмо за грѣхъ печалію сокрушитъ кто сердце свое, тѣмъ самымъ и истребилъ свой грѣхъ“. Лучше бо печалиться для Бога, нежели веселиться съ міромъ.

И потому всѣ, кои въ утѣхахъ житейскихъ своего ищутъ покоя, сами не знаютъ, чего ищутъ. „Не вѣста, чесо просита“.

Итакъ, видѣли мы неблагоразумныхъ искателей. Но многіе еще есть, кои, зная, что ихъ всѣ тщанія будутъ напрасны, прибѣгаютъ къ Богу, и прошеніями своими стужаютъ Божеству: ибо часто просятъ того, что и имъ получить вредно, и Богу дать не пристойно. Иной, понеже самъ не можетъ, проситъ Бога, чтобы Онъ отмстилъ соперникамъ его. Грабитель молитъ, чтобъ Богъ ему помогъ, и, посредствомъ темноты и вѣтровъ, скрылъ бы злодѣйство его. Иной проситъ дождя, иной въ то же время—вёдра. Но такія прошенія и по нашему разсужденію не похвальны. А слѣдующія кажутся быть не пристойны, а именно:

Иные просятъ у Бога, чтобъ долго жить. Надобно сказать, къ великому стыду христіанства, что нѣкоторые такъ привязаны къ свѣту сему, что они, ежелибы возможно было, никогда бы умереть не захотѣли, аки бы ни мало не надѣялись лучшей по смерти жизни. Ты просишь долго жить, а другіе желаютъ разрѣшиться и со Христомъ быть; ты хотѣлъ бы вѣчно наслаждаться свѣтомъ симъ, а другіе жалуются, что странствованіе жизни ихъ весьма долго продолжается.

Правда, можно, да и надобно и долгой жизни желать, но въ какомъ разумѣ, въ томъ да будетъ намъ въ примѣръ святый Павелъ, который нѣгдѣ пишетъ, что онъ весьма былъ бы радъ отрѣшиться отъ бремене тѣлеснаго, и быть съ Богомъ, ежели бы только смотрѣлъ пользу свою (Филипп., 1, 23—24); но въ разсужденіи того, что другіе отъ продолженія жизни его могутъ пользоваться, не отрицается желать себѣ долгой жизни. О, высокая и Апостола достойная мысль! желаетъ долгой жизни, чтобы прибавленіе къ его житію лѣтъ было причиною прибавленія и большого успѣха въ добродѣтели другимъ. Ежели которые не на семъ основаніи многихъ себѣ лѣтъ просятъ, тѣ сами не знаютъ, чего просятъ. „Не вѣста, чесо просита“.

Иные просятъ отъ болѣзни избавиться, не разсуждая притомъ, что часто болѣзнь служитъ къ исправленію нашему, и приводитъ насъ въ познаніе самихъ себя. Не противно молить Бога объ избавленіи себя отъ болѣзни, но прибавляя притомъ: „ежели Его святой волѣ угодно, и ежели Онъ всевидящимъ Своимъ окомъ предусматриваетъ, что здравіе для меня имѣетъ быть полезнѣе“. Иначе можетъ такимъ сказано быть: „не вѣста, чесо просита“.

Многіе многаго отъ Бога просятъ, но не всегда получаютъ для того, что худо просятъ: нѣтъ въ нихъ исправленія, нѣтъ добраго намѣренія, нѣтъ честнаго употребленія. „Просите и не пріемлете“,—святый Іаковъ говоритъ,—„зане злѣ прóсите, да въ сластехъ вашихъ иждивете“ (Іак., 4, 3).

И такъ, представляя себѣ всѣхъ, нынѣ помянутыхъ, искателей и просителей, а притомъ разсуждая и слабость понятія нашего, что мы не всегда можемъ совершенно узнать пользу нашу и вредъ, нельзя не похвалить древнюю нѣкоторую слѣдующую молитву: „Господи! дай намъ полезное, хотя бы мы того у Тебя не просили; не дай же намъ вредное, хотя бы мы то у Тебя и просили“.

А наконецъ всего сего надобно памятовать, что есть одна вещь, которую намъ, просящимъ, никогда Богъ не отказываетъ. А она есть „спасеніе наше“. Ищите Бога, и обрящете; толцыте въ двери милосердія его, и отверзутся; а прочая вся приложатся вамъ. Аминь.

Слово во святый и Великій Пятокъ *).

„Мы проповѣдуемъ Христа распята, іудеемъ убо соблазнъ, еллиномъ же безуміе“. (I Корино., гл. I, ст. 23).

Предлежащая предъ очами нашими сія мертвая плоть, не знаю, есть источникъ словъ, или молчанія. Ибо, разсуждая столь странное и отъ вѣкъ неслыханное позорище, чтобы видѣть Сына Божія висящаго на крестѣ, а притомъ помрачаемо солнце и всѣ естества законы измѣняемы, надобно бы съ самымъ сильнымъ чувствіемъ сердечной горести молчаніемъ запечатать намъ уста свои, и только бить въ перси съ оными, у Луки помнаемыми, которые своими глазами видѣли позоръ сей (Лук., 23, 48). Но, съ другой стороны, вѣрный ученикъ сего небеснаго Учителя и избранный сосудъ и самъ проповѣдуетъ, и намъ велитъ велегласно проповѣдывать распятаго Христа,—да и сего не сѣдящаго одесную Отца во свѣтлостяхъ святыхъ, не окружаемаго чины ангельскими, но висящаго на крестѣ, точащаго изъ ребръ Своихъ кровь и отягощаемаго руганіями „и сего распята“.

Но, о несчастливыхъ насъ проповѣдниковъ! Сія, которую мы болѣе всего проповѣдовать должны, спасительная міру смерть іудеямъ есть соблазнъ; сія, во искупленіи нашемъ сокровенная, Божія премудрость еллинамъ кажется безуміемъ; сей претвердый вѣры камень другимъ есть претыканіе, сей пресвѣтлый истины свѣтъ инымъ есть ослѣпленіе.

Но пускай соблазняется іудей, пускай смѣется язычникъ. Намъ смерть Іисусова есть первая похвала, и мы паче египетскихъ сокровищъ почитаемъ поношеніе Христово. Но къ утвержденію благочестивої нашей вѣры кратко разсмотримъ, *что іудеевъ и еллиновъ столь много*

*) Сказано въ присутствіи Ея Величества въ придворной церкви, 1764 г., мѣсяца апрѣля 9 дня.

смущаетъ. А Ты Сыне и Слове Божій, простертыми Твоими на крестѣ руками наше намѣреніе благослови!

Когда воображаемъ порядокъ предвѣчныхъ Божіихъ совѣтовъ и разсуждаемъ слабость человѣческаго ума, тогда ясно усматриваемъ, что „яко же отстоитъ небо отъ земли, тако отстоитъ путь Божій отъ путей нашихъ, и помышленія человѣческая отъ мыслей Его". Вотъ, іудеи о смерти Христовой соблазняются, и, Котораго въ пророчествахъ своихъ почитали, Того умирающаго за нихъ презираютъ; а то потому, что больше хотятъ вѣрить своимъ страстнымъ разсужденіямъ, нежели покорить себя глубинѣ премудрости Божіей. Но мы, благословенные христіане, въ смерти сей находимъ тайные судебъ Божіихъ пути, и очами вѣры усматриваемъ въ ней Божественную силу отъ высокоумныхъ скрытую, а младенцамъ открываемую.

Іудеи воображали себѣ, что ожидаемый ими Христосъ будетъ сильный и храбрый, да храбростью тѣлесною, какою, напримѣръ, имѣлъ Самсонъ или Македонскій Александръ; и какъ они тогда находились подъ владѣніемъ римскимъ, то ласкали себя, что Мессія воинскою рукою избавитъ ихъ отъ сего тяжкаго ига, и сдѣлаетъ ихъ въ свѣтѣ такъ славными, какіе были македоняне, а послѣ римляне. Но какъ сего въ Томъ, Который „не имѣлъ, гдѣ главы приклонить" ни мало не усматривали, то соблазнялись. Вотъ—плотское разсужденіе! Они, видно, за ничто поставляли духовную силу и славу, которая состоитъ не въ пролитіи крови, не во взятіи городовъ, не въ опустошеніи земель, но въ перемѣненіи внутренняго человѣка, чтобы побѣдить страсти, потоптать плотскія склонности, и не радоваться тогда, когда духи намъ повинуются, но когда имена наша написана суть на небесѣхъ.

Но мы Сего, не имѣющаго, гдѣ главы приклонить, исповѣдуемъ, что Онъ „носитъ всяческая глаголомъ силы Своея" (Евр., 1, 3). Мы сего мужа болѣзней и сего уязвленнаго признаемъ за Господа славы, и безчестіемъ Его превозносимся: „язвою бо Его мы вси исцѣлѣхомъ" (Ис, 53, 5). Знаемъ мы, что Его мышца—съ силою, крѣпка рука Его и вознесенна десница Его; но благоволилъ Онъ смирить Себя и симъ таинственнымъ истощаніемъ избавить насъ не отъ ига римскаго, но отъ ига грѣха, отъ ига гнѣва Божія и сдѣлать насъ славными во царствіи Своемъ, сдѣлать сынами воскресенія.

Іудеи думали, что Мессія будетъ богатъ, каковъ былъ Соломонъ, и удивитъ весь свѣтъ флотами и своими огромными зданіями. Плотскіе глаза ищутъ наружности, которая обыкновенно поражаетъ ихъ. Но мы въ сей нищетѣ находимъ сокровенное богатство благодати и съ Павломъ вопіемъ, что „Господь нашъ обнища богатъ сый, да мы нищетою Его обогатимся" (2 Коринѳ., 8, 9). Мы лобызаемъ Его пелены,

почитаемъ вертепъ, превозносимъ ясли и безчестіемъ креста хвалимся: ибо въ сихъ видимыхъ Спасителева снисхожденія знакахъ усматриваемъ невидимую красоту.

Іудеи знаменія просятъ, то есть, желаютъ, чтобы Іисусъ Христосъ удивительнѣйшими чудесами доказалъ имъ Божество Свое. О, окаянный іудей! не видѣлъ ли ты столько чудесъ, сколько надобно для увѣренія жесточайшей души? не видѣлъ ли ты больныхъ, однимъ словомъ исцѣляемыхъ, выгоняемыхъ бѣсовъ, прозирающихъ слѣпыхъ и возстающихъ мертвыхъ? не слышалъ ли ты, что велегласно другіе вопили: „николиже явися тако во Израили?“ Однако, со всѣмъ тѣмъ іудеи знаменія просятъ, а ожесточенія своего не отлагаютъ, и всѣ Божественныя Христовы чудеса приписываютъ непріязненной силѣ.

Но мы, вѣрующіе, находимъ въ Евангеліи неисчислимыя знаменія, которыя внутренно насъ увѣряютъ о Божественномъ Іисуса Христа посольствѣ. А притомъ, видимъ, что время пришествія Мессіина исполнилось, скипетръ или власть владѣнія отъ Іуды отнята, седмицы Даніиловы окончились, проображенія совершились, и всѣ древнѣйшія пророчества сбылись, а сверхъ того, языки призваны къ Богу, и всѣ народы участники стали благословенія Авраамова. Могутъ ли быть сильнѣйшія сихъ увѣренія благодати Евангельской?

Іудеи защищаютъ законъ и чрезъ него ищутъ оправдаться предъ Богомъ, а не разсуждаютъ, несчастливые, притомъ, что ежели человѣкъ хочетъ чрезъ законъ предъ судомъ Божіимъ стать праведнымъ, надобно, чтобы онъ ни въ маломъ преступленіи закона обличенъ быть не могъ. Но кто изъ человѣкъ такою святостію можетъ похвалиться, а не паче съ Давидомъ говорить: „не вниди, Господи, въ судъ съ рабомъ Твоимъ, яко не оправдится предъ Тобою всякъ живый“ (Псаломъ 142, 2)? Ежели бы іудеи хотѣли вникнуть въ высокую христіанскую богословію, то узнали бы, что „законъ пѣстунъ намъ бысть во Христа“ (Галат., 3, 24), то есть, показываетъ токмо наши раны, а для исцѣленія отсылаетъ къ милосердію Избавителя.

Но мы держимся благодати и съ Павломъ восклицаемъ, яко „благодать и человѣколюбіе явися Спаса нашего Бога, не отъ дѣлъ праведныхъ, ихже сотворихомъ мы, но по Своей Его милости, спасе насъ“ (Тит., 3, 4). Не отвергаемъ законъ, но опять же не подвергаемъ закону благодать: не отвергаемъ законъ, понеже благодать подаетъ силы исполнять его; не подвергаемъ же закону благодать, ибо „отъ дѣлъ закона не оправдится предъ Богомъ всяка плоть“.

Іудеи защищаютъ свои кровавыя жертвы, храмъ и алтари, хотя и храмъ ихъ разоренъ, и алтарь опроверженъ, и жертвы сами собою перестали. Да и „возможно ли крови козлей или тельчей очистить

грѣхи и приношеніемъ безсловесныхъ животныхъ умилостивить Божество“ (Евр., 1, 4)? Почему необходимо надобно было іудеямъ подумать, что была нѣкая сокровеннѣйшая причина, для которой Богъ установилъ приношеніе жертвъ.

Но что они оставили безъ испытанія, то Евангеліе намъ открыло. Мы проповѣдуемъ жертву Единороднаго Сына Божія, на алтарѣ крестномъ за насъ Богу принесенную, въ которой сдѣлалось чудное милосердія и правосудія Божія раствореніе. Возможно ли, что бы Ты, небесный Отецъ, на жертву сію не умилился? чтобы сія пречистая Агнца Божія кровь не очистила наши грѣхи, и чтобы риза плоти Его не была намъ вмѣсто покрывала отъ Твоего праведнаго гнѣва? „Ибо, по ученію Павлову, „Христосъ пришедъ Архіерей грядущихъ благъ, ни кровію козлею ниже тельчею, но Своею кровію вниде единою во святая, вѣчное искупленіе обрѣтый“ (Евр., 9, 11—12).

Вотъ, видимъ мы причины, для которыхъ Іисусъ Христосъ іудеямъ есть соблазнъ. Но посмотримъ еще, для чего сія же Божія премудрость еллинамъ, то есть, язычникамъ, кажется безуміемъ.

„Еллини премудрости ищутъ“. Они хотятъ, чтобы высокія спасенія нашего тайны утверждены были на основаніяхъ мірской философіи, слѣдовательно, хотятъ покорить Божію премудрость своимъ слабымъ, но пышнымъ разсужденіемъ. Непріятно имъ слышать о вѣрѣ, о правосудіи Божіемъ, о спасеніи, а паче о крестѣ. По ихъ разсужденію, крестъ есть безчестная смерть, вѣра—нѣчто несносное для вольныхъ и на все отважныхъ человѣческихъ мыслей, спасеніе—неупотребительная вещь, Христосъ—неслыханное имя, Апостолъ—незнатный человѣкъ, проповѣдь его проста и съ витійственными правилами не сходна, не благородна, то есть, мірской политикѣ противна. Съ презрѣніемъ все сіе отвергали, и слышать о томъ не хотѣли; а искали тонкостей Аристотелевыхъ, Демосѳеновыхъ высокорѣчій, Архимедовыхъ умствованій; и жадно хотѣли слышать разсужденія о концахъ, о движеніяхъ, о родахъ, о видахъ, о качествахъ, о количествахъ, о существѣ, о случайностяхъ и о прочемъ, чѣмъ языческая философія надымалась. И въ сихъ мелкостяхъ столь запутался суетный язычникъ, что не только не искалъ способа умилостивить праведное Божество, но и во внутренность души своей мало когда заглядывалъ. Но, о, бѣдный язычникъ! ты ли, оставивъ бо́льшее, за сѣнію гонишься, и, другихъ за худое осуждая, самъ избѣжишь ли суда Божія?

Но мы, смиренные христіане, съ священнымъ Павломъ удивляемся и сознаемъ, яко „буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ, и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая: и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и не сущая, да сущая упразднитъ, яко да не

похвалится всяка плоть предъ Богомъ". Слово же наше и проповѣдь наша состоитъ не въ спорливыхъ человѣческія мудрости словахъ, но „въ явленіи духа и силы, да вѣра наша не въ мудрости человѣчестѣй, но въ силѣ Божіей будетъ" (1 Кор., 2, 4—5). Не могу я изъяснить Евангельскія истины превосходство лучше, какъ сими великаго Апостола словами.

Еллины все испытывать предпринимали, и самыя тайныя стези совѣтовъ Божіихъ изслѣдовать покушались. И для того, послышавъ Павла о воскресеніи проповѣдующаго, смѣялись, и, чтобы Богъ въ воспріятой плоти за насъ умиралъ, не вѣрили.

Но мы плѣняемъ умъ свой въ послушаніе вѣры, „яко не испытаны суды Божіи, и не изслѣдованы путіе Его". Не такъ, чтобы мы безъ всякаго основанія не знали, чему вѣрили, но слово Божіе подаетъ въ сердца наши твердое свидѣтельство Святаго Духа, Ему же внимаемъ, яко свѣтильнику, сіяющу въ темномъ мѣстѣ.

Еллины не хотѣли, чтобъ въ принятой ими вѣрѣ какая-нибудь была перемѣна, и для того философы учили, чтобы вѣру содержать такъ, какъ содержитъ простой народъ, и въ признанной совѣстью истинѣ не открываться. Въ разсужденіи сего въ сенатѣ римскомъ опредѣлено было, чтобы никого вновь за Бога не признавать, кого высокій сенатъ римскій въ семъ достоинствѣ не подтвердитъ. А какъ Іисусъ Христосъ безъ ихъ высокаго подтвержденія за Бога признаваемъ былъ, да еще за Бога, предъ Которымъ всѣ прочіе боги были только идолы и ничто; то до самой внутренности симъ прободались, и такое ученіе ненавидѣли, гнали и называли безумнымъ. Ибо—какъ римляне думали о себѣ, что они превосходнѣе всѣхъ во вселенной людей, такъ думали и о богахъ своихъ, что они превосходнѣе всѣхъ боговъ; и какъ побѣдили іудеевъ, то думали, что вмѣстѣ полонили и Іудейскаго Бога, и разсуждали, что ежели царствовать Іудейскому Богу, то надобно опровергнуть основаніе имперіи, и возненавидѣть побѣды и силу римскаго народа.

Но мы не только покоряемся зовущему Богу, но и усерднымъ духомъ благодаримъ Ему, что Онъ благоволилъ насъ призвать изъ тьмы въ чудный Свой свѣтъ. Признаемъ мы свои недостатки, и въ истинѣ лицемѣрить не хощемъ.

Еллины страшились тѣснаго пути христіанской жизни. Евангеліе объявляло, что всѣ люди предъ Богомъ повинны и страстями мертвы, и учило, что во время гоненія за истину (а истина мало когда бываетъ безъ гоненія), вмѣсто всѣхъ утѣхъ, забавъ, увеселеній, вмѣсто всѣхъ прибытковъ надобно приниматься за крестъ, суровую жизнь, предуготовить себя на поношенія и гоненія. О, боги безсмертные! кричали язычники, о, гремящій Юпитеръ и веселый Бахусъ, и ты, забавная

Венера! возможно ли, чтобы мы оставили васъ, и приняли ученіе, которое столь окаеваетъ насъ, и столь жестокую проповѣдуетъ жизнь?— Нѣтъ, сіе противно нашему разсужденію, и нашимъ склонностямъ, а паче, что-то будетъ по смерти, намъ не извѣстно. Такъ кричали суетные язычники.

Но истинные христіане вопіютъ: мы „есмы яко овцы закаленія; всѣмъ попраніе доселѣ. Все побѣждаемъ ради Возлюбившаго ны". „Многими бо скорбьми подобаетъ намъ внити въ царство небесное".

Итакъ, видѣли мы причины соблазна іудейскаго и смѣха языческаго,—видѣли, какъ іудеи о камень вѣры разбились, и какъ язычники осуетились помышленіями своими, и „омрачися неразумное ихъ сердце". А мы, съ благоговѣніемъ взирая въ высокое смерти Христовой таинство, съ Павломъ вопіемъ: „о, глубина богатства и премудрости и разума Божія! Слово крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть". Мы почитаемъ Твои, Христе, страсти, лобызаемъ Твои раны, покланяемся благоутробію Твоему. Хотя іудей о Тебѣ и соблазняется, но Ты мнѣ—Богъ, и не стыжуся; хотя еллинъ и смѣется, но я не срамляюся; крестомъ Твоимъ хвалюся: смерть бо Твоя животъ мнѣ. Аминь.

Слово въ недѣлю Разслабленнаго *).

„Ей, Господи, человѣка не имамъ".
(Іоанн., гл. 5, ст. 7).

О горькаго несчастія! Быть въ бѣдѣ, и не имѣть утѣшенія; быть въ злоключеніи, и не имѣть отрады; быть въ болѣзни, и не надѣяться помощи. Одно раждаетъ печаль, другое приводитъ въ отчаяніе; одно наноситъ рану, другое дѣлаетъ ее смертоносною. Не знаю, чему здѣсь больше удивляться надобно, жестокости ли мученія, или терпѣнію мучимаго. Въ такомъ состояніи бѣдный находился разслабленный. Лежитъ несчастливый сей при спасительной купели чрезъ тридцать, какъ надобно думать, и осмь лѣтъ; лежитъ же, всѣ свои уды имѣя недугомъ разслабленія связанные, всего дѣйствія лишенные; живый мертвецъ, которому собственное тѣло сдѣлалось гробомъ; и ежели что его оживляло, то была одна надежда, которую онъ на знаемыхъ, на пріятелей и на сродниковъ полагалъ, что отъ нихъ съ своего прилѣпившагося къ нему одра снятъ будетъ, и брошенъ въ воду, Ангеломъ чудесно возмущаемую. Жди, бѣдный разслабленный! не безъ того, чтобъ

*) Сказано въ присутствіи Ея Величества въ придворной [illegible] 1764 г., мая 2 дня.

у тебя не было прежде пріятелей; такъ сію малую услугу въ такомъ печальномъ состояніи откажутъ ли? въ самое короткое время твои разслабленные члены поднять и бросить въ воду, за трудъ себѣ почтутъ ли? Но, „лживи сынове человѣчестіи“! Прошелъ годъ, прошелъ другой, прошелъ третій, прошло тридесять и осмь лѣтъ; но никто не могъ сыскаться, который бы ему хотя не по пріятству, такъ по человѣчеству сіе благодѣяніе оказалъ. И для того разслабленный нашъ изъ разслабленія тѣлеснаго впалъ уже, чрезъ отнятіе надежды, въ разслабленіе душевное, началъ воздыхать, стенать, вопить и жалобными сими словами наполнять воздухъ весь: „человѣка не имамъ, человѣка не имамъ“. Да и правда, что уже ему нечего осталось ожидать отъ человѣкъ, ежели бы Богочеловѣкъ Господь Іисусъ, Который пришелъ спасти погибшаго, и „болѣзни наши на Себѣ понесъ“ (Ис., 53, 4), не умилосердился надъ нимъ.

Такъ здѣсь-то ясно оказалась суетность надежды, полагаемой на человѣка, и твердость надежды, полагаемой на Бога; здѣсь-то открылось, сколько далеко между собою разстоять сіи два пункта: „надѣяться на человѣка, и надѣяться на Бога“. По приличію убо кажется сказать теперь, что *надежда, полагаемая на человѣка, есть обманчива или, по крайней мѣрѣ, сомнительна, развѣ токмо на единаго Бога.* Ты же, Душе Святый, отверзи моя уста и, когда слова мои будутъ ударять слушателей ушеса, тогда Ты ударяй Своимъ дѣйствіемъ ихъ сердца!

Сладка сама по себѣ надежда, но презѣльно огорчаетъ, когда противное чаянію нашему представляетъ. Такого рода есть надежда, положенная на человѣка, а почему она столь слаба и опасна, то откроютъ намъ слѣдующія причины.

Во-первыхъ, извѣстно, сколь люди непостоянны и въ мысляхъ своихъ перемѣнны. Чего нынѣ хотятъ, того заутра отвращаются,—чего нынѣ отвращаются, того заутра съ великимъ ищутъ желаніемъ. Обѣщаютъ намъ златыя горы, а дѣломъ-то исполнять лѣнятся, великолѣпными своими обѣщаніями столь нашъ умащаютъ слухъ, что уже мы себя заблаговременно въ числѣ блаженныхъ считаемъ, но какъ до дѣла дойдетъ, со стыдомъ обманываемся. Бѣдный человѣкъ по симъ блистательнымъ увѣреніямъ прибѣгаетъ къ нимъ, какъ къ священному якорю, и прежнею ихъ ласкою ищетъ пользоваться, но они холодный къ нему обращаютъ видъ. Пропала надежда, исчезли обѣщанія! И я, думаю, Давидъ въ разсужденіи сихъ обстоятельствъ возопилъ, что „всякъ человѣкъ ложь“. А съ нимъ согласуясь, и великій Павелъ сказалъ, что „бѣды не токмо въ мори, но и во лжебратіи“, то есть, въ тѣхъ, которые, будучи нашими врагами, честнымъ братства именемъ прикрываются. Но что болѣе? Спаситель нашъ и самую на

сродниковъ полагаемую надежду объявляетъ быть опасною: „врази де человѣку домашніи его“ (Матѳ., 10, 36). Такъ куда же намъ прибѣгнуть? на кого твердо положиться? нѣтъ никого. Почему всякій изъ насъ съ разслабленнымъ можетъ сказать: „человѣка не имамъ, человѣка не имамъ“.

Но пойдемъ мы далѣе и посмотримъ, какія-бъ были причины толикаго въ людяхъ непостоянства. Извѣстно, сколь многіе на собственные свои прибытки падки и алчны, и пользу свою предпочитаютъ всякой другихъ пользѣ. Они въ самой дружбѣ и обѣщаніяхъ смотрятъ прилежно, есть ли имъ какая изъ того польза, чего когда не усматриваютъ, кидаютъ дружбу и обѣщанія свои исполнять почитаютъ за неполезное. Когда мы счастіемъ процвѣтаемъ, много кругъ себя пріятелей считаемъ; а какъ цвѣты нашего счастія опадутъ, то и други наши всѣ вдругъ пропадутъ. Всякъ знаетъ, что наипаче недостатки наши принуждаютъ насъ надѣяться на другихъ, и что ни есть отъ нихъ ожидать; но вотъ видимъ, что люди не очень охотно подъ покровъ надежды своей насъ тогда принимаютъ, когда усматриваютъ скудость нашу и недостатки. Такіе люди хитры, они охотно въ море льютъ воду, то есть, охотно обѣщаютъ тѣмъ, да можетъ и исполняютъ, которые всякимъ довольствомъ изобилуютъ, но чающе равное или еще и бо́льшее воспріяти, а гдѣ человѣкъ отъ скудости изсыхаетъ, тамъ ни капли милосердія своего не хотятъ пролить.

Такъ теперь, слушатели, положимъ, что мы-то—тѣ скудные и недостаточные, которымъ нужда велитъ въ другихъ помощи искать и на другихъ надѣяться. Прибѣгаемъ мы къ нимъ и умиленно просимъ о заступленіи. Что же они тутъ съ нами дѣлаютъ?—первѣе всего кругомъ насъ осматриваютъ, есть ли въ насъ имъ польза, богаты ли мы, высокою ли честію почтены мы. Мы клянемся, что въ насъ того ничего нѣтъ, иначе, ежели бы мы то имѣли, не было бы нужды прибѣгать къ вамъ. Но когда сіе услышатъ, нечаянно яко облакъ пропадаютъ, и нижѐ милостиваго взгляда удостоиваютъ. Гдѣ же намъ искать человѣка, на котораго бы надежда наша была тверда и неподвижна?—нѣгдѣ. „Человѣка не имамъ“.

Апостолы, какъ еще опымъ великодушіемъ, которое чрезъ сошедшаго Святаго Духа получили, не утверждены были, бывши со Христомъ на горѣ Ѳаворстѣй и видѣвши Его небесною осіянна славою, сказывали: „Добро намъ здѣ быти“, а послѣ и чашу страданія съ Нимъ вмѣстѣ пить и никогда Его не оставить обѣщались. А какъ повѣяла съ горы Голгофской смерти Христовой буря, то никто съ Нимъ не остался, но всѣ разсѣялись. Да и нашъ несчастливый разслабленный не безъ того, чтобы, прежде своей болѣзни, не имѣлъ какого ни

есть непріятеля; но теперь, когда ищетъ соскорбящаго, да нѣтъ, и утѣшающаго, но не обрѣтаетъ, — почему, жалуясь, говоритъ: „человѣка не имамъ“.

Правда, что люди, пользу свою наблюдая, нашу надежду дѣлаютъ тщетною, но часто же случается, что и не могутъ намъ того подать, чего бы мы отъ нихъ ожидали. Причина тому есть, что сами люди разнымъ перемѣнамъ и несчастіямъ подлежатъ. Многіе съ престоловъ преселились на гноища, многіе, которыхъ слава по всему свѣту гремѣла, въ плачевное пришли состояніе. Давидъ Святый многихъ видѣлъ, „превозносящихся и высящихся яко кедры Ливанскія: и мимо иде, и се, не бѣша: взыскалъ ихъ, и не обрѣтеся мѣсто ихъ“. О, суетнаго человѣковъ упованія и предпріятія неизвѣстнаго! Чрезъ которыхъ думали обогатиться, тѣ сами обнищали; чрезъ которыхъ надѣялись вознестись, тѣ сами съ высоты своей упали; отъ которыхъ помощи просили, тѣ сами оной отъ другихъ теперь ожидаютъ. Такъ въ такихъ случаяхъ не научаетъ ли насъ разслабленный сію жалобную пѣснь повторять: „человѣка не имамъ, человѣка не имамъ?“

Но хотя бы люди и подлинно были къ намъ безъ лицемѣрія всякаго искренны, хотя бы и могли все то намъ подать, чего бы мы отъ нихъ ни ожидали, но всю сію нашу на нихъ надежду неотмѣнно смерть пресѣчетъ. Смерть—послѣдняя мета всѣхъ нашихъ замысловъ, смерть—конечная граница, чрезъ которую ни собственныя человѣческія желанія, ни наши на нихъ надѣянія болѣе не переходятъ. „Не надѣйтеся на князи, на сыны человѣческія“,—глаголетъ Духъ Святый устами Давидовыми,—„въ нихъ же нѣсть спасенія. Изыдетъ духъ его, и возвратится въ землю свою: въ той день погибнутъ вся помышленія его“ (Псал., 145, 3—4). Одною косою и однимъ взмахомъ смерть подсѣкаетъ и жизнь человѣка, и мое на него положенное упованіе. И такъ того, на кого наша надежда была, смерть отъ насъ взяла, восхитила, скрыла; а мы, бѣдные, остались надеждою обмануты и посмѣяны на подобіе корабля, который, по вольной плавая водѣ, вдругъ по стеченіи водъ остался бы на сушѣ, или на подобіе цвѣта, который, по захожденіи солнца его согрѣвающаго, нечаянно увялъ бы.

Посему суетны вы, сынове человѣчестіи! мы на васъ, какъ на нѣкихъ боговъ, надѣялись; „а вы яко человѣцы умираете, и яко единъ отъ князей падаете“. Мы на васъ, какъ на твердыхъ столповъ, опирались; а вы, какъ слабыя трости, сокрушаетесь. Гдѣ же теперь—тотъ человѣкъ, на котораго была надежда наша? Ахъ, нѣтъ! его смерть отъ насъ на вѣки похитила, такъ пускай же всякъ изъ насъ скажетъ: „человѣка не имамъ“.

Но чтобы не остаться намъ вовсе въ отчаяніи, на кого надежду

положимъ, слушатели, и къ кому безопасно прибѣгнемъ? развѣ токмо къ Тебѣ, о, Боже, крѣпосте наша и хвала Израилева! „На Тя уповаша отцы наши, уповаша: и избавилъ еси ихъ: къ Тебѣ воззваша, и спасошася: на Тя уповаша, и не постыдѣшася“ (Псал., 21, 5—6). Богъ единъ есть несумнительная надежда человѣческая. „Не имамы человѣка“, да имѣемъ Бога. „Предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся“. Онъ въ обѣщаніяхъ Своихъ твердъ и постояненъ, Онъ есть милосердъ: „яко же бо щедритъ отецъ сыны, ущедри Господь боящихся Его“; а со всѣмъ тѣмъ Онъ есть безсмертенъ, Его жизнь не пресѣкается, убо и насъ надежда на Него никогда не посрамитъ, убо Онъ будетъ надежда и по смерти нашей: „аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы“. О, надежда наша непостыдная! міръ Тебя не разумѣетъ, и для того патроновъ ищетъ, обходитъ Тебя, Источника воды живой, и надѣется жажду свою утолить изъ яминъ, не имущихъ воды.

Охозія, Израильскій Царь, разболѣвшись жестоко, послалъ спросить у своего идола Ваала, что имѣетъ ли онъ надежду освободиться отъ болѣзни? Попался навстрѣчу симъ посланникамъ ревности исполненный Илія, остановилъ ихъ и спросилъ: „или нѣсть Бога во Израили, яко грядете вопрошати Ваала, сквернаго бога во Аккаронѣ“ (4 Цар., 1, 3)? Симъ же вопросомъ должно останавливать всѣхъ тѣхъ, кои, миновавъ Бога, въ суетныхъ вещахъ хотятъ свое полагать упованіе. Человѣче! или нѣсть Бога во Израили, что ты на смертнаго надѣешися, человѣче? или нѣсть Бога во Израили, что ты ввѣряешь себя тому, котораго и мысль непостоянна и сердце не извѣстно? „Благо есть надѣятися на Господа, нежели надѣятися на человѣка“. „Отъ стражи утреннія до нощи, отъ стражи утреннія да уповаетъ Израиль на Господа“.

Правда, что нечестивые нашей на Бога надеждѣ ругаются. Сіе поношеніе претерпѣлъ кроткій Давидъ, который надеждѣ своей молился такъ: „да не постыдятся о мнѣ терпящіи Тебе, Господи, Господи силъ: ниже да посрамятся о мнѣ ищущіи Тебе, Боже Израилевъ. Яко Тебе ради претерпѣхъ поношеніе“. „Вси видящіи мя поругашася ми, глаголаша устнами, покиваша главою: упова на Господа, да избавитъ его, да спасетъ его, яко хощетъ его“ (Псал., 21, 8—9; 68, 7—8). То же пострадалъ и Павелъ, который къ Тимоѳею пишетъ такъ: „вѣрно слово и всякаго пріятія достойно. На сіе бо и труждаемся и поношаеми есмы“ (1 Тим., 4, 9—10). А за что?—„яко уповахомъ на Бога жива“. Но отъ сихъ поношеній поколебались ли сіи священные столпы?—никакъ, они до смерти не преставали къ Богу вопить: „Ты еси исторгій мя изъ чрева, упованіе мое отъ сосцу матере моея, къ Тебѣ приверженъ есмь отъ олжесенъ, отъ чрева матере моея Богъ мой еси Ты“ (Псал., 21, 10—11).

Пускай поношаютъ нечестивые, но нѣкогда „Живый на небесѣхъ посмѣется имъ, и Господь поругается имъ“, а „надѣющіися на Господа, яко гора Сіонъ: не подвижутся во вѣкъ“. Аминь.

Слово въ день тезоименитства Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника, Цесаревича и Великаго князя Павла Петровича *).

„Дамъ тебѣ ключи царства небеснаго“.
(Мато., гл. 16, ст. 19).

Стоящимъ намъ въ храмѣ семъ милосердая Божія рука подаетъ невидимо ключи, которыми могли бы себѣ отворить врата небесныя, и взойти въ храмъ вѣчнаго блаженства. Ибо нынѣшнее Евангеліе въ уши всякому изъ насъ велегласно вопіетъ: „дамъ тебѣ, дамъ тебѣ ключи царства небеснаго“. Знаемъ мы, что сіи слова къ твоему, божественный Петръ, лицу произнесъ Спаситель нашъ; но знаемъ и то, что ты принялъ сіи ключи, чтобы оные вручить намъ, то есть, Церкви вѣрующей во Христа, Сына Бога живаго; знаемъ же и то, что ключей сихъ есть столько, сколько есть разныхъ единому Богу извѣстныхъ путей ко спасенію. Сей драгоцѣнный даръ принявъ, сколько радоваться, столь и опасаться должно, чтобы мы, имѣя въ рукахъ ключи, не остались внѣ дверей царствія Христова, и не случилось бы намъ нѣкогда напрасно вопить: „Господи, Господи! отверзи намъ“ (Лук., 13, 25). Мы теперь имѣемъ сѣянія время: должна убо насъ ободрять надежда благословенныя жатвы; мы носимъ висящіе на рукахъ нашихъ ключи: имѣемъ убо данную намъ силу и власть отворять райскія двери. Но, чтобы съ большимъ успѣхомъ симъ вожделѣннѣйшимъ пользоваться дарованіемъ, разсмотримъ, *что намъ подъ именемъ ключей разумѣть надобно.* А Ты, Спасителю Христе, ключемъ благодати Твоея отверзи наши сердца къ принятію спасительнаго слова Твоего.

Подъ именемъ ключей разумѣется власть вязать и рѣшить. И хотя собственно, по разуму Евангелія, властію сею почтилъ Іисусъ Христосъ Церковь Свою, однако, понеже „нѣсть власть, аще не отъ Бога“ (Римл., 13, 1), и всякая власть нѣкоторымъ образомъ должна вязать и рѣшить; слѣдовательно, всякую власть подъ именемъ ключей разумѣть не противно Евангелію. А отсюда открывается

*) Сказано въ Царскомъ Селѣ, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества, 1764 г., іюня, 29-го дня.

явственно, что всѣ властелины предъ Богомъ суть только строители и экономы, носящіе въ рукахъ своихъ ключи, чтобы отворять и затворять то, что имъ повелѣно, и во всемъ поступать по предписанному правилу; а единъ Богъ есть полный властелинъ всѣхъ вещей и верховный правитель всѣхъ дѣлъ. Предъ Нимъ падаетъ всякая высота человѣческая, и затмевается всякое блистаніе славы. Ему единому вся тварь вопіетъ: „благословеніе и слава, премудрость и хвала; и честь, и сила и крѣпость Богу нашему во вѣки вѣковъ“ (Апок., 7, 12). „Слышите убо, царіе, и разумѣйте, судіи концевъ земли: внушите содержащіи множества и гордящіися о народѣхъ языкъ: яко дана есть отъ Господа держава вамъ и сила отъ Вышняго“ (Прем., 6, 1—3). Предъ Нимъ не тотъ—великъ, кто наружнымъ всѣхъ удивляетъ сіяніемъ, но кто порученную себѣ отъ Него должность исправляетъ вѣрно; опять не тотъ—малъ, кто не великія имѣетъ дарованія, но кто, великія получивъ, малые или никакихъ не приноситъ плодовъ. Не въ томъ—сила, какой кто получилъ ключъ, золотой или желѣзной; но въ томъ, чтобы знать, какъ его употреблять. Почему хотя разныя—должности, власти, чины, званія, правительства; однако, всѣми оными стезями до единаго доходимъ пути: разными ключами, но единый отворяется благополучія храмъ. Но не въ пространствѣ слова разсмотримъ, кому именно вручены сіи ключи.

Во-первыхъ, ключи сіи вручилъ Іисусъ Христосъ Церкви Своей, а особенно, вѣрнымъ Церкве Своея служителямъ и мудрымъ строителямъ священнаго дома Своего, яко драгоцѣнный залогъ любви Своея: „ключъ вязать, и ключъ рѣшить или развязать“. Гдѣ человѣческое свирѣпствуетъ упрямство и ожесточеніе, потребенъ ключъ вязанія; а чтобы сокрушаемому сердцу подать отраду, потребенъ ключъ рѣшенія. Ключъ рѣшенія употребляетъ Церковь, когда даетъ право къ полученію вѣчнаго живота: даетъ право, когда насъ отраждаетъ крещеніемъ, питаетъ Божіимъ словомъ, укрѣпляетъ тайнами, возращаетъ благодатію; а чрезъ то дѣлаетъ насъ членами таинственнаго тѣла, то есть, преславнаго христіанскаго общества. Но великія потребны дарованія, чтобы умѣть употреблять ключъ сей. Для сего надобно дарованіе вѣрности Петровой, мудрости Павловой,—вѣрности, чтобы имѣть духъ, горящій ревностію ко спасенію душъ человѣческихъ; а мудрости, чтобы наблюдать всѣ случаи и употреблять всѣ способы для пріобрѣтенія другаго. Безъ сихъ дарованій пастырь есть наемникъ, и служитель-предатель; и о таковыхъ-то говоритъ Евангеліе, что они сами въ царство небесное не входятъ, и другихъ не вводятъ: „Горе вамъ законникамъ, яко взясте ключъ разумѣнія: сами не внидосте и входящимъ возбранисте“ (Лук., 11, 52).

Въ примѣръ мудрыхъ и вѣрныхъ Божіихъ строителей, предстоятъ

намъ нынѣ празднуемые Апостолы, божественный Петръ и священный Павелъ. Они, принявъ златый рѣшенія ключъ, онымъ отворили себѣ путь въ отдаленнѣйшія страны, царства, грады, и самыя ожесточенныя отверзли сердца. Востокъ принялъ ихъ дверьми славы; западъ оглашенъ ихъ проповѣдію; сѣверъ и югъ обтекли ихъ красныя ноги. Уступило имъ могущество непобѣдимыхъ владѣтелей; скрылись предъ ними суетныя человѣческія мудрости хитрости, и всѣ роды мученій ихъ терпѣніемъ побѣждены были. Почему по справедливости могли они своему Пастыреначальнику говорить: „Христе! данными намъ отъ благости Твоея ключами жестокія отворили мы сердца; а тѣмъ самымъ отворили въ оныя входъ Тебѣ, отворили же и имъ входъ въ блаженное царство Твое“. Сей есть ключъ рѣшенія.

Но есть и ключъ вязанія, когда отъемлется право къ полученію живота вѣчнаго, и неисправный христіанинъ, яко гнилой членъ, отъ общества христіанскаго отсѣкается. „Елика бо аще свяжете на земли“,— сказалъ Христосъ служителямъ Своимъ,—„будутъ связана на небеси“ (Матѳ., 18, 18). О, страшный ключъ! погрозилъ было Спаситель симъ ключемъ апостолу Петру, не допустившему свои омыть ноги, когда сказалъ: „не имаши части со Мною“, тогда съ великимъ смущеніемъ Петръ возопилъ: „не ноги токмо, Господи“, но и всего меня, „и руки и главу“ (Іоанн., 13, 8). Только же служители Христовы въ дѣлѣ семъ съ великою должны поступать осторожностію: „даде бо Господь власть сію на созданіе, а не на разореніе“ (2 Коринѳ., 10, 8). Сіи духовные ключари должны больше дѣйствовать ключемъ рѣшенія, нежели ключемъ вязанія, и не тотчасъ громомъ анаѳемы ударять, но съ терпѣніемъ ожидать другихъ обращенія, и снисходить къ немощи души кающейся, опасаясь, чтобы не пало на нихъ оное слово: „не вѣста, коего духа еста вы“ (Лук., 9, 55).

Кромѣ сихъ ключей церковныхъ, верховный Владыка твари вручилъ ключи Свои и великимъ государямъ, помазанникамъ Своимъ, ключъ вязанія и ключъ рѣшенія. Ключемъ рѣшенія отверзаютъ они подданнымъ своимъ благополучія храмъ, и правительства своего трудами пріобрѣтаютъ намъ вожделѣнный покой, когда нужды всѣхъ объемлютъ въ единой своей главѣ, и ко всякаго требованіямъ снисходятъ милостиво, а чрезъ то свое государство дѣлаютъ подобнымъ оному, Навуходоносоромъ видѣнному, древу, котораго подъ пріятною тѣнію всѣ покоятся, всѣ радуются, и яко птенцы подъ крылами матерними любезно опочиваютъ. Златый, воистинну, ключъ, котораго дѣйствіемъ толикія обрѣтаемъ мы сокровища! Имѣютъ же они и ключъ вязанія, который ключъ Павелъ называетъ мечемъ: „не бо безъ ума“, говоритъ, „мечъ носятъ“ (Римл., 13, 4). Симъ мечемъ отсѣкаются гни-

лые члены отъ здраваго общества тѣла, и симъ ключемъ связывается своевольство развращенныхъ правовъ. „Хощеши ли не боятися власти?“— вопрошаетъ Апостолъ,—„благое твори, и имѣти будеши похвалу отъ него. Аще ли злое твориши, бойся“ (Римл., 13, 3). Можно сказать, что государямъ Богъ вручилъ не токмо ключи царства земнаго, но и царства небеснаго: ибо государи, какъ о спокойномъ врученныхъ себѣ пребываніи, такъ не меньше и о вѣчномъ ихъ спасеніи попеченіе имѣть должны. Они своимъ высокимъ примѣромъ вдыхаютъ всѣмъ любовь къ благочестію, снабжаютъ церковь достойными пастырями, распоряжаютъ и щедро содержатъ училища къ просвѣщенію всѣхъ познаніемъ спасительныя истины, и тѣмъ отворяютъ намъ дверь къ блаженству вѣчному.

Сіи ключи, премудро всеуправляющая, Божія судьба вручила Благочестивѣйшей Государынѣ нашей, Самодержицѣ Всероссійской, которые принявъ Она въ Свои священныя руки, отверзаетъ намъ сокровища желанныхъ благъ, и, яко вѣрная Божія строительница, вся управляетъ тщательно, мудрость употребляя въ вязаніи, но милосердую охоту въ рѣшеніи, и поя Ему съ Давидомъ „милость и судъ“ (Псал., 100, 1). Сіи златые всея Россіи ключи да благословитъ верховный Царь Правитель, и не престань на насъ изливать древнія милости Твоя, Господи! Да будетъ предъ Тобою отечество наше священный храмъ, который запирается и отпирается Твоими небесными ключами.

Далъ же Господь Богъ и всякому человѣку ключи, ключъ вязать самого себя, и ключъ рѣшить: чрезъ сіе разумѣю я свободность человѣческую. Естество души нашей одарено отъ Создателя безпринужденнымъ произволеніемъ избирать доброе и отвращаться зла. Когда, смущаемые страстями, предпочитаемъ мы худое доброму: тогда сами себя связываемъ; развязываемъ же самихъ себя, когда охотно плѣняемся красотою добродѣтели. Сему не противно то, что Божія благодать управляетъ волю нашу ко всякому добру: ибо самое дѣйствіе благодати требуетъ согласія воли нашей. „Аше хощете и послушасте Мене, благая земли снѣсте: аще же не хощете и не послушаете Мене, мечъ вы поястъ: уста бо Господня глаголаша сія“ (Ис., 1, 20). Почему имѣемъ ли мы нужду въ удаленныя идти страны, или много претерпѣвать трудовъ къ снисканію спасенія, когда ключи въ рукахъ нашихъ находятся? да не ключи токмо, но и „самое царство небесное внутрь насъ есть“, по свидѣтельству вѣчной Истины (Лук., 17, 21).

Разсуждая о разныхъ ключахъ и о тѣхъ, кому они поручены, не слышимъ ли мы, что наипаче Тебѣ, пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ, дражайшій нашъ именинникъ, наипаче Тебѣ Божественный гласъ вопіетъ: **„дамъ тебѣ ключи царства небеснаго“**! О, даръ вожде-

лѣннѣйшій и достойный Твоихъ высокихъ дарованій! дамъ ключи, съ которыми, при руководительствѣ дражайшей Родительницы Твоей, Всеавгустѣйшей Монархини Нашей, взойдешь въ храмъ премудрости, и отверзешь сокровища ученій; дамъ ключи, которыми уготоваешь себѣ невозбранный входъ въ сердца всѣхъ; дамъ ключи, которыми откроешь неиспытанныя таинъ Божіихъ судьбы; дамъ ключи, которыми во свое время отверзешь Россіи врата къ славѣ, чтобы пройти ей во вся концы земли, и будешь виновникъ безчисленныхъ благодѣяній. И сего не ложнаго Божія обѣщанія довольное видимъ на Вашемъ Императорскомъ Высочествѣ исполненіе. Мы веселимся зрѣніемъ высокихъ Вашихъ дарованій, лобызаемъ охоту, съ какою ученія принимать изволите, восхищаемся на благодаренія Богу, видя въ Вашемъ Высочествѣ горячесть къ вѣрѣ, скромность правовъ, свободную учтивость, пристойное молчаніе, и разумомъ украшаемые разговоры. Видимъ мы все сіе съ радостію, но несумнительная надежда намъ большее обѣщаетъ.

Принявъ убо, Благовѣрный Государь, сіи отъ руки Божіей даемые Тебѣ ключи, яко твердый залогъ Его къ Тебѣ милости, восной Господеви благодарственная, и моли благость Его, чтобы Онъ младые персты Твои научилъ къ ношенію ключей сихъ. А мы усердными своими желаніями будемъ поспѣшествовать священному подвигу Твоему, котораго благополучнымъ совершеніемъ да обрадуетъ всеблагій Господь Всепресвѣтлѣйшую Самодержицу нашу и всѣхъ насъ. Аминь.

Слово въ недѣлю девятую по сошествіи Святаго Духа *).

„Дерзайте: Азъ есмь, не бойтеся“.
(Матѳ., гл. 14, ст. 27).

Хотя мы не находимся теперь въ такомъ страхѣ потопленія, въ какомъ,—по повѣствованію нынѣшняго Евангелія,—были Апостолы, однако, подобная, но страшнѣйшая опасность всѣхъ насъ всегда сопровождаетъ. Ибо вѣкъ сей есть нѣкій неизмѣримый океанъ; жизнь наша есть корабль, по безднѣ сей плавающій; волны суть напасти, вѣтры—искушенія, потопленіе—отчаяніе. Плаваніе сіе тѣмъ есть большей важности, что оно, ежели будетъ благополучно, приводитъ насъ къ блаженному вѣчности пристанищу; напротивъ, ежели несчастливо, въ неокончаемую опровергаетъ погибель. Христовы ученики, объяты будучи страхомъ потопленія, къ Тому, Который укрощаетъ море и усмиряетъ вѣтры, возопили: „Господи, спаси ны, погибаемъ“. Мы въ подобномъ бѣдствіи

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1764 года, мѣсяца августа, 1 дня.

къ Его же всемогуществу прибѣгать должны и со слезами молить, дабы Онъ насъ, чрезъ воду напастей и огнь искушеній, благоволилъ ввести въ покой Свой. Но *что именно жизнь нашу смущаетъ, и какую мы имѣемъ противъ того утѣшительную помощь*,—о томъ изслѣдовать польза наша требуетъ. А Ты, препрославленный Боже, устами младенцевъ Твоихъ соверши хвалу Твою.

Не безъ основанія Апостолъ Христовъ Іоаннъ написалъ, что „міръ сей во злѣ лежитъ“ (1 Іоанн., 5, 19). Что бо, по истинѣ, міръ сей есть, когда не груда печалей, которую мы, въ мірѣ живущіе люди, по малу разбираемъ? Молчаніемъ прохожу, откуда жизнь наша столь многими злыми стала быть обременена; довольно для настоящаго времени познать, что смущеніемъ и страхомъ наполняютъ насъ слѣдующія три причины: первое, „бѣды и напасти“; второе, „пороки и страсти“; третіе, „правосудіе Божіе“. Разсмотримъ всякое особь.

Жизнь свою человѣкъ начинаетъ отъ плача, а оканчивается она мучительнымъ разодраніемъ души отъ тѣла. Средина ея полна скукъ, печалей, напастей и всякихъ несчастій многоразличныхъ; и для того всякій день слышимъ мы человѣческими жалобами оглашаемый воздухъ. Одинъ жалуется на нищету, другой на жестокость своихъ непріятелей, третій на невѣрность своихъ пріятелей; иной съ мучительными борется болѣзнями, или отъ печальной разслабѣваетъ старости; другой неутѣшно плачетъ о смерти дѣтей или сродниковъ своихъ; сей скучаетъ, будучи отягощаемъ повседневными трудами, которымъ скораго не предвидитъ конца, тотъ рыдаетъ, что кровавыми трудами снисканное имѣніе похитили воры, или истребилъ огонь, или потопила вода,—или, что и того жалостнѣе, неправедный похитилъ судія, да еще его же и на судѣ обвинилъ. Къ умноженію несчастія часто случается, что мы печалимся и о томъ, о чемъ не надлежитъ, или, по крайней мѣрѣ, сокрушаемся больше, нежели чего то стоитъ. По истинѣ, самыя человѣческія увеселенія съ скукою смѣшаны, самыя радости слезами растворены. Не успѣетъ возсіять благополучія ведро, какъ тотчасъ и помрачается оно страшными облаками несчастія и напастей бурею. Лучше бы кажется желать не родиться, нежели на таковыя родиться бѣдствія, или и родившись скоро смертнымъ мракомъ покрыту быть, нежели столь страдательную влечь жизнь.

Но да умолкнутъ уже человѣческія жалобы. Имѣя премудраго Создателя и благоутробнаго небеснаго Отца, можемъ ли мы подумать, чтобы Онъ въ самое то время, когда держитъ въ рукахъ Своихъ чашу правосудія, не растворялъ оную милосердіемъ? можемъ ли подумать, чтобы Онъ несчастіямъ быть попускалъ къ вѣсконечной нашей погибели, не имѣя притомъ благаго о пользѣ нашей намѣренія? Я не испы-

тываю, да и испытать не могу всѣхъ тѣхъ причинъ, для которыхъ премудрость Божія попускаетъ намъ въ нѣкоторыя впадать злоключенія; но совсѣмъ тѣмъ не сомнителенъ, „яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое“ (Римл., 8, 28). Премудрый Божій промыслъ бѣдствіями часто насъ руководствуетъ къ добродѣтели; насылаемыми несчастіями Господь понижаетъ нашу гордость, уменьшаетъ самолюбіе, пресѣкаетъ прихоти, не допускаетъ до душевнаго разслабленія; а притомъ, что наипаче, убѣдительно увѣряетъ насъ, чтобы мы не на земли, но на небеси искали истиннаго своего блаженства.

Почему хотя мы сами себя въ бѣды ввергать не должны, однако, оныя, отъ руки Божіей насылаемыя, должны терпѣть съ великодушіемъ. Нельзя, чтобы въ напастяхъ ни мало не скорбѣть: ибо—человѣки мы, но надобно же, чтобы и самая печаль растворена была чувствованіемъ благія надежды, ибо не безъ Бога—мы. „Вечеръ водворится плачъ, и заутра радость“. „Сѣющіи слезами, радостію пожнутъ“ (Псал., 29, 6; Псал., 1 25, 5).

Не слышимъ ли мы, что постоянно хранящій насъ Господь къ ободренію нашему говоритъ: „Дерзайте, не бойтеся“!? Волненіе да не устрашаетъ: ибо Я Самъ—вашего корабля правитель, почему хотя волны напастей къ нему приразиться могутъ, но опровергнуть не могутъ; могутъ приразиться, чтобы вѣра ваша была откровеннѣе и извѣстнѣе терпѣніе,—но не могутъ опровергнуть: „сія бо есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша“ (1 Іоанн., 5, 4). Такъ сколько же тѣ бѣдны, которые самопроизвольно себя ослѣпляя, неувѣренными пребываютъ, что Вышній о всемъ промышляетъ и всѣ приключенія къ надлежащимъ управляетъ концамъ! Они остаются безъ утѣшенія, они впадаютъ въ отчаяніе; почему удивительно ли, что такой людей родъ въ счастіи неумѣрены, а въ несчастіи малодушны? ропщутъ, унываютъ, а иногда сами на себя налагаютъ убійственныя руки, и тѣмъ бѣдный свой животъ оканчиваютъ. Но разсмотримъ еще другую причину смущенія нашего.

Смущаютъ еще духъ нашъ и утомляютъ страсти и пороки. Я говорю о той внутренной войнѣ, которую мы сами въ себѣ чувствуемъ. Гдѣ „духъ возстаетъ на плоть, и плоть на духъ“ (Римл., 8, 5—8), то есть, склонности плотскія востаютъ на разумъ и противъ его совѣта устремляются. Духъ возводитъ къ горнему; но плоть низвлекаетъ къ землѣ, тотъ уловляетъ красотою духовныхъ незыблемыхъ вещей; сія прельщаетъ наружными пріятностями тлѣнныхъ красоть, тотъ отворяетъ дорогу къ добродѣтели, но постилаетъ ее терніями; сія пространный къ порокамъ отворяетъ путь, но цвѣтами оной устилаетъ. Ахъ! въ какой я тѣснотѣ нахожусь. Себя самого на двѣ части раздираемаго чувствую. Понимаю я самъ въ себѣ, что безопаснѣе послѣдовать руко-

водству разума и, какъ возможно выше, вещества возноситься; но опять самъ въ себѣ нахожу нѣчто такое, которое добрыя расположенія мыслей моихъ разрушаетъ. „Соуслаждаюся закону Божію“, да съ Павломъ скажу, „по внутреннему человѣку: вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противувоюющъ закону ума моего“ (Римл., 7, 22, 23). Духомъ моимъ непорочное житіе любызаю; но нѣчто тиранническое въ себѣ нахожу, что доброе мое желаніе въ теченіи своемъ остановляетъ. „Еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю“,— Апостолъ говоритъ, и для того онъ же сей жалобный испускаетъ гласъ: „окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея“, то есть, отъ тѣла смертнаго сего? Такое состояніе не есть ли подобно нынѣшнимъ Евангеліемъ описанному волненію, въ которомъ былъ корабль Апостольскій, опровергаемый и сокрушаемый бурею?

Но какое же было бы противъ сей лютой заразы врачевство? Или мы Божіими судьбами оставлены такъ всегда мучиться, безъ всякой надежды Его помощи? Справедливо понимающему пространство Божіей премудрости и величество Его благости—такая мысль невмѣстительна. Въ самомъ семъ подвигѣ мы чувствительно осязаемъ крѣпкую Господню, подкрѣпляющую насъ, руку. Подкрѣпляетъ Онъ, когда показываетъ красоту добродѣтели и любезность, а отводитъ отъ порока, открывая вредъ его и гнусность,—представляетъ примѣры тѣхъ, которые, разуму послѣдуя, спокойствомъ совѣсти наслаждаются; и тѣхъ, которые, поработивъ себя страстямъ, безполезнымъ мучатся раскаяніемъ,—увѣряетъ словомъ Своимъ, что добродѣтельные люди чрезъ всю вѣчность въ блаженномъ съ Богомъ будутъ соединеніи, а пороками плѣненные нескончаемымъ несчастіемъ накажутся. Но кромѣ сего,—о, сколь сильное благодати Божіей есть дѣйствіе внутрь сердца нашего производимое! она оглашаетъ его своимъ неизглаголаннымъ воплемъ, вливаетъ въ него благочестивыя склонности и къ будущей жизни желанія свои устремлятъ его управляетъ. Божіей благодати есть оный вожделѣнный гласъ: „отъиму отъ васъ сердце каменное, и дамъ вамъ сердце плотяное: дамъ законы Моя въ мысли ваши, и на сердцахъ вашихъ напишу ихъ“ (Евр., 8, 10). Надобно быть каменной душѣ, которая бы симъ дѣйствіемъ не подвижена была, и при такой Божественной помощи не усмиряла бы своихъ противныхъ склонностей. Не усмиряла бы, говорю, ибо совершенное пороковъ и страстей истребленіе будущей жизни предоставлено, когда Церковь Христова предстанетъ своему Жениху во всей славѣ своей, „не имущи скверны, или порока, или нѣчто отъ таковыхъ“ (Ефес., 5, 27). Но напослѣдокъ примемъ въ разсужденіе и третью причину боязни нашей.

Когда воображаемъ правосудіе Божіе и предъ нимъ поставляемъ

самихъ себя, нельзя, чтобы отъ страха не вострепеталъ духъ нашъ. Мы находимъ самихъ себя повсечасными преступниками вѣчнаго закона Его; а на преступниковъ гремитъ законъ проклятіемъ: „проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ писанныхъ въ книгѣ закона“ (Галат., 3, 10). „Правда Твоя, Господи, правда во вѣкъ, и слово Твое истина“ (Псал., 118, 142). Прежде, нежели судъ Божій осуждаетъ меня, осуждаюсь я отъ совѣсти своей. Ослѣпленъ есть, кто сей своей не усматриваетъ бѣдности; и ожесточенъ, кто не исповѣдуетъ, что „Богъ отмщеній Господь, Богъ отмщеній есть безъ лицепріятія всякаго“ (Псал., 93, 1).

Но Богъ, де, есть милосердъ и бездна благости неисчерпаемая. Нѣтъ несомнительнѣе, какъ то, что Богъ есть самое милосердіе. Но милосердіе Его всегда управляемо есть премудростію, а съ премудростію Божіею безконечною можетъ ли быть вмѣстимо—праведника и нечестиваго почитать за одно,—такъ любить беззаконника, какъ и добродѣтельнаго,—равно того и другаго блаженства Своего дѣлать участникомъ? Подлинно, Богъ милосердъ есть: „никто не можетъ доказать милосердія Его, не доказавъ напередъ правосудія Его“. Ибо ежели кто покажетъ, что человѣкъ самопроизвольный есть закона Божія преступникъ, и праведно Божіимъ судомъ наказанъ быть долженъ; и, однако, со всѣмъ тѣмъ, увѣритъ, что Богъ всѣ его прикрылъ беззаконія, вину оставилъ, наказаніе отпустилъ, и отеческою объялъ его любовью: то чрезъ сіе-то ясно откроется бездна благости и непостижимое величество милосердія Бога нашего.

Страшитъ насъ правосудіе Божіе. Но подъ какимъ щитомъ отъ ярости его скроемся? — подлинно, слабая мысль наша способа къ тому не изобрѣтаетъ. Но премудрость Божія не оскудѣваетъ: множество грѣховъ нашихъ противъ насъ вопіетъ, но „нѣсть грѣхъ побѣждающъ благоутробіе Божіе“. Выводитъ насъ Евангеліе изъ сего затрудненія: оно представляетъ дражайшія заслуги единороднаго Сына Божія, Спасителя нашего, которыми удовлетворилъ Онъ правдѣ Божіей за наши грѣхи; оно проповѣдуетъ проліянную на крестѣ Искупителеву кровь, которою погашенъ гнѣвъ нелицепріятнаго Судіи. Ищетъ правосудіе Божіе въ насъ нашихъ грѣховъ, но оныя пренесены на Ходатая нашего; ищетъ оно ихъ въ Ходатаѣ, но перенесены они на крестъ, и пригвождены къ нему. „О, глубина богатства и премудрости и разума Божія“ (Римл., 11, 33)! Познаю я себя быть плѣненна грѣхомъ, но вижу и способъ избавленія; устрашаетъ меня законъ казнями за преступленія мои, но Евангеліе успокоиваетъ и не заслужившаго ничего, но истинно вѣрующаго, благими наполняетъ надеждами. Мы слышимъ, какимъ Божественный Ходатай нашъ ободряетъ насъ утѣшеніемъ,—

слышимъ, какимъ радостнымъ призываетъ насъ къ Себѣ гласомъ. Онъ въ нынѣшнемъ Евангеліи говоритъ: „дерзайте, не бойтеся, Азъ есмь“. Я есмь Тотъ, Которой съ небесъ сошелъ и обнищалъ, чтобы вы обогатились Моимъ Божествомъ; Я есмь Тотъ, Который на крестѣ Свои простеръ руки, чтобы васъ, разсѣянныхъ, собрать воедино; Я есмь Тотъ, Котораго въ прободенномъ копіемъ ребрѣ отъ гнѣва Божія безопасное вамъ есть убѣжище. „Азъ есмь: дерзате, не бойтеся“.

Сіе разсужденіе показываетъ, сколь высока и любезна есть Евангельская вѣра. Чтобы отвесть отъ душевнаго разслабленія, она учитъ, что мы сами чрезъ себя достойны гнѣва Божія; а чтобы не ввергнуть въ отчаяніе, проповѣдуетъ миръ съ Богомъ, чрезъ Христа исходатайствованный. Другихъ законовъ послѣдователи лишены утѣшенія сего: не имѣютъ они, чѣмъ успокоить свою совѣсть, страхомъ гнѣва Божія трепещущую,—почему остаются отчуждены надежды житія Пзраилева.

И такъ видѣли мы, благословенные христіане причины смущенія нашего, но видѣли и ободрительное утѣшеніе; страшили насъ бѣды и напасти, но сей страхъ Божій разогналъ промыслъ. Смущали страсти и пороки, но ободрило насъ противъ того дѣйствіе благодати Господни. Ужасало насъ Божіе правосудіе, но успокоили безцѣнныя Христовы заслуги. Дерзайте убо, не бойтеся. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества, Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго князя Павла Петровича *).

„Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша“. (Лук., гл. 21, ст. 19).

Хотя бы мы и не слышали ученія Евангельскаго, которымъ столь много похваляется терпѣніе, довольно отъ самыхъ дѣлъ тому научиться могли бы: ибо не успѣемъ произойти на свѣтъ сей, какъ и встрѣчаютъ насъ многоразличные труды, сопровождаемые добродѣтелію терпѣнія. Человѣкъ, впрочемъ, превосходнѣйшая тварь, созданная для вѣчнаго покоя, начало жизни своей имѣетъ началомъ скучной борьбы, которая чрезъ всю жизнь должна продолжаться. Много жалости нынѣшнему дню не приличной, рѣчь наша умножила бы, ежели говорить о терпѣніи, которое бываетъ правды ради, или по общему человѣческому предѣлу. Почему, оставивъ сіе, довольно принять въ разсу-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1764 года, сентября 20 дня.

жденіе одни труды, которые такъ привязаны къ жизни сей, что безъ помощи ихъ ничего мы получить не можемъ. Знаетъ всякъ, что для пріобрѣтенія добродѣтели и познанія, также для довольства жизни, надобно много нести труда, много терпѣть нуждъ, потомъ обливать свое лицо, отрясти отъ очесъ пріятный сонъ и нѣжныя увеселенія перемѣнить на честныя упражненія.

И хотя сіе чувственнымъ нашимъ склонностямъ можетъ быть скучно, но увеселяетъ духъ нашъ. Сіи труды снискиваютъ покой, симъ потомъ наноявается благорастущая добродѣтели вѣтвь, съ надеждою собранія изобильныхъ плодовъ. Того ради, *дабы мы въ трудахъ не ослабѣвали, но съ прилежаніемъ всякимъ упражнялись бы въ дѣлахъ своей должности,*— о томъ настоящую бесѣду имѣть почитаю за полезное. А Ты, терпѣнія нашего надежда, Боже, недостаточному слову подаждь силу Твою, и тѣмъ покажи, яко у Тебе „и нищіи благовѣствуютъ“ (Матѳ., 11, 5).

Всякъ бы, думаю, сказалъ, что мы жить начинаемъ тогда, когда раждаемся. Но справедливое разсужденіе, не отвергая сей, всѣмъ животнымъ общей, жизни, учитъ, что мы истинную жизнь начинаемъ тогда, когда самую душу оживляемъ добродѣтелію и внутреннюю ея силу не угашаемъ, возжигая всегдашнимъ честныхъ упражненій движеніемъ.

Когда раждаемся, тогда подлинно получаемъ жизнь, но какую?— жизнь слабую, члены немощные, защитить себя немогущіе, силы тѣлесныя и душевныя недѣйствительныя, жизнь истиннаго вещей различія не имѣющую. И се ли—человѣка, разумной твари, жизнь? не обща ли она и животнымъ всѣмъ, или еще въ нѣкоторыхъ и совершеннѣе?

Но когда возрастаемъ въ упражненіи добродѣтели и начинаемъ чрезъ труды снискивать свѣтъ познанія, тогда не токмо полученную жизнь сохраняемъ, но и приводимъ ее въ состояніе совершенства, пристойное человѣчеству. Тѣло безъ движенія, честными трудами возбуждаемаго, приходитъ въ разслабленіе и бываетъ подвержено мучительству болѣзней, ибо не текущая вода загниваетъ; а душа нѣкоторымъ образомъ лишается жизни своей, не имѣя пристойнаго питанія. Ибо не понимаемъ душу иначе, развѣ какъ существо непрестанно на добро движущееся, безъ чего она находится въ нѣкоторомъ состояніи смерти. И потому въ Евангеліи чадолюбивый отецъ, увидѣвъ сына, который въ безпутной праздности препровождалъ жизнь свою, сказалъ: „сей сынъ мой мертвъ бѣ, и оживе“ (Лук., 15, 24); и священный Павелъ о вдовицѣ, въ роскоши живущей, говоритъ, что она „жива умерла“ (1 Тим., 5, 6). Сходно съ симъ сдѣлалъ и оный старикъ, который, живъ седмьдесятъ лѣтъ во всякомъ своевольномъ невоздержаніи, семь токмо послѣднихъ лѣтъ препроводилъ въ исправленіи прежней жизни своей

почему, умирая, приказалъ надъ гробомъ своимъ положить слѣдующую надпись: „здѣсь лежитъ седмидесятилѣтній старикъ, который жилъ токмо седмь лѣтъ“. Вотъ, видимъ, что онъ дни, въ праздности изнуренные, не полагаетъ въ число жизни своей. Не въ томъ ли разумѣ, и ты, блаженный Давидъ, уподобляешь жизнь нашу суетѣ и сѣни? Ибо мы, впрочемъ, знаемъ, что добродѣтельнаго человѣка жизнь такими подобіями описать не можно; напротивъ, приличествуетъ ему оная похвала: „Скончався вмалѣ, исполни лѣта долга“ (Премудр. Сол., 4, 13). Но поступимъ далѣе.

Когда раждаемся, сіе есть благодѣяніе единаго Бога: ибо мы прежде бытія своего ничего у Бога заслужить не могли. „Кто бо прежде даде Ему, и воздастся Ему“?—вопіетъ Апостолъ (Римл., 11, 35). И для того сей же учитель разсуждаетъ, что ни единая тварь не можетъ сказать своему Творцу: „почто мя сотворилъ еси тако“ (Римл., 9, 20)?

Но чрезъ честныя упражненія и труды мы благодѣтельствующему Богу содѣйствуемъ. Ибо хотя то—самая правда, что Божій промыслъ во всѣ всѣхъ вещей дѣла входитъ, однако совсѣмъ тѣмъ не сомнительно, что какъ человѣкъ есть свободенъ, то самопроизвольно избираетъ дѣйствіе и безпринужденно стремится къ добродѣтели. А въ семъ не усматриваемъ ли мы благость и премудрость Божію, что Онъ въ самыхъ Своихъ дарованіяхъ даетъ намъ мѣсто къ заслугѣ? Ибо что есть украшающая насъ свободность, что искра разума, когда не благодѣяніе милосердаго Бога? Да опять можемъ ли мы что нибудь и малѣйшее сдѣлать безъ вспомоществованія Его? Однако, совсѣмъ тѣмъ, наши дѣла почитаетъ Онъ такъ, какъ бы они единственно отъ насъ происходили, и какъ бы они же къ достойному награжденію Его обязывали. И по сей же причинѣ требуетъ Онъ, чтобы мы свои желанія и нужды Ему въ молитвахъ предлагали,—не для того, акибы не зналъ Богъ и прежде прошенія нуждъ нашихъ, но дабы мы оказали Ему свое усердіе, безпринужденный произволенія нашего плодъ, и тѣмъ желанія свои какъ бы за нѣкоторыя заслуги получили. О, благость премудраго Бога! самое Свое милосердіе почитаетъ справедливымъ награжденіемъ ко утѣшенію и ободренію нашему, дабы мы Его дарованія употребляли въ свою пользу. Какія же дарованія?

Когда раждаемся, тогда получаемъ отъ Бога сѣмена добродѣтели и пристойныя способности, которыми Богъ какъ бы напутствуетъ насъ, входящихъ въ міръ сей. Ибо по естеству своему несемся мы желаніемъ къ добру, и чувствуемъ въ себѣ нѣкую искру, требующую, чтобы она возжена была большимъ познанія пламенемъ. Мы не спокойны, пока сія естественная склонность не будетъ удовольствована. И потому человѣкъ, работающій порокамъ, или не имѣющій просвѣщенія, какъ бы

сквозь нѣкоторое густое облако усматривая лучъ истины, смущается, и другимъ, сихъ недостатковъ не имѣющимъ, завидуетъ. А сіе показываетъ, что мы естественно ко всякому расположены добру.

Но что же требуется, чтобы сіи спасительныя сѣмена въ насъ произрасли и благословенный принесли плодъ?—требуется трудъ и прилежаніе. Симъ средствомъ мы способность понятія обогащаемъ познаніемъ вещей, волю пріобучаемъ къ дѣйствительному послѣдованію добра, память изощряемъ, уясняемъ языкъ и спискиваемъ какъ бы нѣкоторую привычку къ честности. Почему, кажется мнѣ, не всегда справедливы жалобы тѣхъ, которые не находятъ въ себѣ къ нѣкоторымъ дѣламъ способности. Правда, не всѣ способны ко всему, но не потому, аки бы они того отъ благаго Создателя не получили; но получивъ, или пристойнымъ воспитаніемъ не возрастили, или нерадѣніемъ и лѣностію совсѣмъ сію Божественную погасили силу. А хотя бы и подлинно были въ комъ естественныя препятствія; но и тѣ самыя нерѣдко трудомъ побѣждаются. Когда пронеслась въ язычествѣ о добродѣтели Сократовой слава, нѣкоторый физіогномъ подвиженъ былъ тѣмъ, чтобы повидѣть Сократа; и какъ черты лица Сократова усмотрѣлъ, нимало не сходными съ разсѣянною славою, тогда, увѣдавъ про то, Сократъ сказалъ: „Подлинно, по натурѣ чувствую я себя быть склонна къ порокамъ, но трудомъ и ученіемъ то побѣдилъ“. Да что много? мы трудомъ неукротимыхъ укрощаемъ звѣрей и птицъ человѣческимъ научаемъ словамъ: то кольми паче можемъ мы взойти на то, къ чему хотя трудная, но естественная лежитъ намъ дорога. Почему жалующіеся на свои неспособности и тѣмъ нѣкако ропщущіе на Бога, ежели не всѣ, по истинѣ многіе суть не извинительны, яко Божій талантъ скрывающіе въ землѣ нерадѣнія. Но, вотъ, приходитъ намъ и другое разсужденіе!

Рожденіемъ получаемая жизнь есть обща всѣмъ. Подлый и благородный, богатый и убогій, ученый и невѣжа, мужественный и боязливый, всѣ единымъ образомъ раждаются, и никакого тогда единъ отъ другаго не имѣетъ различія. „И азъ,—говоритъ царствующій Соломонъ,—рожденъ воспріяхъ общаго аера, и на подобострастную землю спадохъ, первый гласъ подобный всѣмъ испустихъ плача: въ пеленахъ воскормленъ есмь и съ великимъ прилѣжаніемъ: ни единъ бо царь иное имѣ рожденія начало“ (Премудр. Солом., 7, 3—5). Такъ что же насъ различаетъ?—правда, добродѣтель; но она безъ труда не получается. И для того трудолюбивый изобилуетъ богатствомъ, а праздный истаеваетъ скудостію; рачительный мужъ спискиваетъ себѣ духъ благородный, а нерадивый потемняетъ сіяніе благородства своего; прилежный обогащаетъ ученіемъ свой разумъ, а лѣнивый возрастаетъ въ невѣжествѣ.

Почему, хотя бы и подлинно въ рожденіи нѣкоторое предъ другими получали мы преимущество, чрезъ нерадѣніе оное теряется: такъ какъ, напротивъ, низкость породы прославляется трудомъ. Ибо бодрый и лѣностію неслабѣющій духъ есть плодъ высокой философіи и истинный достоинства человѣческаго характеръ. А какъ сносить труды, надобно имѣть терпѣніе: такъ вотъ и видимъ, для чего Евангеліе совѣтуетъ намъ въ терпѣніи стяжать свою душу, то есть, украшать оную добродѣтелями; а чрезъ то сыскать себѣ и здѣсь благополучную жизнь, и къ будущей безсмертной твердое положить основаніе.

И хотя подлинно горестны труды, но плоды ихъ сладки; скучно терпѣніе, но пріятно воздаяніе: „сѣющіи слезами радостію пожинаютъ“ (Псал., 125, 5). О, вы нѣжные и малодушные, которые по постланной цвѣтами дорогѣ всегда ходить хочете! Добродѣтель на мягкой постелѣ не опочиваетъ; и сія роза терніями есть ограждена. Посмотрите на тѣхъ, которые, отдавшись порокамъ, безчестныя свои стараются удовольствовать склонности: о, сколь много суетятся, и сколь многія сносятъ трудности! По истинѣ, для пріобрѣтенія добродѣтели и половины ихъ трудовъ было бы довольно.

Все сіе разсужденіе касается наипаче младаго юношескаго возраста. Ихъ душа, яко мягкій воскъ, всякую вещь легко въ себѣ изображаетъ; ихъ, ничѣмъ не занятыя, мысли весьма способны къ принятію истины; ихъ златая весна—посѣянное сѣмя удобно возращаетъ; ихъ лѣта не свирѣпствуютъ бурею страстей, чтобы въ сіе спокойное время научались побѣждать оныя. Истинная родительская любовь увѣщаніе сіе да употребитъ въ свою пользу.

А недостатокъ моего слова силенъ дополнить дѣйствительнѣйшій Вашего Императорскаго Величества примѣръ. Ибо нынѣшнимъ поученіемъ проповѣданныя истины въ священной Вашей особѣ совершенное находимъ исполненіе. Ваша корона отягощена многими попеченіями, Ваша порфира всегда омочена потомъ неусыпнаго о всѣхъ насъ промысла; чѣмъ, Ваше Величество, яко священный нашъ атласъ, поддерживаете россійское небо. Нашъ покой есть плодъ трудовъ Вашихъ, наша безопасность есть произращеніе трудолюбиваго и мудраго Вашего царствованія. Кто убо не исповѣсть, съ коликимъ терпѣніемъ все сіе сноситъ мужественная Ваша душа, единою на Бога укрѣпляя себя надеждою, и поя Ему съ Давидомъ: „Богъ препоясуяй мя силою, и положи непороченъ путь мой“ (Псал., 17, 33)?! И сія непостыдная надежда да сопровождаетъ всегда скипетръ Вашъ. Ибо верховный твари Правитель, великимъ государямъ поручивъ на землѣ награждать другихъ, награжденіе ихъ предоставилъ для Себя Самого.

А Вы, младый герой, дражайшій Всероссійскій наслѣдникъ, виновъ-

никъ нынѣшняго нашего торжества! не видите ли отворяемое вамъ пространное къ преславнымъ подвигамъ поле? Ибо съ умноженіемъ теченія Вашихъ лѣтъ, больше и больше открываются высокія Ваши дарованія, съ тѣмъ, чтобы сіи спасительныя сѣмена, рукою Божіею посѣянныя, Ваше Императорское Высочество пристойнымъ трудомъ возрастили; а, возрастивши, во свое время обогатили бы Россію сею благословенною жатвою. И симъ да не устрашается Ваше непорочное сердце. Ибо хотя предлежитъ Вамъ подвигъ, но предлежитъ и награжденіе, подвигъ превосходящее; предлежитъ теченіе, но предлежатъ и вѣнцы; предстоитъ же всегда готовая и Вышняго помощь. Да Вы уже и, дѣйствительно, проходите подвигъ сей: Ваше Высочество съ особенною охотою предписываемыя науки принимаете, и съ довольнѣйшимъ успѣхомъ продолжаете оныя, на которые зрѣлые Вашего Высочества плоды, хотя еще не въ зрѣлыхъ лѣтахъ, взирая радуемся, и напередъ лобызаемъ будущее наше благополучіе.

Всемогущій Боже! Сохраняй всегда подъ крилами святаго промысла Твоего Благочестивѣйшую Самодержицу нашу съ СыномъЕя, и сотвори, чтобы, сколько высочайшая Матерь сія радовалась о чадѣ Своемъ, столько бы мы радовались объ обоихъ. Аминь.

Слово въ недѣлю 19-ю по сошествіи Св. Духа *).

(О МИЛОСЕРДІИ).

„Будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть“.

(Лук., гл. 6, ст. 36).

Хотя бы намъ святое Евангеліе и не напоминало о милосердіи, довольно возбудили бы насъ о добродѣтели сей говорить нищіе своими воплями, увѣчные воздыханіями, больные стенаніемъ, вдовицы слезами, обиженные своими жалобами. Ибо не знаю, по какимъ невѣдомымъ Божіимъ судьбамъ происходитъ, что человѣки, будучи всѣ равно отъ Бога созданы, равно почтены человѣчества правомъ, общій имѣя предуставленный себѣ блаженства конецъ, неравный получили въ сей жизни жребій,—да когда бы неравный токмо, а, впрочемъ, свободный и довольный; но, напротивъ, бѣдный и несчастливый. Одинъ алчетъ, другой пресыщается; тотъ въ пространнѣйшихъ опочиваетъ палатахъ, сей не имѣетъ, гдѣ главы преклонить; одинъ величается благородства

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1764 года, октября, 10 дня.

титлами, другой стонетъ подъ тяжкимъ рабства игомъ; у сихъ, по словамъ Давидовымъ, „житницы исполнены, овцы многоплодны: волове ихъ толсти, нѣтъ паденія оплоту ихъ, нѣть вопля въ стогнахъ ихъ“ (Псал, 143, 13, 14), а тѣ ждутъ со скорбящихъ, да нѣтъ; ищутъ утѣшающихъ, но не обрѣтаютъ. Однако, какая бы ни была причина сего скучнаго состоянія неравенства, *мы сильніи должны немощи немощныхъ носити* (Римл., 15, 1), что хочу показать въ слѣдующемъ словѣ. Ты же, Отче небесный! сотвори, да слово наше будетъ подобно оному дождю, который Ты изливаешь на злыя и благія.

Милосердія дѣло есть въ недостаткахъ вспомоществовать другимъ. Алчный требуетъ пищи, нагій—одѣянія, больный—утѣшенія, обиженный—защищенія, заступленія—безпомощный, наставленія—неразумный. Такъ вотъ вамъ, богатые и сильные міра сего, изобильная предлежитъ жатва; такъ напрасно жалуешься и ты, который говоришь: „не имамъ, гдѣ собрати плодовъ моихъ“ (Лук,. 12, 17). Праздныя утробы бѣдныхъ суть безопасныя богатыхъ жигницы, нужды требующихъ есть самая лучшая сильныхъ ловитва. Не то заслуживаетъ похвалу, чтобы богатство собрать, но чтобы знать, какъ его употребить. Нѣкоторый языческій философъ, бросая въ море деньги, сказалъ: „чтобы не погубили вы меня, погублю я васъ“. Погубило ли бы сего неразсуднаго мудреца богатство его, ежели бы оно на честныя употребленія расточено было? Но въ семъ состояла языческая добродѣтель, а мы, Евангельскою высокою просвѣщенные истиною, можемъ ли еще требовать въ томъ наставленія, а наипаче, когда знаемъ, что, во-первыхъ, самая естественная насъ къ милосердію склоняетъ жалость? Не можемъ мы безъ внутренняго утробы нашей терзанія слышать бѣдныхъ крики, умиленными растворенные слезами. Не можемъ безъ слезъ смотрѣть на оную плачевную трагедію, въ которой представляются сродные намъ члены недугомъ разслабленія связанные, всего дѣйствія лишенные, единъ токмо имѣющіе оставленный гласъ, чтобы тѣмъ насъ къ жалости склонить,—гдѣ усматриваемъ единаго естества съ нами людей отъ стужи измерзающихъ, отъ глада истаявающихъ, и дряхлую старость нижѐ о жезлѣ стоять могущую,—гдѣ открывается намъ многое множество слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, которыхъ бѣдный бѣдной жизни остатокъ состоитъ токмо въ единой на насъ надеждѣ. Должно ли еще прибавить, что сіи, несчастіемъ пораженные, люди, впрочемъ, суть братія наша, яко единаго небеснаго Отца дѣти, въ единой крещенія купели рожденные, изъ единой таинственной чаши причащающіеся, единое съ нами имѣющіе блаженное упованіе?! Ахъ, вы несчастливцы, скройте отъ очесъ нашихъ нашихъ умиленный позоръ сей. Мы знаемъ, что нѣкоторый, въ Евангеліи упоминаемый, Судія неправедный, однихъ только бѣдныя вдовицы

частыхъ докукъ не могъ стерпѣть, чтобы неудовольствовать прошенія ея, то какъ возможно, чтобы всѣмъ тѣмъ не подвиглось къ милосердію жестокое наше сердце?

Но пускай бы, при всемъ томъ, остались мы окамененны: такъ не должно ли принять намъ въ разсужденіе—колесо міра сего, которое сто разъ жребій жизни нашей пріобращаетъ, снизу вознося на высоту, а высокихъ опровергая на землю? Пока благополучно плывемъ, надобно памятовать непогоду, чтобы могущее случиться несчастіе великодушнѣе снести, надобно заблаговременно съ страждующими, милосердствуя о нихъ, страдать.

Да ты, высокоумствуя о себѣ, говоришь: „азъ рѣхъ во обиліи моемъ: не подвижуся во вѣкъ“ (Псал., 29, 7). Но постой! ты еще изъ числа смертныхъ не выключенъ, твердѣйшіе дубы жестокій вихрь изъ корня исторгаетъ; и сіе пораженіе бываетъ тѣмъ большее, чѣмъ нечаяннѣе. Почему же еще бо́льшее?— потому, что о такихъ немилосердыхъ, въ несчастіе впадшихъ, мало кто и сожалѣетъ, тогда какъ, напротивъ, ежели бы случилось благодѣтельному человѣку по общей судьбѣ впасть въ неблагополучіе, тотчасъ всѣ мы произносимъ сожалѣтельныя о немъ слова и утѣшеніями своими оживляемъ скорбящую его душу.

Но положимъ, что мы въ своемъ изобиліи будемъ вовѣкъ неподвижимы; однако, со всѣмъ тѣмъ богатства своего единымъ себѣ присвоять не можемъ. Мы не полновластные имѣній владѣтели, но токмо строители и экономы: единъ Богъ есть полный господинъ всѣхъ вещей, слѣдовательно, не можемъ ихъ употребить, развѣ по волѣ Господина ихъ. Иначе будемъ хищники, яко чужое себѣ присвояющіе. И потому бѣдные имѣютъ право противъ немилосердыхъ вопить: „дайте наше намъ, дайте намъ часть, которую милосердый Создатель нашъ для насъ опредѣлилъ, а вамъ вручилъ, дабы оную сохранили для насъ; почто наше присвояете себѣ? почто въ нашемъ несчастіи веселитеся? „Тебѣ оставленъ есть нищій, сиру ты буди помощникъ“ (Псал., 9, 35).

Правда, не очень бы охотно было сундуки починать и жадныя руки нищихъ наполнять, ежели бы расточаемое нами богатство совсѣмъ пропадало, ежели бы изъ того никакого мы себѣ не ожидали прибытка. Но не слышимъ ли, что Духъ Святый о благодѣтельномъ мужѣ вопіетъ: „расточи, даде убогимъ: правда его пребываетъ во вѣки“ (Псал., 111, 9). Расточаетъ тлѣнное, а воспріемлетъ нетлѣнное; расточаетъ земное, а воспріемлетъ небесное; расточаетъ малое, а воспріемлетъ неисчетное; даетъ нищему, а воспріемлетъ Христосъ. О, чудное милостыни дѣйствіе! Христа подъ рубищами крыемаго находитъ, и тварь всю содержащаго благодѣтельствуетъ. Ибо Искупитель нашъ, испивъ иногда горчайшую страданій чашу, доселѣ еще въ членахъ Своихъ

страждешь. Онъ когда пріидетъ правосудія Его день, милосердымъ скажетъ: „взалкахся, и дасте Ми ясти: возждахся и напоисте Мя: страненъ бѣхъ, и внедосте Мене: нагъ, и одѣясте Мене: боленъ, и посѣтисте Мене: въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко Мнѣ (Матѳ., 25, 35, 36). И хотя они предъ цѣлымъ свѣтомъ будутъ признаваться, что въ такомъ бѣдномъ состояніи никогда не видѣли Его; однако, милосердый Спаситель объявитъ имъ что сдѣланное бѣднымъ благодѣяніе Онъ присвояетъ Самому Себѣ. „Понеже сотвористе единому изъ сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе“ „Подумай, говоритъ святый Златоустъ, куда сошелъ Господь твой, чтобы тебя склонить, дабы ты не былъ жестокъ и безчеловѣченъ“. И потому надобно вѣрить тѣмъ церковнымъ исторіямъ, которыя повѣствуютъ, что одинъ, увидѣвъ изнемогающаго, на землѣ лежащаго, человѣка, взялъ его на свои плеча; но въ ношеніи никакой не чувствовалъ тягости, а послѣ скоро сіе драгоцѣнное бремя стало быть не видимо. Другой, идучи въ церковь на служеніе и увидѣвъ отъ наготы трясущагося нищаго, снялъ съ себя послѣднюю ризу и прикрылъ наготу его; а самъ остался токмо въ свиткѣ одной, почему, когда священнодѣйствовалъ онъ, примѣтилъ на немъ предстоящій народъ, подъ церковными ризами, блистающую царскую порфиру. Итакъ, видимъ, что, отъ имѣнія своего убогихъ снабжая, оное не теряемъ мы, но ввѣряемъ Тому, Который и за чашу студеной воды наградить обѣщался.

Да куда же намъ дѣть и бѣдныхъ? Или уже имъ все съ нами сообщеніе пресѣчь? Да и подлинно мы ихъ нѣкоторымъ образомъ изъ свѣта сего выгоняемъ, когда имъ, просящимъ отъ насъ милостыни, обыкновенно говоримъ: „Богъ дастъ“. Отче небесный! „вся къ Тебѣ чаютъ“ (Псал., 103, 27): отверзи щедрую руки Твою и сихъ отверженныхъ отъ насъ пріими обычнымъ Твоимъ благоутробіемъ. Подлинно, Богъ дастъ, „Который даетъ скотомъ пищу ихъ, и птенцемъ врановымъ призывающимъ Его (Псал., 146, 9); подлинно Богъ дастъ, „Который отверзаетъ щедрую руку Свою, и исполняетъ всяко животно благоволенія“ (Псал. 144, 16); подлинно Богъ дастъ, „Который даетъ пищу алчущимъ, умудряетъ слѣпцы, возводитъ низверженныя, хранитъ пришельцы, сира и вдову пріемлетъ“ (Псал., 145, 7, 8, 9). И потому, сколько бы ни презирали мы убогихъ, однако, совсѣмъ тѣмъ они свою еще бѣдную влекутъ жизнь; Богъ ихъ согрѣваетъ и изъ небесной житницы Своей посылаетъ имъ хлѣбъ насущный. Итакъ, Богъ даетъ; а ты, несчастливый, лишился дорогой ловитвы. „Зачѣмъ нищіе“,—спрашиваетъ нѣгдѣ златословесный Іоаннъ? „Не могъ ли Богъ золотой дождь ни нихъ излить? Могъ, поистиннѣ, но чрезъ то бы ты, богатый, лишился случая къ благодѣтельству; слѣдовательно, лишился бы случая

ко очищенію грѣховъ твоихъ". Зналъ сіе великій въ патріархахъ Авраамъ, который въ самый жаркій полуденный часъ сидѣлъ на пути, ожидая, чтобы поймать кого въ спасительныя страннолюбія сѣти (Быт., гл. 18). „Для чего Авраамъ,—доискивается преждереченный вселенскій учитель,—не поручилъ сего дѣла своимъ слугамъ, но самъ, будучи великій господинъ, сидѣлъ при пути)?—Зналъ, де, онъ, что слуги бываютъ обыкновенно сонливы; почему опасался, чтобы за лѣностію ихъ не упустить изъ рукъ своихъ сей дрожайшей ловитвы".

Но куда же намъ деньги дѣвать? Ибо самый подлый порокъ есть тѣхъ, которые собиранію богатства никакого не полагаютъ конца, и честнаго тому употребленія не знаютъ, денно и нощно думаютъ объ умноженіи прибытковъ, какимъ то ни было образомъ, но не вѣдаютъ сами, кому собираютъ, не плѣняя щедротою сердецъ, въ чемъ состоитъ истинное некрадомое человѣческое богатство. Но другіе скажутъ: „какъ некуда деньги дѣвать? А на строеніе домовъ? на уборы? на вина? на банкеты? на собакъ и на прочія забавы"? Ахъ! Сколько роскоши! Не говорю уже о томъ, что отсюда рождается праздность, отъ праздности—лѣность, отъ лѣности—разслабленіе, отъ разслабленія—нерадѣніе о должности, о добродѣтели, о благочестіи; а оттуда выходитъ страшное оное чудовище, называемое „эпикурство", не говоря о семъ; такимъ то образомъ спѣдается часть имѣнія, должная бѣднымъ. Но сего, де, требуетъ благопристойность. Да развѣ снабжать убогихъ есть неблагопристойно? О, когда бы всякъ содержалъ себя внутри границъ благопристойности и не преступалъ бы сихъ священныхъ предѣловъ; тогда бы и веселіе наше было благословенное, и не страдала бы столько другая человѣчества часть! Наши благочестивые предки во дни праздничные и во дни поминовенія своихъ родителей дѣлали обѣды для нищихъ, и сію убогую братію авраамскою своею угощали трапезою; но нынѣ сіе святое обыкновеніе, за множествомъ новыхъ модъ, стало быть не вмѣстимо.

При разсужденіи семъ могутъ быть предложены два вопроса. Первый: „должно ли между бѣдными разборъ чинить"? Подлинно, должно: извѣстные моты благодѣянія сего недостойны, а притомъ, какъ мы весь свѣтъ снабдить не можемъ, немощной не больному, свой—чужому, благодѣтель—непріятелю предпочитаемъ быть долженъ; однако, гдѣ нѣтъ явнаго сомнѣнія, надобно разборъ оставить, опасаясь, чтобы, „разбирая недостойнаго, не миновать и достойнаго",—какъ говоритъ Григорій Богословъ. Второй вопросъ: „должно ли, снабжая нищихъ, самого себя привести въ нищету?", на что какъ бы другіе ни отвѣчали, кажется мнѣ, довольно для снабдѣнія убогихъ отдѣлить излишество, и въ ихъ пользу посвятить то, что тля тлитъ, ржа ѣстъ, что ласкатели

похищаютъ, что смѣхотворцы пожирають, и что служитъ къ одному увеселенію, то употребить къ отвращенію ихъ необходимыхъ нуждъ.

Впрочемъ, милостыня наша должна быть, во-первыхъ, не фарисейская, то есть, не тщеславная: „егда твориши милостыню, не воструби предъ собою, яко же лицемѣры творятъ“ (Мато., 6, 2). Второе, не корыстолюбивая, какъ то дѣлаютъ тѣ, которые снабжаютъ другихъ, да воспріимутъ равная или большая, но истинное милосердія дѣло должно происходить отъ разсужденія благости Божіей, Который милосердно насъ создалъ, но съ большимъ милосердіемъ искупилъ, Который „солнце Свое возсіяваетъ и на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя“ (Мато., 5, 45). И сей же Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи увѣщаваетъ насъ быть милосердными, а чрезъ то быть подражателями Его Самого и назваться сынами Вышняго. Аминь.

Слово въ недѣлю двадцать вторую по пятидесятницѣ *).

(ОБЪ ИМѢЮЩЕМЪ ПО СМЕРТИ БЫТЬ ЗА ДОБРО И ЗЛО ВОЗДАЯНІИ).

„Чадо, помяни, яко воспріялъ еси благая въ животѣ твоемъ, и Лазарь такожде злая“.
(Лук., гл. 16, ст. 35).

Ежели, которые богатствомъ и прочими міра сего благами изобилуютъ, а другіе въ крайнемъ злополучіи страждутъ, то нынѣшнее священное Евангеліе напоминаетъ, чтобы первые не очень высокомудрствовали, другіе не очень бы печалились. И дабы напоминаніе сіе было дѣйствительно, представляетъ предъ очи наши одного богача сластолюбца, другого нищаго злострадальца, изъ которыхъ тотъ описывается въ полномъ сіяніи видимаго блаженства, другой въ состояніи самомъ горестномъ.

Но какъ всякое дѣло изъ конца своего разсуждается, „и есть путь“, по слову Соломонову, который „мнится человѣкомъ прямъ быти, но послѣдняя его приходятъ во одно адово“ (Притч., 14, 12): то никого ни ублажать, ни окаявать прежде времени не надобно. И истина сія подтверждается тѣмъ же примѣромъ. Ибо сластолюбецъ оный, нечаянно пораженъ гнѣвомъ Божіимъ, подпалъ строгости нелицепріятнаго судіи, а злострадалецъ тотъ отнесенъ ангельскими руками на блаженное Авраамово лоно. Ахъ, внезапное превращеніе! гдѣ твои

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви 1764 года, октября 31-го.

дѣлись, бѣдный богачъ! забавы, и гдѣ скрылись твои, радостный Лазарь, болѣзненные струпы? Положены оба они на вѣсы правосудія Божія: одинъ отягощенный пороками опустился въ пропасть погибели, другой облегченный, яко крылами, добродѣтелію, вознесся на высоту небеспую. Почему нѣтъ сомнѣнія, *что есть иная вѣчная жизнь, гдѣ добродѣтель, награжденіе, а порокъ достойное принимаетъ наказаніе*, и о семъ имѣетъ быть моя съ благочестіемъ вашимъ бесѣда. Что сотворю въ моей на Тя надеждѣ, Боже! отверзу уста моя и да наполнятся духа Твоего.

Нѣтъ нималаго съ истиною сходства, чтобы мы отъ благого Создателя сотворены были съ тѣмъ, дабы, въ жизни сей всякое претерпѣвши зло, напослѣдокъ невозвратно и съ добродѣтелію погибли. Почему, не входя въ дальнее разсужденіе, полагаю уже за несомнительное, что душа наша есть одарена безсмертіемъ, которымъ преимуществомъ благоволилъ милосердный Творецъ отличить насъ отъ прочихъ всѣхъ животныхъ безсловесныхъ. Ежели бы кто дерзнулъ оспаривать сіе, мы его оставляемъ въ общемъ скотамъ состояніи. Положивъ убо за несомнительное души нашей безсмертіе, необходимо остается принять другую по смерти ненарушимую жизнь.

Но можемъ ли подумать, чтобы уже и въ самой вѣчности (такъ какъ иногда бываетъ въ жизни сей), добродѣтель и порокъ, честность и злодѣйство никакого справедливаго не получили различія? Можемъ ли подумать, чтобы и тогда Павелъ съ Іудою, Фараонъ съ Давидомъ въ равномъ остались блаженномъ состояніи? Ахъ, нѣтъ! „Кое бо причастіе правдѣ къ беззаконію? Или кое общеніе свѣту ко тмѣ“ (2 Кор., 6, 14)? Не попущастъ намъ думать такъ.

Во-первыхъ, совершенная святость Божія. Съ Богомъ не можетъ соединиться противное Ему. Богъ есть свѣтъ, такъ не находитъ тутъ себѣ мѣста тьма; Богъ есть совершеннѣйшее добро, такъ зло священный съ нимъ прерываетъ союзъ; Богъ есть чистѣйшій духъ, убо всякое беззаконіе удалено есть отъ Него. И потому надобно, чтобы одна добродѣтели струя къ сему всякаго блага Источнику возвратилась, чтобы одинъ лучъ непотемненнаго разума совокупился съ чистѣйшимъ Божественнымъ существомъ, дабы, по слову Павлову, „Богъ былъ всяческая во всѣхъ“ (1 Кор., 15, 28).

И въ семъ-то состоитъ правосудіе Божіе, что Богъ, не нарушая Своей премудрости, не можетъ допустить наслаждаться своими совершенствовами человѣку, который сдѣлалъ себя не токмо того недостойнымъ, но и къ принятію неспособнымъ. И для того священный Пророкъ предъ лицемъ Господнимъ поетъ: „Богъ не хотяй беззаконія Ты еси: не приселится при Тебѣ лукавнуяй, ниже пребудутъ беззаконницы

предъ очами Твоими: возненавидѣлъ еси вся дѣляющія беззаконіе“ (Псал., 5, 5—6).

Мы въ самихъ себѣ сего, ненарушимаго никогда, Божія правосудія носимъ образъ. Мы добрыхъ любимъ и съ ними духомъ нашимъ соединяемся, а отвращаемся злыхъ и всякому злодѣянію пристойное опредѣляемъ наказаніе. Откуда же сей у всѣхъ народовъ постоянный законъ?—по истинѣ отъ справедливаго признанія совѣсти, а совѣсть отъ кого?—по истинѣ отъ Того, Который „создалъ на единѣ сердца наши“. И потому сильно есть оное Апостольское обличеніе: „безотвѣтенъ еси“, говоритъ, „о, человѣче! всякъ судяй“ (Римл., 2, 1), то есть, ты, человѣкъ, опредѣляя закономъ злу наказаніе, тѣмъ самымъ явно признаешь правосудіе Божіе и мщеніе беззаконія Ему присвояешь. Вотъ—неоспоримыя доказательства имѣющаго быть въ будущей жизни воздаяніи и состояній различія! Но поступимъ далѣе.

Существо нашей души одарено есть свободностію. Почему мы, не яко машины, стремленіемъ управляемыя, но съ разсужденіемъ и совѣтомъ безпринужденно избираемъ доброе или злое. Ежели нѣсколько можно человѣческому уму проникать въ тайны совѣтовъ Божіихъ,—усматриваю я, что премудрый Творецъ дарованною свободностію предуготовлялъ для насъ путь къ блаженству. Ибо извѣстно, что, гдѣ нѣтъ свободности, тамъ нѣтъ ни наказанію, ни награжденію мѣста. Оставивъ здѣсь удивляться премудрости Божіей, мы явственно усматриваемъ спасительное намѣреніе Создателево, чтобы не остаться ни добродѣтели безъ награжденія, ни злодѣйству безъ наказанія.

Сему Божіему намѣренію должно неотмѣнно быть исполнену. Но когда увидимъ сіе преславное событіе?—не можемъ сказать, чтобы оно совершалось въ жизни сей. Ибо вотъ—нынѣшній впрочемъ добродѣтельный Лазарь въ горестномъ злополучіи страждетъ до послѣдняго дыханія жизни своей, а сластолюбивый и немилосердный богачъ умираетъ между шумомъ весело пирующихъ. Повседневный искусъ насъ увѣряетъ, что добродѣтельные и благочестивые люди наболѣе гонимы бываютъ; а, напротивъ, нечестивые не рѣдко во всякихъ веселостяхъ свои оканчиваютъ дни. Вотъ—слышимъ святѣйшихъ мужей жалобныя слова: „Позоръ быхомъ міру и ангеломъ и человѣкомъ: до нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ“ (I Коринѳян., 4, 9, 11); въ пустыняхъ скитались, въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ, которыхъ не былъ достоинъ весь міръ“ (Евр. 11. 38). Ежели бы послѣ всѣхъ сихъ злостраданій праведные не имѣли никакой блаженной надежды: поистинѣ, по разсужденію Павлову, не было бы въ свѣтѣ бѣднѣе, какъ добродѣтельный человѣкъ (I Кор., 15, 19).

Но, кромѣ сего, ежели бы допустить, чему, впрочемъ, не возможно быть, что по смерти ни для кого никакой не будетъ справедливости: то погибнутъ всѣ законы, разрушатся всѣ общества, погаснетъ сила совѣсти, презрѣна будетъ добродѣтель, и подниметъ главу свою порокъ и злодѣйство, уничтожится священная вѣра, и всѣ благочестія тайны въ басню должны будутъ превратиться. Яжды, пій, веселися; а когда не имѣешь чѣмъ, грабь, похищай, нарушай совѣсть; послѣ смерти ничего не будетъ. И такъ вы, симъ смертоноснымъ мнѣніемъ зараженные, люди, хотите, чтобы благочестивые государи разслабли въ своихъ святѣйшихъ подвигахъ,—судіи не ободряли бы себя надеждою небеснаго за труды свои воздаянія,—воины, вѣру и отечество кровію своею защищающіе, не ожидали бы вѣнцевъ неувядаемой славы,—пастыри церковные въ своихъ трудахъ и скорбяхъ не взирали бы къ непарушимому покою; хотите вы, чтобы весь свѣтъ въ нѣкоторой первородной перемѣнился (смѣсь) хаосъ. Но „вѣсть Господь путь праведныхъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ“ (Псал. I, 6).

Ежели такого развращеннаго мнѣнія суть люди: кажется мнѣ, что тому не можетъ быть иная причина, какъ только совѣсть, къ порокамъ пристрастившаяся. Во внутренности своей признавая всякое зло достойнымъ наказанія и чрезъ то смущаясь, она старается успокоить себя, и для того нѣкоторые вымышляетъ къ опроверженію истины сей резоны, дабы чрезъ то избавиться внутренняго мучительнаго страха. Подтверждается сіе тѣмъ, что для чего бы, напримѣръ, тебѣ, имѣя незазорную совѣсть, опровергать надежду будущаго воздаянія?—никакъ: ты бы желалъ ей быть, хотя бы и подлинно не было ея. Итакъ, сама, отвергающая будущую жизнь, совѣсть доказываетъ, что есть будущая жизнь. Ибо искра совѣсти можетъ быть нѣсколько потемнена, понеже она не есть Богъ, но не можетъ совсѣмъ погашена быть, понеже отъ Бога есть.

Самые язычники, сколько впрочемъ ни слѣпы были, не могли себя склонить къ тому, чтобы думать, аки бы добродѣтель должна остаться безъ награжденія. Почему за несомнительное содержали, что души добродѣтельныхъ людей переселяются на нѣкія веселыя Елисейскія поля и счастливые острова. А иные думали, что такія души переселяются въ тѣла другихъ людей и животныхъ: добродѣтельные—въ тѣла знатныхъ и добрыхъ; а порочные—въ злыхъ и подлыхъ, или и въ животныхъ четвероногихъ и гадъ. Такое, впрочемъ заблуждающее, мнѣніе есть доказательство внутренняго, отъ Бога вліяннаго, совѣсти признанія объ имѣющемъ быть по смерти воздаяніи.

И какъ истина откровенія непротивна есть истинѣ разума: то и Писаніе Святое всею своею силою утверждаетъ разсужденіе наше. Ве-

ликій Павелъ, который въ своихъ бѣдахъ всякій день умиралъ, приближаясь къ блаженной кончинѣ жизни своей, радостную сію воспѣлъ пѣснь: „Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ“. Чтобы тебѣ болѣе, Павле, остается? Остается, говоритъ, „вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный судія; не токможе мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его“ (2 Тим., 4, 7. 8). Да и Самъ Спаситель, исчисливъ нищихъ духомъ, плачущихъ, алчущихъ, жаждущихъ и гонимыхъ правды ради, заключаетъ все то сими блаженнымъ гласомъ: „Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ“ (Мато., 5, 12).

И сіе-то человѣка добродѣтельнаго утѣшать должно въ напастяхъ и услаждатъ горесть жизни его, что его добродѣтель никогда забвена быть не можетъ, но въ свое время возсіяетъ яко солнце. Сіе утѣшало Іова на гноищѣ, Іосифа—во рву и въ темницѣ, Давида—въ гоненіи, трехъ отроковъ—въ разженной печи, Павла—въ позорищѣ предъ всѣмъ міромъ, мучениковъ — въ наплютѣйшихъ страданіяхъ, пустынниковъ—въ тѣснѣйшихъ подвигахъ и нуждахъ.

Такъ перестаньте же скорбѣть вы, мнимые злострадальцы, и успокойте рыданія свои. „Жена, егда раждаетъ, скорбь имать: егда же родитъ отроча, ктому не помнитъ скорби за радость, яко родися человѣкъ въ міръ“ (Іоанн., 16, 21 и 22). И вы печаль имѣете нынѣ, но узритъ васъ Господь, „и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никто же возметъ отъ васъ“. „Вскую убо прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя? уповай на Бога“ (Псал., 41, 6).

Можетъ, кто здѣсь вопроситъ: „для чего въ жизни сей не всегда добрые награждаются, и не всегда наказываются злые“? На сіе, во-первыхъ, отвѣчаю, что и въ жизни сей никогда добродѣтель безъ награжденія и порокъ безъ наказанія не остается. Какъ? Всякаго добраго дѣла плодъ и награжденіе есть чистая радость совѣсти; и всякаго злаго дѣла плодъ и наказаніе есть мучительное совѣсти терзаніе. И сіе награжденіе и наказаніе столь велико, что незазорную совѣсть имѣющій человѣкъ радуется и тогда, когда бы противъ его возставалъ и весь міръ, а совѣстію обличаемый и тогда смущается, когда бы его весь міръ ублажалъ. Однако, понеже и оную добрыхъ радость несчастія подлинно смущаютъ, и оное злыхъ наказаніе мірское благополучіе уменьшаетъ, то причину, для чего бы такъ было, святый Златоустъ даетъ слѣдующую: „нѣтъ, де, столь добродѣтельнаго, чтобы притомъ не былъ подверженъ нѣкоторому пороку, и нѣтъ, де столь злаго, чтобы нѣкоторой сокровенной не имѣлъ добродѣтели“. Почему правосудный Богъ нѣкогда и добродѣтельнаго наказываетъ и злому благодѣтельствуетъ, а чрезъ то и беззаконника и праведника исправляетъ: одного

отводя отъ зла легкимъ наказаніемъ, а другаго приводя къ добру щедрымъ благодѣтельствомъ.

„Сицева убо имуще обѣтованія, о возлюбленніи, очистимъ себе отъ всякія скверны, плоти и духа, творяще святыню въ страсѣ Божіи“. Аминь. (2 Кор., 7, 1).

Слово въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы *).

(О ВЕРХОВНОМЪ ДОБРѢ).

„Марія же благую часть избра, яже не отъимется отъ нея“.
(Лук., гл. 10, ст. 42).

Съ духовнымъ веселіемъ празднуя день Преблагословенныя Дѣвы, родившей во плоти Спасителя нашего, не можемъ усумниться, что Она избрала благую часть, которая не подвержена опасности завистливаго непріятеля, ниже боится всеистлѣвающаго времени, которая не отъимется отъ Нея никогда. Ибо хотя блаженная Оная Матерь и Дѣва по общему предѣлу и вкусила смерти, но безсмертною славою чрезъ толикіе вѣка память Ея украшается; хотя, отлагая одежду тѣла Своего, отложила съ нею вкупѣ и вся благая міра сего; но вмѣсто того радуется въ наслѣдіи вѣчныхъ несказанныхъ благъ и непрестаннаго шума празднующихъ; хотя, видимымъ присутствіемъ Ея болѣе мы не наслаждаемся, но въ любовномъ сердцѣ всегда сладчайшее имя Ея носимъ.

Но немного есть полезно другихъ воображать совершенства, а самимъ о снисканіи ихъ не стараться; да опять же, по разсужденію церковныхъ учителей, нѣтъ бо́льшей чести и святымъ, какъ подражать богоугодному житію ихъ. Ежели кто, говорятъ они, святыхъ похвалить хощетъ, имъ да послѣдуетъ; ежели кто благочестія поборниковъ почитать прославленіями желаетъ, трудамъ оныхъ да поревнуетъ. Почему и нынѣ, Церковію празднуемую Пресвятую Богоотроковицу ежели достойно почтить хощемъ, настоящею бесѣдою *поищемъ оной благой части*, которою уже Она неотъемлемо насыщается. Ты же, Всеблагій Владыко! отверзи мысленныя очи наши, и уразумѣемъ чудеса отъ закона Твоего.

Благая оная часть есть тоже, что обыкновенно называется „крайнее или верховное добро“. Врождено намъ искать себѣ удоволь-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1764 года, ноября 21 дня.

ствія и стремиться до такого состоянія, въ которомъ бы мы совершенно были успокоены. Оное добро, которое всѣ желанія наши, конечно, удовольствовало бы по справедливости, должно отъ насъ признано быть за верховное. Ибо уже мы выше его никуда болѣе стремиться не можемъ, да и не имѣемъ нужды. Самые язычники какъ не могли совсѣмъ погасить чувствіе естества человѣческаго, такъ не могли не воображать сіе превосходное блаженство. Но можемъ ли подумать, чтобъ въ оной глубокой тьмѣ, которымъ язычество покрывалось, истина сія ясно блистала? Разберемъ мы кратко ихъ знатнѣйшія мнѣнія, потому наипаче, что, можетъ, и изъ христіанъ суть нѣкоторые столь мало просвѣщенны, что о томъ лучшаго ихъ не имѣютъ понятія. Разность мнѣній о верховномъ добрѣ, которыми запутывали себя языческіе философы, доказываетъ, сколько-то есть бѣдственно разсужденіе разума нашего, когда оно не подкрѣпляется просвѣщеніемъ Святаго Духа.

Одни возводили человѣка на верхъ блаженства, ежели онъ изобилуетъ всякимъ богатствомъ и всѣми частей преимуществами возвеличенъ. Такое разсужденіе было очень низкое: ибо оно присвояло блаженство такимъ вещамъ, которыя можетъ имѣть человѣкъ, неимѣющій богатства непорочной совѣсти и достоинства истинной добродѣтели; а притомъ такимъ вещамъ, которыя по тлѣнію и непостоянству своему недостойны быть награжденіемъ вѣчной добродѣтели. Богатство, кромѣ того, что бываетъ оно почти всегда сопровождаемо множествомъ суетъ и опасностей, тля тлитъ, ржа ѣстъ, и тати похищаютъ, и огонь сожигаетъ, и вода потопляетъ, а потомъ смерть, яко нѣкая буря, и самое оное листвіями сими украшаемое древо исторгаетъ изъ корене. И такая ли ваша, высокіе мудрецы,—философія? Нѣтъ, мы научились высшему мудрованію, которое намъ напоминаетъ, говоря: „не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ, или егда умножится слава дому его“. Для чего?—„Яко внегда умрети ему, не возметъ вся“ съ собою во гробъ, „ниже снидетъ съ нимъ слава его“ (Псал. 48, 17, 18).

Не такъ, чтобы мы охуждали богатство, или уничтожали чести. Подлинно, и они могутъ служить средствомъ къ полученію истиннаго блаженства, ежели богатство будетъ имѣть честное употребленіе, а чести будутъ клониться къ подкрѣпленію пользы ближняго. Но опять же не почитаемъ ихъ такими, чтобы въ нихъ поставляли все блаженство человѣческое.

Узнала сіе другая языческая секта, которая опредѣляла верховное добро не въ томъ, чтобы имѣть только чести и богатство, но въ нѣкоторомъ ихъ употребленіи; а именно: чтобы ничего тѣлеснымъ своимъ склонностямъ не отказывать, но всѣ дни въ веселостяхъ, всѣ ночи—въ покойныхъ спахъ, всѣ часы—въ изобрѣтеніи новыхъ пріят-

постей препровождать. Кажется, нельзя бы не согласиться на такое прелестное мнѣніе. Но, вотъ, мы слышимъ совсѣмъ противное оному Евангельское опредѣленіе, которое не оныхъ эпикуровъ, но плачущихъ, алчущихъ, жаждущихъ и тѣсною житія шествующихъ дорогою въ числѣ блаженныхъ почитаетъ; а онымъ празднолюбцамъ поетъ сію печальную пѣснь: „Горе вамъ смѣющимся нынѣ: яко возрыдаете и восплачетеся“ (Лук., 6, 25).

Не безъ твердаго же основанія есть сіе Евангельское ученіе. Ибо, во-первыхъ, не можетъ назваться истиннымъ веселіемъ то, которое то и дѣло, что разными печалями пресѣкается и горящій радости нашей огонь погашаетъ. Легкая болѣзнь, завистливая клевета, нападеніе отъ сильнаго, внезапное оскудѣніе сильны въ одно мгновеніе покрыть насъ глубокимъ сѣтованія мракомъ. Второе, хотя бы и подлинно могли мы обѣщать себѣ всегда тихое жизни нашей теченіе; но чаяніе неизвѣстнаго никому смертнаго часа чье сердце не наполнитъ смущеніемъ и страхомъ? Іовлевы дѣти веселились и пировали всѣ вкупѣ. Кто ихъ въ такое время не назвалъ бы блаженными? Но, вотъ, внезапная повѣяла буря и разрушила все. Вотъ—страшная поднялась волна и опровергла благотекущій счастія корабль.

Не такого мы мнѣнія, чтобы отвергали всякое и неповинное увеселеніе и совѣтовали бы всѣмъ избирать нѣкоторое меланхолическое житія состояніе,—но только предостерегаемъ отъ оной плотской безопасности, которой преданный человѣкъ не думаетъ, развѣ объ однихъ увеселеніяхъ, аки бы онъ весь былъ только плоть, не чувствуя въ себѣ безсмертнаго духа. Но посмотримъ и другія о разсуждаемой нами вещи мнѣнія.

Подлинно, не всѣ же были и языческіе философы, чтобы такъ о верховномъ добрѣ разсуждали. Были изъ нихъ нѣкоторые, кои основательнѣе блаженство человѣческое поставляли въ добродѣтели. Кажется, сіи самой истины коснулись. Но что?—когда гонятъ добродѣтель? Что? когда честность не находитъ ни гдѣ себѣ покоя? Былъ ли, напримѣръ, Павелъ тогда въ совершенномъ блаженствѣ, когда претерпѣвалъ смертныя бѣды во всякое почти время и во всякомъ мѣстѣ, хотя, впрочемъ, и добродѣтеленъ былъ?—Нѣтъ, по истинѣ: ибо самъ онъ признается, что почелъ бы себя окаяннѣе всѣхъ животныхъ, ежели бы не ободрялъ себя лучшею по смерти надеждою. Такъ не можемъ мы подтвердить и сіе мнѣніе. Но въ какомъ же числѣ положимъ добродѣтель? Не поставляемъ мы въ ней блаженства, но почитаемъ ее извѣстнымъ средствомъ къ полученію истиннаго блаженства.

Примѣтили и сіе другіе язычники,—почему блажество человѣческое не въ добродѣтели единственно, но въ рождаемомъ отъ нея спо-

койствіи совѣсти поставляли. Такое разсужденіе, кажется, еще ближе къ истинѣ. И мы бы должны были къ нему пристать, ежели бы въ жизни сей можно было надѣяться получить совершенное совѣсти спокойствіе. Но кто изъ смертныхъ взошелъ на сей верхъ совершенства? Не говоря о многоразличныхъ причинахъ, нарушающихъ покой нашей совѣсти, всѣ мы въ самихъ себѣ всегда чувствуемъ внутреннюю войну, страстями возбуждаемую, которая война имѣетъ продолжаться, пока не сложимъ съ себя тлѣнную сію и смертную ризу плоти нашей. И для того-то мы, по Апостольскимъ словамъ, „сущіи въ тѣлѣ семъ воздыхаемъ отягчаеми, въ жилище наше небесное облещися желающе“ (2 Кор., 5, 4). Такъ въ чемъ же,—спроситъ благочестіе ваше,—поставлять надобно верховное добро?

„Въ полученіи Бога“, возлюбленные слушатели! Въ полученіи, говорю; то есть, въ совершенномъ съ нимъ соединеніи. Два союза, которые насъ неразлучно связываютъ съ Богомъ, или, ежели можно сказать, дѣлаютъ Бога нашимъ: „ясное Его познаніе и совершенная къ Нему любовь“. Сіи союзы въ жизни сей не имѣютъ настоящей твердости: ибо мы нынѣ еще въ зерцалѣ смотримъ на Божію несозданную красоту и въ гаданіяхъ только воображаемъ сіе превосходнѣйшее добро. Также и любовь къ Нему не есть еще столь совершенна, чтобы все сердце наше занималъ Онъ единъ. „Совершенная любовь“, говоритъ возлюбленный ученикъ, „вонъ изгоняетъ страхъ“ (I Іоан., 4, 18). А мы, нынѣ любя Бога, боимся еще, чтобы не прогнѣвить любящаго насъ небеснаго Отца, работаемъ Господеви, но со страхомъ, и радуемся, но съ трепетомъ.

Но когда сіе облако темнаго понятія пройдетъ; когда бремя вещества тѣла нашего съ себя сложимъ; когда отворится намъ къ вѣчности дверь, тогда уже въ разумѣ нашемъ возсіяетъ полное познаніе Божества. „Узримъ бо Его лицемъ къ лицу, и якоже есть“ (I Кор., 13, 12), а въ Немъ, яко въ чистѣйшемъ зерцалѣ, и прочія вещи всѣ въ своихъ совершенствахъ. Тогда же и сердце наше все наполнится несозданной доброты сладостію: ибо тогда Богъ, по Апостольскому богословствованію, „будетъ всяческая во всѣхъ“ (I Кор., 15, 28). То есть, Онъ будетъ разуму свѣтъ, сердцу — веселіе и тишина, очамъ—радость, вкусу—сладость, пріятность—ушамъ; Онъ будетъ тѣлу красота, пища и одежда, Онъ будетъ „всяческая во всѣхъ“.

Такое состояніе, слушатели, называемъ мы совершеннымъ человѣческимъ блаженствомъ; въ семъ поставляемъ мы крайнее или верховное добро. Сія-то есть оная благая часть, которая временемъ не старѣется, печалями не смущается, зависти не боится, которая не отъимется никогда отъ того, кто сподобится единожды получить ее.

Сего язычники не знали; и мы бы въ семъ незнаніи пребывали, ежели бы не блеснулъ на насъ востокъ съ высоты. Симъ познаніемъ просвѣщенный, Давидъ взывалъ ко Господу: „насыщуся, насыщуся“. Но когда, скажи намъ, блаженный Давидъ?—„Егда явится мнѣ слава Твоя, Боже,—постъ онъ (Псал., 16, 15). Онъ же, будучи уязвленъ любовію Божественнаго наслажденія радостотворный сей вознесилъ гласъ: „что мнѣ есть на небеси? и кромѣ Тебе что восхотѣхъ на земли? Изчезе сердце мое и плоть моя, о, Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во вѣкъ“ (Псал., 72, 25—26)!

Въ семъ блаженномъ состояніи радуется теперь Преблагословенная Дѣва на небеси, Которую мы нынѣ съ Церковію воинствующею празднуемъ на земли, а съ Нею веселятся и чистѣйшіе ангелы, божественные пророки, преславный апостольскій ликъ, торжествующіе мученики, увѣнчанные преподобные и всѣ праведные духи.

И какъ у Тебя, Отче небесный, обители многи суть, сотвори по благости Твоей, да и мы вселимся во дворѣхъ святыхъ Твоихъ со всѣми угодившими Тебѣ. Аминь.

Слово въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ *).

(О ДРЕВНОСТИ ИСТИННОЙ ВѢРЫ).

„Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля“.
(Матѳ., гл. 1, ст. 1).

Самое начало Евангельской книги есть намъ начало радости. Ибо, вотъ, слышимъ мы, что родословіе Начальника благочестивой нашей вѣры и Совершителя Іисуса, по принятому Имъ человѣчеству, относитъ благовѣстникъ Матѳей до знаменитаго въ благочестіи Давида и до древнѣйшаго Авраама, а божественный Лука не только до Ноя, возобновителя человѣческаго рода, но и до самаго Адама, источника человѣчества. А изъ сего открывается явственно, что мы въ вѣрѣ согласны съ древнѣйшими, прославленными въ благочестіи, мужами,—что святая вѣра наша не вчера явилась, но, началась тогда, когда начались люди быть;—что она есть одна и та же отъ самаго созданія міра. Такъ вѣровалъ Моисей и Давидъ, и всѣ бывшіе въ Ветхомъ Завѣтѣ: того же богопочтенія держался Авраамъ,—тѣмъ же путемъ ко спасенію шествовалъ и Адамъ со всѣми, прежде потопа бывшими, благочестивыми

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1764 г, декабря 19 дня.

праотцами. По тѣмъ же слѣдамъ вѣры шествуемъ и мы. Такая вѣра соединяетъ всѣхъ древнихъ съ нами, и насъ дѣлаетъ древними. Такая вѣра, хотя и имѣетъ въ себѣ разныя состоянія, какъ бы, напримѣръ, младенчество, юношество и мужество, но всѣхъ воедино связуетъ православнаго общества тѣло. О, превосходство вѣры нашей! „Всякія кончины видѣхъ конецъ: широка заповѣдь Твоя, Боже, зѣло“ (Псал., 118, 96).

И понеже сіе разсужденіе не токмо само по себѣ важно есть, но и полезно къ утвержденію и утѣшенію нашему, въ оное болѣе взойти призываю благочестіе ваше духомъ кротости. А Ты, воплощенная Премудросте, предшествуя намъ свѣтомъ благодати Твоея, покажи, что, есть мудрованіе духа Твоего.

„*Истинная вѣра есть вѣра самая древняя*“. Ибо первый человѣкъ, ктобы онъ ни былъ, Бога почиталъ, и все то по возможности отправлялъ, что требуетъ Творецъ отъ твари, и что надобно къ достиженію блаженства, для котораго созданъ онъ. Такое богопочтеніе должно быть истинное, понеже первый человѣкъ не отъ кого другого, но отъ Самого Бога тому научиться долженъ; да оно же и древнее, понеже прежде его никого не было. И потому-то всякая новизна въ вѣрѣ есть не терпима.

Но въ чемъ же оное древнее богопочтеніе состояло? По разсужденію Павлову,—въ томъ, дабы вѣровать, „что Богъ есть, и что Онъ взыскающимъ Его мздовоздаятель бываетъ“ (Евр., 11, 6). Вотъ—существенная сила истиннаго богопочтенія! Но подъ краткими Павловыми словами много заключается. Ибо кто вѣруетъ, что Богъ есть, тотъ не можетъ усумниться, что Онъ есть всемогущъ, милосердъ вкупѣ и справедливъ. Всемогущество Божіе велитъ безопасно на Его защищеніе полагаться, милосердіе утверждаетъ надежду спасенія, правда требуетъ совершенной святости, сходной съ непорочною волею Его. Но какъ человѣкъ есть немощенъ, и всегда находитъ себя предъ лицемъ Божіимъ грѣшникомъ, слѣдуетъ, что онъ всегда имѣлъ нужду прибѣгать къ Его милосердію, и за основаніе вѣры Своей положитъ, что Богъ не по заслугамъ нашимъ, но по единому милосердію Своему спасаетъ насъ.

И понеже правдѣ Божіей нельзя быть нарушенной; а какимъ образомъ можетъ Богъ, не нарушивъ правосудія Своего, помиловать насъ, человѣкъ не силенъ разсужденіемъ своимъ постигнуть: то благоволилъ Богъ недостатокъ сей дополнить откровеніемъ Своимъ, и увѣрилъ всѣхъ древнихъ богопочитателей, что Онъ Самъ, въ свое время принявъ на Себя человѣчество, содѣлаетъ примиреніе правосудія съ милосердіемъ, и откроетъ сей способъ, столь мало человѣческому уму постижимый.

Сіи члены вѣры не суть ли совершенно тѣ же, на которыхъ утверждается благословенное христіанство? Но ихъ содержали и древніе всѣ. Первый человѣкъ былъ Адамъ, первому же ему было объявлено, что отъ сѣмени его имѣетъ родиться Тотъ, Который сокрушитъ главу темной грѣховной власти (Быт., 3, 15). Сія радостная вѣсть сообщена была чрезъ него всему потомству. Послѣ неоднократно повторено сіе евангеліе Аврааму и послѣдователямъ вѣры его. Сіе же таинственное обѣщаніе Ветхій Завѣтъ проображалъ и жертвами, и таинствами, и обрядами. Видите вѣры нашея благоуханіе, разливающееся по всѣмъ вѣкамъ.

И хотя, подлинно свѣтъ вѣры сей въ разныя времена претерпѣвалъ нѣкоторые ущербы и затменія, какъ то было во времена прежде потопа, во времена Авраамовы и Моисеевы и потомъ, когда всю почти землю тьма идолопоклонства покрывала: ибо всегда во вселенной свирѣпствовала, сила грѣха; однако, не приминула никогда благость Божія сіи исправлять недостатки и разгонять глубокій оный заблужденія мракъ. Служили къ сему Его щедрыя благодѣянія, которыми Онъ снабжалъ избранныхъ Своихъ, и тѣмъ утверждалъ ихъ въ благочестіи; служили же къ тому и казни, которыми наказывалъ нечестивыхъ, а чрезъ то и ихъ отводилъ отъ нечестія, и другихъ приводилъ въ познаніе Своей всемогущей руки. Но, кромѣ сего, употреблялъ Онъ и живые гласы великихъ и просвѣщенныхъ людей, какіе были во всякомъ родѣ и мѣстѣ и времени, яко орудія свои въ просвѣщеніи человѣческаго рода. Таковъ былъ Ной и Симъ, Авраамъ, Мелхиседекъ, Моисей, Давидъ, Зоровавель, пророки всѣ, и прочіе, ихъ же имена— въ книгахъ животныхъ.

Сіи средства, хотя впрочемъ сами чрезъ себя дѣйствительны, не могли совершенно удержать нагло текущій потокъ беззаконій и исцѣлить тлѣніе естества человѣческаго. Всякъ стоналъ подъ игомъ грѣха: всякъ по справеоливости могъ со слезами произносить оныя Давидовы слова: „Нѣстъ изцѣленія въ плоти моей, нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ. Пострадахъ и слякохся до конца, озлобленъ быхъ и смирихся до зѣла“ (Псал., 37, 4, 7, 9). Почему нужда была повторять и оное часто Пророческое слово: „Аще не бы Господь Саваоѳъ оставилъ намъ сѣмене, яко Содома убо были быхомъ, и яко Гоморру уподобилися быхомъ“ (Ис., 1, 9).

Сія оставшаяся надежда Израилева, сіе, говорю, благословенное сѣмя въ плачевной юдоли земли нашей произрасло, когда, по ученію Апостольскому, „Богъ Самъ явился во плоти (1 Тим., 3, 16), и Тотъ, Который многократно и многообразно исправлялъ міръ чрезъ пророковъ и другихъ просвѣщенныхъ мужей, Тотъ напослѣдокъ Самъ

великое дѣло принялъ на Себя и бесѣдовалъ съ нами о тайнахъ вѣчнаго царствія, зракъ раба принявъ и бывъ въ подобіи человѣчестѣмъ.

Чрезъ сего Божественнаго Ходатая и Спасителя и мы отъ глубокаго заблужденія избавились, и намъ, сѣдящимъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй, возсіялъ свѣтъ истиннаго богопознанія. „Оправдившеся бо вѣрою миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, Имъ же и приведеніе обрѣтохомъ въ благодать сію, въ нейже стоимъ и хвалимся упованіемъ славы Божія“ (Римл., 5, 1—2).

Къ чему же клонится все сіе наше разсужденіе?—Къ тому, дабы намъ представить предъ очи свои, что сія вѣра наша есть вѣра всѣхъ временъ, есть вѣра древнихъ всѣхъ, которое начало есть Божественное, происхожденіе удивительное, кончина же—жизнь вѣчная. Вѣра сія хотя имѣла, по различности обстоятельствъ, различныя состоянія: былъ въ ней какъ бы младенческій возрастъ, былъ юношескій, есть и мужескій; но всегда едино тѣло и единъ оживляющій духъ. Перемѣнялись обряды, чиноположенія, таинства и другія окрестности, но существо вѣры пребывало непзмѣнно. Сею укрѣпляя себя вѣрою, странствуемъ мы съ Авраамомъ, искушеніи побѣждаемъ съ Давидомъ, на лѣствицу добродѣтелей восходимъ съ Іаковомъ, со всѣми древними святыми „то же брашно духовное ядимъ, и то же питіе духовное піемъ: всѣ бо они пили отъ духовнаго послѣдующаго Камене. Камень же бѣ Христосъ“ (1 Кор., 10, 3, 4).

Много бы времени надобно было, чтобы къ утвержденію истины ученія сего приводить изъ Святаго Писанія свидѣтельства. Почему вспомянемъ хотя нѣкоторыя. Самъ Спаситель въ Евангеліи Своемъ о томъ увѣряетъ насъ: „не мните“, говоритъ, „яко пріидохъ разорити законъ или пророки“; никакъ: „не пріидохъ разорити, но исполнити“ (Матѳ., 5, 17). Также премудрый Апостолъ неоднократно изъясняется, что ученіе его не иное что содержитъ, развѣ что содержалъ въ себѣ законъ и пророки. Свидѣтельствую“, сказываетъ, „малому же и великому, ничто же вѣщая, развѣ яже пророцы рекоша хотящая быти и Моисей“ (Дѣян., 26, 22). Еще разсуждая объ оправданіи вѣрою во Христа (который членъ вѣры въ христіанствѣ есть самый главный) онъ доказываетъ, что Авраамъ, прежде закона еще бывшій богопочитатель, не инымъ образомъ оправдался предъ Богомъ, развѣ вѣрою во грядущаго Христа; притомъ столь прославляетъ вѣру его, что и мы, когда хотимъ оправданы быть, должны въ томъ подражать вѣрѣ отца нашего Авраама. (Римл., гл. 4). Да и о всѣхъ, отъ самаго Адама бывшихъ, благочестивыхъ мужахъ сей же учитель потверждаетъ, что они свидѣтельствованы были въ вѣрѣ, которой вѣры, по его же изъясненію, былъ „Начальникъ и Совершитель Іисусъ“ (Евр., 12, 2).

И хотя сей же Апостолъ объявляетъ, что „всѣ“ тѣ „святые“, впрочемъ, вѣрою украшенные „не пріяша обѣтованія“ (Евр., 11, 39); но сіе разумѣть надобно такъ, что они Того, Который имъ обѣщанъ былъ Спаситель, очами тѣлесными не видѣли, но токмо очами вѣры на Него взирали, и лобызали Его, и радовались о Немъ, и спасались Имъ. А чрезъ то премудрый Господь честь предковъ нашихъ раздѣлилъ съ нами: имъ обѣщанъ Спаситель, а мы исполненіе того видѣть сподобились; они въ грядущаго вѣровали, а мы пришедшему поклоняемся,— „Богу лучшее что о насъ предзрѣвшу, да не безъ насъ совершенство пріимутъ“ (Евр., 11, 40).

Но, опять, можетъ кто предложить оное Апостольское же слово: „древняя мимоидоша, се, быша вся нова“ (2 Кор., 5, 17). Подлинно, то прошло, что было ветхо; но не прошла вѣра, которая никогда обветшать не можетъ. Прошли разные обряды, разныя чиноположенія, которыя по различности временъ служили вѣрѣ, но самое вѣры основаніе пребываетъ недвижимо. Прошла младенческая слабость, наступила мужеская крѣпость; но составъ тѣла всегда остался ненарушимъ.

Сего нашего, подлинно, важнаго поученія есть то намѣреніе, чтобы показать истину тѣмъ, кои, немного обращаясь въ писаніяхъ святыхъ, думаютъ, что православная вѣра наша началась только отъ пришествія въ міръ Іисуса Христа, и что, слѣдовательно, ея прежде того времени не было никакимъ образомъ. Такъ какое же, съ сладостію спросили бы мы такихъ, прежде того было богопочтеніе? истинное или неистинное? Ежели бы сказать неистинное, то куда же дѣнемъ Авраамову вѣру, которой намъ велитъ подражать Евангеліе? куда—благочестіе пророковъ? куда—оную древнихъ пѣснь: „Вѣдомъ во Іудеи Богъ: во Израили веліе имя Его“ (Псал., 75, 2)? Ежели же было истинное, но, совсѣмъ тѣмъ, вѣра наша была бы отъ того богопочтенія отмѣнная по всему, то къ чему же бы вводить новую вѣру, когда бы и прежнее богопочтеніе было истинное? Нѣтъ, благословенные христіане! „Іисусъ Христосъ вчера и днесь той же, и вовѣки (Евр., 13, 8). Онъ есть краеугольный Камень, Который сѣнь законную и благодать Евангельскую соединяетъ въ единый составъ Церкви Своей.

Хотя, впрочемъ, не сомнительно, что чрезъ пришествіе Іисуса Христа вѣра въ большой возсіяла славѣ, отъ нѣкоторыхъ вредныхъ мнѣній очищена и, по разрушеніи границъ Іудейскихъ, сообщена свѣту всему. Ибо вмѣсто того, что прежде только пѣли пѣснь Господню внутрь стѣнъ Іерусалимскихъ, нынѣ мы всѣ языки воспѣваемъ Господеви пѣснь нову; поетъ Господеви вся земля, и не во Іерусалимѣ токмо, но вездѣ покланяемся Отцу небесному „духомъ и истиною“ (Іоан., 4, 24).

Сихъ всѣхъ великихъ благодѣяній виновникъ намъ есть Божественный Спаситель нашъ, Котораго понеже приближается день, въ коемъ Онъ для спасенія нашего явился во плоти,—предуготовимъ къ принятію Его самихъ себя, дабы Онъ, яко Вифлеемскій вертепъ, и нищету нашихъ душъ обогатилъ присутствіемъ Своего Божества. Аминь.

Слово въ недѣлю о Закхеѣ *).

„И искаше Закхей, видѣти Іисуса“
(Лук., гл. 19, ст. 3).

Какъ, изъ лука пущенная, стрѣла прямо несется къ мѣтѣ, такъ человѣческій духъ естественно стремится къ Богу. Обходитъ онъ всѣ вещи яко недостойныя себя, и, углубляясь въ разсматриваніе красоты несозданнаго существа, находитъ тутъ все свое удовольствіе. Ибо Богъ создалъ человѣка ради Себя,—не въ томъ разумѣ, яко бы имѣлъ Онъ въ немъ для Себя какую пользу, но потому говоримъ: „ради себя“, чтобы человѣкъ не въ другой какой созданной вещи, но въ Немъ Самомъ искалъ своего блаженства, чтобы въ Немъ утопалъ, яко въ океанѣ сладостей. Сіе воображая, Давидъ радостнымъ духомъ воспѣлъ: „Возжада душа моя къ Тебѣ, Боже“ (Псал. 62, 1—2)! А къ Нему прибѣгая, нѣкоторый церковный учитель съ Богомъ такъ бесѣдуетъ: „Создалъ Ты насъ, Господи, ради Себя, и не спокоенъ духъ нашъ, пока не успокоится въ Тебѣ“!

Сіе духа нашего стремленіе иногда въ нѣкоторыхъ слабѣетъ, но совсѣмъ истребиться не можетъ. Слабѣетъ оно, когда человѣкъ волю даетъ страстямъ, и, яко младенецъ, наружными вещами прельщается, но возбуждается паки, когда тотъ же человѣкъ, пришедъ въ самого себя, разсудитъ несовершенства свои, и усмотритъ, что всѣ мнимыя увеселенія или прошли, или пройдутъ, или еще и въ горесть обратятся.

Мы не можемъ отрещись, чтобы не чувствовать въ себѣ сего сильнѣйшаго желанія наслаждаться умнымъ зрѣніемъ Бога. Почему изслѣдуемъ, *„гдѣ мы можемъ видѣть Бога“*. А Ты, несозданная красота, яви намъ Себя, да разумно видимъ Тя!

Въ трехъ зерцалахъ мы можемъ видѣть Бога: „въ зерцалѣ тварей, въ зерцалѣ вѣры и въ зерцалѣ славы“. Въ первое смотрятъ младенцы, во второе—возрастающіе, въ третіе—совершенные. Первое открылось при созданіи міра, второе—при искупленіи человѣческаго рода, третіе откроется при прославленіи избранныхъ Божіихъ. Посмотримъ мы во всякое особь въ предшествіи несозданнаго свѣта Господня.

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1765 года, января 16 дня.

Зерцало тварей ясно показываетъ намъ Творца своего. Изъ созданія ихъ дознаемъ мы бытіе несозданнаго существа: что онѣ всегда въ цѣлости своей сохраняются, доказывается изъ того неизглаголанная благость Его; что онѣ же порядочно управляются къ своимъ концамъ, открывается изъ того безконечная премудрость Его; а все увѣряетъ о Его неограниченномъ всемогуществѣ.

И какъ мы тварями со всѣхъ сторонъ ограждены, да и сами тутъ же включаемся, то нѣтъ вещи и нѣтъ мѣста, гдѣ бы мы не нашли изображенные слѣды Божества. Сію видимаго міра книгу, златыми буквами написанную, всякъ читать можетъ – и мудрый и невѣжа, и младенецъ и возрастный, еллинъ и скиѳъ, благородный и варваръ. Народы, различествующіе языками, сей общій разумѣютъ языкъ. Любитель Божій, куда ни обратитъ очи свои, вездѣ находитъ любовную бесѣду съ Богомъ; вещи вмѣсто зерцала употребляетъ и отъ тварей къ своему Творцу возносится. Нѣкто сказалъ, что ему, вмѣсто учителей, были дубовыя и буковыя деревья, подъ сѣнію которыхъ размышлялъ онъ въ тайнѣ сердца своего о Создателѣ міра сего. О, Боже! „Въ мори путіе Твои, и стези Твоя въ водахъ многихъ: свидѣнія Твоя, Господи, увѣришася зѣло“ (Псал., 76, 20; 92, 6). Вся тварь намъ громогласнѣе трубы всякой вопіетъ: „Той сотвори насъ, Той, а не мы“ (Псал., 99, 3). Давидъ блаженный столь углубился въ размышленіе сіе, что ему міръ по красотѣ своей достойнымъ показался къ украшенію Самого Бога. Онъ себѣ представляетъ, что Царь царствующихъ облекся въ славу и препоясался; вмѣсто ризы одѣвается онъ свѣтомъ: царскій шатеръ у него—небо; злотканный коверъ—разсѣянные по землѣ цвѣты; увеселительные фонтаны—скачущіе изъ нѣдръ земли источники, быстротечные кони—облака, великолѣпная колесница—распростертыя вѣтровъ крыла, а слуги его—пламень огненный.

И для того, подлинно, по ученію Павлову, будутъ предъ судомъ Божіимъ безотвѣтственны, которые истину столь ясную не признавали, дѣлая насильствіе совѣсти своей. Ибо сила, ведущая къ познанію Бога, вліяна въ сердцѣ всякаго человѣка. Невидимая бо Божія, яко-то присносущная сила Его и Божество, изъ размышленія о тваряхъ становятся видимыми (Римл., 1, 20). Почему трудно и повѣрить, чтобы были такіе уроды, которые, отвергая бытіе Божіе, притомъ отъ собственной совѣсти и отъ всѣхъ вещей обличаемы не были.

И хотя, по примѣчанію Пророческому, нѣкоторый безумный „рече въ сердцѣ своемъ“, то есть, силится мысль свою склонить на то, „аки бы не было Бога (Псал., 13, 1). Но для чего онъ сію нечестивую мысль содержитъ только въ сердцѣ, а не произноситъ словами? спрашиваетъ святый Златоустъ. „Для того, де“, примѣчаетъ учитель

сей, „что въ самое то время, когда онъ отворилъ бы свои уста, вся тварь возопила бы противъ него, и дерзновенныя его уста заградила бы".

При семъ случаѣ смотрѣнія нашего въ зерцало тварей, пришло мнѣ на мысль оное Апостольское слово: „Суетѣ тварь повинуся неволею" (Римл., 8, 20). То есть, вся тварь подвержена стала суетѣ противъ воли и намѣренія Создателева. Такія слова кажутся противны тому, что мы утверждали, что твари не только не суть суетны, но и руководствуютъ къ Богу. Какую же здѣсь Апостолъ разумѣетъ суету? „Суета тварей есть употребленіе тварей во зло". Кажется бы нельзя повѣрить, дабы злость человѣческая была столь сильна, чтобы самое намѣреніе Божіе превратить могла. Но есть то самымъ дѣломъ такъ. Язычники, напримѣръ, вмѣсто того, чтобы, смотря на солнце, луну и прочія небесныя свѣтила, доходить до Бога, обоготворяли ихъ самихъ: вмѣсто того, чтобы „отъ величества красоты созданій сравнительно рододѣлателя ихъ познавать", имъ самимъ покланялись. Всѣ Господни дѣла не своимъ путемъ пошли. Злодѣй употребляетъ воздухъ, чтобы удушить,—огонь, чтобы сожечь,—воду, чтобы утопить,—желѣзо, чтобы убить человѣка неповиннаго. Благословенныя произращенія земли сдѣлались случаемъ обжорства и пьянства, красота тѣла—поводомъ къ безчестной похоти, злато—возбужденіемъ къ лихоимству и сребролюбію, честь къ гордости и презорству, разумъ—къ изобрѣтенію хитростей, науки бываютъ матеріею вѣчныхъ споровъ и, слѣдовательно, помраченія истины. Нѣтъ, по истинѣ, столь доброй вещи, которая чрезъ необузданное человѣческое своевольство не употреблена была бы во зло.

Итакъ, развращеніемъ нашимъ пресвѣтлое сіе тварей зерцало помрачилось: сія книга дѣлъ Божіихъ сдѣла ась намъ училищемъ всякаго зла; міръ, вмѣсто того, чтобы быть руководителемъ къ истинѣ и къ источнику ея—Богу, сдѣлался полнымъ соблазновъ. Почему пророки, апостолы, евангеліе и всѣ просвѣщенные люди принуждены увѣщавать наст, чтобы береглись міра, чтобы бѣгали міра сего лукаваго. Ахъ, странное превращеніе! „Тебѣ, Господи, правда, а намъ стыдъ лица" (Дан.. 9, 7).

Не должно думать, аки бы міръ самъ чрезъ себя худъ былъ; нѣтъ, онъ есть дѣло рукъ премудраго Художника. Но мы благое Божіе сами себѣ обратили во вредъ: врачевство спасительное, которое намъ дано въ животъ, то употребили себѣ въ смерть, „да явится, сколь силенъ грѣхъ, благимъ мнѣ содѣвая смерть" (Римл., 7, 13), какъ разсуждаетъ Апостолъ премудрый.

Почему прямо отсюда слѣдуетъ, что мы зерцаломъ тварей къ полученію совершеннаго о Богѣ и блаженствѣ нашемъ познанія до-

вольны быть не можемъ, но имѣемъ нужду, чтобы сію божественную міра книгу, нашимъ нерадѣніемъ потемненную, протолковалъ. Однимъ словомъ, нужда намъ искать яснѣйшаго зерцала.

Такое есть зерцало вѣры, къ которому, подлинно, нѣсколько руководствуетъ и зерцало тварей, но свѣтлости сего уступаетъ. Оное общее есть людямъ всѣмъ и самымъ грубымъ: сіе есть собственно единымъ просвѣщеннымъ. За такое зерцало почитаемъ мы откровеніе вѣрою пріемлемое. Но что видимъ мы въ зерцалѣ семъ? Видимъ во-первыхъ, недостатки наши, и что мы весьма далеко отстоимъ отъ онаго конца, для котораго созданы мы. Послѣ сего вѣра возводитъ насъ на славнѣйшее зрѣлище, на которомъ усматриваемъ мы, что Самъ Богъ милосердіемъ будучи подвиженъ, одѣвается въ плоть нашу и славу Божества Своего сокрываетъ подъ покрываломъ смертнаго человѣческаго естества; а, въ семъ будучи состояніи, открываетъ Онъ намъ вѣчныя истины спасенія нашего и, смертію Своею удовлетворивъ правосудію, все богатство благости Своей истощаетъ на насъ. Чрезъ что не токмо успокаиваетъ Онъ совѣсть нашу отъ страха гнѣва Божія трепещущую, но и блаженными надеждами наполняетъ. Сей есть свѣтъ, который мы изъ зерцала вѣры почерпаемъ. О чемъ такъ восклицаетъ богогласный Павелъ: „Премудрость глаголемъ въ совершенныхъ, премудрость же не вѣка сего, ни князей вѣка сего престающихъ“, то есть, со смертію которыхъ вся наука исчезаетъ; „но глаголемъ премудрость Божію, въ тайнѣ сокровенную, юже никтоже отъ князей вѣка сего разумѣ“ (1 Кор., 2, 6—8). И на другомъ мѣстѣ: „Мы вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, въ той же образъ преобразуемся отъ славы въ славу, яко же отъ Господня духа“ (2 Кор., 3, 18).

Зерцало сіе божественное всѣмъ открыто. Ибо милосердый Избавитель нашъ велегласно всѣхъ призываетъ къ Себѣ: „Пріидите ко Мнѣ и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся“ (Псал., 33, 6). Онъ предваряетъ о себѣ: „Явленъ быхъ не ищущимъ Мене, обрѣтохся не вопрошающимъ Мене“ (Ис., 65, 1). Свидѣтеля въ томъ имѣемъ мы нынѣшняго Закхея, трепетная душа котораго не дерзала приступить къ Проповѣднику спасенія,—почему, взлѣзши на дерево, издалека умиленныя очи свои обращалъ на Него. Но милосердый Владыка, проникая во внутренность сердца его, объявилъ, что Онъ желаетъ его страннолюбіемъ угощенъ быть, и что Онъ хотя грѣха отвращается, но грѣшника кающагося пріемлетъ.

Такимъ свѣтомъ осіяваетъ насъ зерцало вѣры, но, совсѣмъ тѣмъ, великій Павелъ и сей вѣры свѣтъ находитъ несовершеннымъ. Онъ объявляетъ, что мы въ жизни сей „вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ“

(2 Кор., 5, 7), какъ будто бы вѣрою мы ничего не видимъ; или хотя и видимъ, но „яко въ зерцалѣ и въ гаданіяхъ“ (I Кор., 13, 12), то есть, поверхность одну сокровенныхъ вещей, да и ту темно, „въ гаданіяхъ“. Кто убо не признается, что должно быть еще другое яснѣйшее зерцало, въ которомъ бы Богъ намъ познаніе Свое сообщилъ совершеннѣйшимъ образомъ? Да и подлинно мы, присносущнаго свѣта сіяніемъ, нѣкогда просвѣщеннымъ себѣ быть надѣемся. Ибо мы уже въ сердцѣ своемъ находимъ сея надежды основаніе, которому должно совершиться, и предвкусили уже сладость будущаго совершенства.

Третіе убо въ свое время откроется намъ, слушатели, зерцало славы, въ которомъ мы по Апостольскимъ словамъ „узримъ Бога лицемъ къ лицу“ (I Кор., 13, 12), а по ученію Іоаннову, „узримъ его, яко же есть“ (I Іоан., 3, 2), то есть, несозданная и непостижимая оная красота такъ себя откроетъ, какова она сама въ себѣ есть, и сколько бренный нашъ умъ вмѣстить возможетъ. О, состояніе, которое желаніе всякое превосходитъ! Но, чтобы о немъ обстоятельнѣе говорить, надобно особеннаго времени, а притомъ, понеже еще его „наше око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце наше не всходило“ (I Кор., 2, 9), то остается молить Тебя, Боже и Отче Господа нашего Іисуса Христа, да сподобимся и мы видѣть свѣтъ славѣ Твоея въ свѣтѣ блаженнаго лицезрѣнія Твоего. Аминь.

Слово въ недѣлю Мясопустную *).

„Пріидетъ Сынъ Человѣческій въ славѣ Своей“.

(Матѳ., гл. 25, ст. 31).

Было пришествіе первое, будетъ же и второе: первое было смиренное, второе будетъ славное; первое подобно было дождю сходящему на руно и капли каплющей на землю, второе подобно будетъ молніи, которая, освѣтивъ востокъ, вдругъ досягаетъ и до запада: „освѣтитъ молнія Его вселенную, увидѣтъ и подвижится земля, горы яко воскъ растаютъ отъ лица Господня, отъ лица Господа всея земли“ (Псал., 96, 4—5). Ибо въ первомъ Сынъ Человѣческій пришелъ спасти міръ, во второмъ пріидетъ судить міръ.

И понеже сей судъ имѣетъ быть съ тѣмъ, чтобы воздать всякому по вѣрѣ его и по дѣламъ его, слѣдовательно, судъ сей страшенъ только будетъ невѣрнымъ и нераскаяннымъ грѣшникамъ; а вѣрнымъ и въ благочестіи до смерти пребывшимъ желателенъ и радостенъ. Тѣ вос-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1765 г., февраля 6 дня.

трепещутъ, чувствуя изливаемую на себя чашу ярости гнѣва Божія, а сіи возвеселятся, пріемля несказанное награжденіе за подвигъ вѣры и добродѣтели. Одни отъ горести духа будутъ кричать горамъ: „падите на ны“; и холмамъ: „покрыйте насъ“ (Апок., 6, 16); другіе въ веселомъ восторгѣ пѣть будутъ пѣснь, пристойную браку Агничу. „Возвеселится праведникъ, егда увидитъ отмщеніе: руцѣ свои умыетъ въ крови грѣшника: И речетъ человѣкъ: аще убо есть плодъ праведнику, убо есть Богъ судя имъ на земли“ (Псал. 57, 11—12).

Какое имѣетъ быть страшнаго суда сего происшествіе; о томъ говорить я теперь не намѣренъ, ибо нынѣшнее Евангеліе хотя кратко, но ясно и живо то намъ описало. Мы, вмѣсто того, изслѣдуемъ, *какая для насъ есть польза увѣреннымъ быть, что будетъ человѣческимъ дѣламъ судъ*“. А Ты, испытуяй сердца и утробы, Боже, Ты, Который сказалъ, что самое слово Твое будетъ насъ судить въ послѣдній день, сотвори, дабы оно намъ теперь было во спасеніе!

Нѣтъ дѣйствительнѣйшей узды для удержанія человѣческихъ склонностей, какъ то, что надобно нѣкогда во всѣхъ своихъ дѣлахъ дать отчетъ Тому, отъ Котораго яко всевѣдущаго ничего скрыть нельзя,— Который, яко справедливый, не знаетъ пріятія лицъ, и Который, яко Пресвятый, равно гнушается нечестиваго и нечестія его,—однимъ словомъ, чтобы памятовать судъ.

Почему сія, кажется, и есть причина, что нѣкоторымъ непріятно, когда говоримъ о судѣ, или и совсѣмъ тому вѣрить не хотятъ, не иная, говорю, причина, какъ только, что напоминаніе сего не мало препятствуетъ исполненію ихъ склонностей: ибо человѣкъ обыкновенно, чего не любитъ, того и принять не хочетъ. Феликсъ все слушалъ хорошо Павла, но какъ помянулъ онъ ему о судѣ, смутившись Феликсъ Павлу сказалъ: „Теперь поди отъ меня, а когда время будетъ, я тебя призову“ (Дѣян., 24, 25). Но мы, въ противность словамъ вельможи сего, должны говорить: Душе Святый! пріиди къ намъ. Мы теперь имѣемъ время, мы призываемъ Тебя: открой намъ пользу ожидаемаго нами суда!

Первая польза есть, что мы чрезъ то возбуждаемся къ добродѣтели, надѣясь, что она не останется безъ награжденія. Послѣдняя слеза, пролитая нами отъ сожалѣнія о неповинномъ человѣкѣ, не будетъ забыта: наималѣйшая милостыня заплатится, скрытое сострадательное о другомъ воздыханіе предъ всѣмъ свѣтомъ будетъ прославлено: за доброе слово сынами Вышняго будемъ названы, за чашу студеной воды прольются намъ источники безсмертія, будетъ почтена предъ очами Божіими супружеская любовь, дѣвическая чистота, любовное пріятелей обхожденіе, подчиненныхъ къ высшимъ повиновеніе, высшихъ о подчиненныхъ попеченіе, всякое доброе намѣреніе не постыдится, прите-

жаніе похвалится, трудъ наградится, вѣрность прославится, ревность облобызается, подвигъ вѣры и всякой добродѣтели увѣнчается. Чтобы ты ни сдѣлалъ доброе въ тайнѣ, то „Отецъ небесный, видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ“ (Матѳ., 6. 4).

Разсуждая сіе, Государь безъ унынія будетъ сносить свои великіе труды, тѣмъ наипаче, что онъ ни отъ кого на земли награжденъ быть не можетъ; министръ будетъ хранить незазорную совѣсть, вѣдая, что нѣкогда откроются совѣты сердечные; церковный служитель симъ возбудится блюсти чистоту духа въ союзѣ вѣры; воинъ безъ страха свою будетъ проливать кровь; купецъ въ простотѣ сердца своего будетъ служить нуждамъ общимъ; земледѣлецъ безъ отягощенія будетъ влечь свой плугъ, увеселяя себя надеждою плодовъ въ будущей на небесѣхъ жатвѣ.

И хотя должны мы любить добродѣтель для нея самой, однако, чтобы больше къ ней прилежали, благоволилъ Богъ ободрить насъ къ тому надеждою воздаянія. Когда говоримъ, что добродѣтель сама себѣ есть награжденіе, не въ томъ говоримъ разумѣ, аки бы она, кромѣ самой себя, другого награжденія не имѣла, но что она, хотя бы отъ человѣка и презрѣна была, съ другой стороны—имѣетъ великія надежды. Да притомъ смертные люди и не имѣютъ, чѣмъ могли бы довольно наградить никогда не умирающую заслугу добродѣтели.

И какъ чаяніе будущаго суда возбуждаетъ насъ къ добродѣтели, такъ удерживаетъ отъ зла. Ибо увѣрены мы, что за всякое праздное слово должны будемъ дать отвѣтъ,—что всякое помышленіе взято будетъ на разсужденіе, всякая слеза внесется въ число, всякая обида поставится на мѣру, всякое преступленіе положится на вѣсъ. И сіе тѣмъ будетъ удобнѣе, что сама совѣсть будетъ всему тому доноситель, свидѣтель, и нѣкоторымъ образомъ судія, да и она же сама будетъ, которая осудится или оправдается. О! что, ежели бы сего не было страха?! И такъ всюду владычествуетъ порокъ, превращаетъ государства, разоряетъ земли, истребляетъ города, такъ, что вопль его доходитъ до самаго неба. А что, ежели бы сей узды не было“?

Но, о преблагого о насъ Божія промысла! какъ только надмится мысль наша разными своевольными предпріятіями, страхъ суда смиряетъ оную, и въ самомъ прихотей нашихъ стремленіи насъ останавливаетъ. Сей думаетъ, какъ бы, ограбивъ другого, себя обогатить; но, вотъ, уже его обнаженнаго несутъ во гробъ. Тотъ въ покоѣ почномъ безпокоитъ себя, выдумывая способы, какъ другого исповинно обнести, но вотъ онъ самъ позванъ къ Божіему нелицепріятному суду. Много мы затѣваемъ, и весьма далеко бросаемъ мысли свои, но въ самое то время, въ которое казалось, что мы договоръ сдѣлали съ смертію, дабы она

къ намъ никогда не приходила, въ самое сіе время вотъ перстъ Божій предъ твоими, человѣче, очами пишетъ: Мани, Θекель, Фаресъ, то есть „Богъ измѣрилъ жизнь твою, и сократилъ ее, положилъ на вѣсы Свои всѣ предпріятія твои, и показались предъ очами Его очень легки; разобралъ Онъ дѣла твои, и отбросилъ ихъ отъ лица своего“ (Дан., 5, 25). Охъ, какой страшный на пышность человѣческую ударъ! Послѣ Александра Македонскаго нашлись (вымыселъ) проекты, въ которыхъ сей властолюбивый Государь, не удовольствовавшись, что уже завоевалъ большую земли часть, хотѣлъ еще и въ другихъ вселенной углахъ оружіемъ своимъ смутить покой смертныхъ; но въ самомъ жару сихъ великихъ замысловъ холодная смерть поражаетъ его. Здѣсь язычникъ сказалъ бы ему: „теперь думай, Александръ, какъ тебѣ переѣхать черезъ Стиксово озеро“; а мы, христіане, сказали бы ему: „думай теперь, какъ тебѣ отвѣтъ дать имѣющему власть живота и смерти“.

По случаю разсужденія сего примѣтимъ мы, слушатели, что самая смерть намъ не мало благодѣтельствуетъ. Ибо, ежели бы никогда не умирали мы, никогда не перестали бы грѣшить, слѣдовательно, никогда не перестали бы безпокоиться. Такъ-то самое Божіе наказаніе есть намъ благодѣяніе!

Разсужденіе сіе есть сильное средство къ удержанію непристойныхъ склонностей. Оно злодѣянію есть мучительная язва, мздоимцу—бичъ, невоздержному—узда, своевольному—оковы, лѣнивому—возбужденіе, лжесловеснику—ограда. А ежели бы кто и симъ нимало не двигался, или по крайней мѣрѣ въ злодѣяніяхъ своихъ ни малаго признанія не имѣлъ, того почитать надо за солому, на сожженіе вѣчному огню уготованную.

Святое Писаніе отъ сего предостерегаетъ насъ, представляя въ примѣръ пять буихъ дѣвъ, которыя, ожидая пришествія жениха своего, задремали, черезъ что у нихъ и масло оскудѣло и огонь погасъ (Матѳ., 25, 8). Ахъ, дѣвы, подлинно, безразсудныя! надобно было вамъ частымъ воспоминаніемъ суда возжигать свѣтъ трезвыхъ мыслей и непорочныя совѣсти. И для того-то блаженный Іеронимъ обычай имѣлъ часто говорить: „ѣмъ ли я, пью ли я, или часто другое дѣлаю, всегда сей гласъ кажется звенитъ въ ушахъ моихъ: вставайте, мертвые, идите на судъ“!

При случаѣ сего христіанскаго ученія сказать надобно и то, что ежели бы люди не были увѣрены о будущихъ за добро и зло воздаяніяхъ: то никакое и общество стоять не могло бы. Ибо безъ сего чѣмъ государь удержитъ своихъ подданныхъ отъ зла? чѣмъ возбудитъ къ добродѣтели? Награжденіями, скажете вы, и наказаніями. Но много

бываетъ потаенныхъ злодѣйствъ, въ которыя проникнуть нельзя, много скрытыхъ добродѣтелей, которыя здѣсь безъ награжденія остаются. Такъ чѣмъ же, паки говорю, верховный начальникъ утвердитъ законы свои? Поистинѣ, напоминаніемъ Божія правосудія, которое ни злыхъ безъ наказанія, ни добрыхъ безъ награжденія не оставитъ.

Многіе со всею своею доброю совѣстію отъ нападковъ сильныхъ не имѣютъ насущнаго хлѣба, многія святыя души отъ клеветъ, отъ гоненій проливаютъ слезы цѣлые источники. Отъими отъ нихъ еще послѣднюю надежду будущаго Божія воздаянія, ты однимъ разомъ и добродѣтель уничтожишь, и ихъ поразишь отчаяніемъ. Іовъ, лишившись всего, чѣмъ міръ увеселяетъ насъ, лютою страдалъ язвою. Послушайте же, чѣмъ утѣшалъ себя сей великодушный мужъ: „вѣмъ,—говорилъ онъ,—яко присносущенъ есть, иже имать искупити мя и на земли воскресити кожу мою терпящую сія“ (Іов., 19, 25).

Такъ успокойте же жалобы свои вы, мнимые несчастливцы, и слезы свои растворите радостію. „Се, пріидетъ Господь на облацѣхъ, и мзда Его съ нимъ (Апок., 1, 7; 22, 12). Онъ отретъ слезы ваши; „и тогда возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не возьметъ отъ васъ“ (Іоанн., 16, 22).

Надобно признаться, впрочемъ, что мы не все-то напрасно терпимъ, но нѣкоторыя въ насъ суть грѣховныя раны, для исцѣленія которыхъ Врачъ душъ и тѣлесъ часто употребляетъ орудіе временныхъ наказаній и несчастій. Почему должны мы все сіе сносить съ благимъ терпѣніемъ, потому наипаче, что, по мудрствованію Апостолову, точно съ тѣмъ милосердный Господь намъ временно паказываетъ, „да не когда съ міромъ осудимся“ (1 Кор., 11, 32). Поражаетъ иногда плоть, „да духъ спасается въ день Господа нашего Іисуса Христа (1 Кор., 5, 5).

Наконецъ прибавимъ и то, что какъ смерть не рѣдко бываетъ нечаянна, такъ и судъ будетъ внезапный. Почему не надобно покаянія откладывать. Не знаемъ „въ какой часъ Господь нашъ пріидетъ. Да будутъ убо чресла наша препоясана, и свѣтильницы горящіи“ (Лук., 12, 35). А что еще не постигъ насъ страшный часъ сей, то да не будетъ намъ случаемъ своевольной безопасности, но доказательствомъ благости и долготерпѣнія Божія, которое насъ на покаяніе ведетъ. Молить Господа должно, чтобы въ грѣхи не впали мы, или, по крайнѣй мѣрѣ, во грѣхахъ бы не закоснѣвали. Но когда памятовать станемъ послѣдняя наша, по истинѣ или несогрѣшимъ, или во грѣхѣ не закоснѣемъ. Аминь.

Слово въ недѣлю вторую Великаго поста *).

(О ГРѢХѢ, КАКЪ ВИНѢ БОЛѢЗНЕЙ).

„Чадо! отпущаются тебѣ грѣси твои“.
(Марк., гл. 2, ст. 5).

Вотъ—умиленное зрѣлище и доказательство слабости нашего естества! Принесенъ предъ глаза общаго нашего Спасителя одинъ разслабленный, котораго лютая болѣзнь всего лишила движенія такъ, что онъ и той утѣхи не имѣлъ, чтобы могъ другому изъяснить свою болѣзнь. Однако, совсѣмъ тѣмъ сего разслабленнаго почитаю счастливѣе онаго, о которомъ упоминаетъ евангелистъ Іоаннъ (гл. 5). Тотъ тридцать восемь лѣтъ страдалъ симъ мучительнымъ недугомъ; и во все сіе столь долгое, наипаче больному, время ни одного человѣка не имѣлъ, который бы его разслабленные члены поднялъ и бросилъ въ цѣлительныя воды. Но сей не одного, а и четырехъ нашелъ такихъ благодѣтелей, которые не только его и съ одромъ на свои плеча взяли, но и прокопали верхъ того дома, въ которомъ находился тогда посланный съ небесъ милосердый Цѣлитель, окружаемый множествомъ народа.

Надобно удивляться и благодарить сихъ добрыхъ людей сострадательной благосклонности, но я больше удивляюсь несказанной Христовой благости, Который не только сего больного исцѣляетъ отъ болѣзни, но и отпущаетъ ему грѣхи. Спасителю Христе! разслабленный проситъ милосердіе Твое объ отнятіи только недуга: довольно было бы не презрѣть Тебѣ сего единаго прошенія. Но нѣтъ, чтобы истребить дѣло, напередъ истребляетъ Онъ того вину; надобно изсушить источникъ, чтобы удержать текущій оттуда потокъ беззаконія. А отсюда видно, „что болѣзней причиною есть грѣхъ“. Но какъ сіе предложеніе съ перваго вида кажется темно, оное обстоятельство разберемъ настоящею бесѣдою. А Ты, Врачу душъ и тѣлесъ, коснись бреннаго языка моего, и сотвори, да будетъ онъ проспть книжника скорописца!

Нѣтъ сомнѣнія, что первый человѣкъ созданъ не больнымъ, но здравымъ и крѣпкимъ. Но не такимъ, скажете вы, чтобы онъ со временемъ не могъ болѣзнямъ подверженнымъ быть. Подлинно, и я не спорю въ томъ, но опять же не созданъ точно съ тѣмъ, чтобы ему чрезъ всю жизнь разными родами болѣзней мучиться: ибо сіе ни съ благостію Божіею, ни съ правосудіемъ согласить бы было нельзя. Но зачѣмъ же, паки предложитъ кто, Богъ и далъ такое тѣло, которое болѣзнямъ могло быть подвержено? Да тѣло, какое бы оно ни было,

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1765 года, февраля, 27 дня.

должно быть тѣло, то есть, тлѣнію не противное. А чтобы самою вещею тѣло наше болѣзнямъ было неприступно, для сего довольныя милосердый Творецъ далъ предосторожности. Какія же именно,—для сего взойдемъ мы разсужденіемъ своимъ мало повыше.

Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, которыя оба существа имѣютъ свои склонности. Душа, яко чистое духовное существо, стремится до того, что ей предписываетъ разумъ, и единственное наслажденіе находитъ въ соединеніи съ Богомъ чрезъ добродѣтель. Но тѣлесныя склонности привязываютъ себя къ тому, что пріятно чувствамъ. Тѣлесныя склонности безгрѣшны и безвредны, ежели онѣ управляемы бываютъ разумомъ, и не производятся въ дѣйство, развѣ поколику онѣ не препятствуютъ успѣху добродѣтели. Въ семъ согласіи склонностей тѣлесныхъ съ душевными состоитъ и хранится ихъ благополучіе человѣческое какъ по душѣ, такъ и по тѣлу. Пока сіе согласіе пребываетъ непарушимо, блаженство человѣческое остается въ своей цѣлости; но когда склонности тѣлесныя преодолѣютъ разума силу, то такой случай есть ударъ, которымъ хижина блаженства разрушается. Преодолѣвающія разумъ склонности называются страстями.

Всякъ теперь видитъ, что первому человѣку, яко разумной и свободной твари, для сохраненія своего блаженства надобно было, всѣ силы употреблять, не попустить себѣ побѣдиму быть отъ склонностей чувствъ своихъ противъ закона разума. Ибо, если бы въ немъ сіе равновѣсіе не было нарушено, не было бы въ немъ мѣста страстямъ, слѣдовательно, не было бы приступа болѣзнямъ. Вотъ въ чемъ состояла спасительная и единственная противъ болѣзней предосторожность.

Но какъ въ первомъ человѣкѣ склонности тѣлесныя преодолѣли силу разума, и пріятности, ласкающія чувствамъ, опровергли здравое разсужденіе, чрезъ то тогда же спокойство души нарушено,—открытъ сталъ путь страстямъ, всегда противящимся разуму, и человѣкъ самъ сдѣлался плачевнымъ театромъ сей внутренней войны. Вмѣстѣ съ страстями взошли пороки, а съ пороками различныя напасти и болѣзни, болѣзни приводятъ тѣло въ слабость, а скорби и напасти и совсѣмъ сокрушаютъ. Такъ, вотъ, и видимъ печальное начало не токмо болѣзней, но и самой смерти.

Сіе разсужденіе есть непринужденное. Ибо и нынѣ чѣмъ больше кто противится страстямъ, тѣмъ меньше терпитъ болѣзней. Многіе пустынники, которые всѣми силами порабощали страсти свои, безъ дальнихъ болѣзней свою препровождали жизнь, и умирали такъ спокойно, какъ зрѣлое яблоко безъ всякаго принужденія и рванія само собою спадываетъ со стебля. Но чѣмъ больше кто отдаетъ себя пророкамъ; тѣмъ множайшими страждетъ недугами. Не самый ли повсе-

дневный опытъ доказываетъ, сколько пропадаетъ отъ пьянства, какими болѣзнями поражаетъ блудодѣйственная страсть,—сколько случается припадковъ отъ неумѣреннаго гнѣва или отъ зависти,—сколько разслабляетъ праздность,—сколько вредятъ здравію человѣческому неумѣренные труды, излишнія заботы, печали, клеветы и обиды другихъ; сколько полдаетъ людей война, которая съ одной стороны всегда бываетъ неправедная? Какъ есть неисчислимое множество страстей: такъ столько же есть и причинъ болѣзней. Кто убо не признается, что изъ сего источника проистекли различныя болѣзни, разслабленія, подагры, эпилепсіи, горячки, трясовицы, чахотки и прочія, которыхъ всѣхъ только исчислить еще до сихъ поръ лекари не могутъ.

И сіе-то сократило и сокращаетъ нашъ вѣкъ такъ, что многія животныя въ томъ берутъ у насъ преимущество. Ахъ, какимъ слабостямъ подвергъ себя человѣкъ! Боже праведный! на сей ли конецъ Ты создалъ сію бѣдную тварь? Никакъ, „Тебѣ, Господи, правда, а намъ стыдъ лица“ (Варух. 1, 15). „Пріиде кротость на ны, и накажемся“ (Псал., 89, 10). Когда воображаю всѣхъ въ свѣтѣ больныхъ, тогда представляется мнѣ пространнѣйшее поле убіенныхъ или еще убиваемыхъ отъ междоусобной войны, какая есть между разумомъ и страстями.

Но можетъ кто, въ противность разсужденію сему, предложить оное Христово слово, которое сказалъ Онъ о слѣпорожденномъ: „Ни сей согрѣши, ни родителя его, яко слѣпъ родися“ (Іоан., 9, 13). Или, когда, напримѣръ, слуга, стоя у кареты, отзнобитъ себѣ руки и ноги, чѣмъ бѣдный слуга согрѣшилъ? На сіе отвѣтствовать надлежитъ, что не изыскиваемъ мы здѣсь партикулярныхъ (особенныхъ) причинъ всякой болѣзни: ибо и очень можетъ статься, что одинъ будетъ имѣть болѣзнь, а другой будетъ виноватъ въ томъ: какъ, напр., причиною болѣзни помянутаго слуги есть немилосердый поступокъ господина его. Не изыскиваемъ мы здѣсь сего, не говоримъ о первоначальной и общей всѣхъ болѣзней причинѣ, за какую, безъ сомнѣнія, поставляемъ свирѣпствующую силу страстей. Такъ перестань же въ болѣзняхъ роптать ты, человѣкъ; почти съ благоговѣніемъ Создателево правосудіе и признай, что „кійждо плѣницами своихъ грѣховъ связуется“. Почему основательно христіанское богословіе учитъ, что, ежели бы человѣкъ не подвергъ себя страстямъ, не былъ бы подверженъ болѣзнямъ, слѣдовательно, не былъ бы плѣненъ смертію. Ибо причиною разрушенія не можетъ быть, развѣ противныхъ брань, какая брань внутрь насъ есть между страстями и разумомъ.

При семъ не оставимъ безъ примѣчанія и то, что, по разсужденію церковныхъ учителей, Богъ не попущаетъ быть злу, развѣ съ намѣреніемъ нѣкое оттуда произвести добро, не такъ, чтобы зло

мог о быть причиною добра; никакъ, но премудрость Божія, и самый случай зла обращаетъ въ добро. Болѣзней, напримѣръ, самихъ чрезъ себя не можно назвать добромъ; но и чрезъ нихъ Богъ приводитъ человѣка въ признаніе слабости своей, усмиряетъ его гордыя мысли, разрушаетъ дерзкіе замыслы, возбуждаетъ въ немъ размышленіе о будущей безболѣзненной жизни, и увѣряетъ о безсмертіи души, которая въ срединѣ самихъ болѣзней нѣкое отъ сокровенныя благія надежды чувствуетъ утѣшеніе. А притомъ нѣкогда болѣзни служатъ, „да явятся дѣла Божія чрезъ нихъ“ (Іоан., 9, 3), какъ и дѣйствительно оказалось на всѣхъ чудесно исцѣленныхъ больныхъ въ Евангеліи упоминаемыхъ и на разслабленномъ нынѣшнемъ.

Открыли мы настоящею бесѣдою раны свои; не оставимъ же присемъ случаи изыскать и средства къ излѣченію оныхъ. Лѣкари много изыскиваютъ способовъ къ уменшенію болѣзней, хотя не безъ того, что нѣкогда и они сами умножаютъ болѣзни. Намъ въ то входить нужды нѣтъ. Одинъ изъ прочихъ къ предохраненію отъ болѣзней способъ весьма у лѣкарей есть употребителенъ и дѣйствителенъ, „діета“, то есть, воздержаніе отъ нѣкотораго рода пищей. Сей способъ никогда неоспоримъ, когда предписываютъ его лѣкари; но много спорятъ, когда предписываетъ его Церковь. Лѣкарямъ вѣрятъ, но Церкви не вѣрятъ въ одной и той же матеріи: ибо Церковь, опредѣляя посты, тоже или очень сходное имѣла намѣреніе, какое имѣютъ лѣкари, предписывая діету. А ежели есть какое различіе, то сіе, что лекари бѣльше смотрятъ отнятіе болѣзни, Церковь—усмиреніе страстей. Но поелику сказано, что страсти суть причина болѣзней, то лѣченіе болѣзней надобно начать отъ лѣченія страстей.

Не почитаю же я за постъ, чтобы не ѣсть явствъ сихъ, а объѣдаться другими; но чрезъ постъ разумѣю воздержаніе отъ всякихъ явствъ растворенное духовнымъ Богомыслія брашномъ и услажденное солію благодати. И для того имѣть бы всегдашнее воздержаніе; но, понеже сіе по слабости нашей не возможно, Церковь опредѣлила воздержаться хотя въ нѣкоторые пристойные къ тому дни отъ явствъ, кои наипаче пріятны нашимъ чувствамъ. Тогда торжествуетъ разумъ, когда не жертвуемъ страстямъ; тогда чистится мысль, когда не утучняется плоть. И смотри притомъ снисхожденіе Церкви: не всѣ отъ насъ въ постъ отнимаетъ яства, но только кровавыя, которыя и безъ поста ѣсть ли или не ѣсть, о томъ многіе на обѣ стороны разсуждали, и еще разсуждаютъ.

Сіе неяденіе само чрезъ себя было бы ничто, ежели бы оно къ чему лучшему не приводило насъ. „Ниже бо аще ямы, избыточествуемъ, ниже аще не ямы, лишаемся (I Кор., 8, 8), то есть, когда

ѣдимъ, ничего добродѣтели чрезъ то намъ не прибудетъ; и когда не ѣдимъ, ничего не убудетъ. Почему, дабы неядѣніе имѣло свою пользу, надобно, чтобы оно соединено было въ молитвою. Чрезъ молитву я разумѣю отведеніе себя отъ многихъ заботъ, отъ унынія, происходящее изъ того спокойство мыслей, и возношеніе внутренняго ока къ несозданному свѣту. Такимъ образомъ расположенная мысль въ тайнѣ бесѣдуетъ съ Богомъ, и наслаждается понятіемъ чистыхъ истинъ, Ежели постъ нашъ съ симъ соединенъ будетъ, тогда самимъ дѣломъ исполнится на насъ Христово слово: „сей родъ“, то есть, родъ различныхъ страстей и болѣзней, „ничимже изгонится, развѣ токмо молитвою и постомъ (Матѳ., 17, 21).

Но со всѣмъ нашимъ старательствомъ и осторожностію не можемъ мы здѣсь быть безъ всякихъ страстей: такъ не можемъ же быть и безъ всякихъ болѣзней. Всякъ изъ насъ имѣетъ нужду съ Давидомъ говорить: „немощенъ есмъ: изцѣли мя Господи, яко смятошася кости моя, и душа моя смятеся зѣло: и Ты, Господи, доколѣ“ (Псал., 6, 3—4)? Почему надобно часто взирать къ нестарѣющей вѣчности и къ неболѣзненному животу, и памятовать оныя Павловы утѣшительныя слова: „сѣется“, то есть, повергается во гробъ тѣло наше „въ тлѣніи, востаетъ въ нетлѣніи: сѣется не въ честь, востаетъ въ славѣ: сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ“ (I Кор., 15, 42—43). То есть, въ воскресеніе праведныхъ тѣла наши уже никакимъ не будутъ подлежать страстямъ, никакими не будетъ страдать болѣзнями, не будутъ подвержены младенческимъ слабостямъ, будутъ же удалены и отъ дряхлой старости; но всегда—крѣпки, здравы, и въ полномъ цвѣтѣ неувядаемой красоты—и тамъ-то уже, въ будущей, говорю, жизни совершенно будетъ доказано, что гдѣ нѣтъ грѣха, тамъ нѣтъ и болѣзней. Аминь.

Слово въ недѣлю четвертую Великаго поста *).

(О МОЛИТВѢ).

„Сей родъ ничимже можетъ изыти,
токмо молитвою и постомъ“.
(Марк., гл. 9, ст., 29).

Нынѣ чтенная Евангельская исторія описываетъ ужасное страданіе одного бѣснуемаго человѣка, который, кромѣ того, что глухотою и нѣмотою былъ связанъ, разбивалъ себя на всякомъ мѣстѣ, изо рта точилъ пѣну, скрежеталъ зубами, вдругъ окаменѣвалъ много, разъ

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1765 года, марта 13 дня.

бросался въ огонь, много разъ въ воду. Какая лютая болѣзнь! Боже м ій! гдѣ—оная красота, которую Ты вліялъ въ разумную тварь Твою? Гдѣ—оный блаженный конецъ, для котораго созданъ человѣкъ? Кто въ священную пшеницу Твою всѣялъ такіе плевелы? Но „судьбы Твоя, Господи, „бездна многа“ (Псал., 35, 7). Мы почитаемъ молчаніемъ пути тайныхъ Твоихъ премудрыхъ дѣйствій. Легче взвѣсить огня тягость, или измѣрить дыханіе вѣтра, или возвратить прошедшій день, нежели проникнуть въ оную бездну Божіихъ судебъ, опредѣленныхъ отъ самой вѣчности. Да и нужды нѣтъ въ такихъ вещахъ давать волю стремительному любопытству нашему. Довольно намъ увѣреннымъ быть, что Вышній всѣ Свои дѣла располагаетъ „числомъ и вѣсомъ и мѣрою“, все управляетъ премудро. Притомъ, видя болѣзнь, видя страданіе то на другихъ, то на самихъ себѣ, довольно признать слабость свою и повинность свою, довольно для насъ сего. А когда еще хочемъ знать, какъ предохранять себя или избавляться отъ такихъ печальныхъ случаевъ, вотъ милосердый Спаситель, предваряя желаніе наше, встрѣчаетъ насъ съ дѣйствительнымъ врачевствомъ: „сей родъ“,—говоритъ Онъ,—знайте, что „ничимже можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ“. О постѣ прежде нѣсколько говорили мы: теперь побесѣдуемъ о *молитвѣ* и объ околичностяхъ ея. А Ты, просящихъ надежда, Боже, исцѣли языкъ и уши наши, чтобы слышать и возвѣщать истину Твою среди священнаго храма Твоего.

Въ Христовомъ словѣ подъ именемъ молитвы заключается все то, что надлежитъ до богослуженія, а именно, всякія прошенія, благодаренія, славословія, богомыслія и всякое честное упражненіе, ведущее насъ къ добродѣтели, слѣдовательно, и къ Богу. Много надобно бы было времени, ежели бы о всемъ томъ говорить обстоятельно. И для того возьмемъ мы теперь молитву въ семъ только разсужденіи, поелику она есть возношеніе мысли нашей къ Богу съ прошеніемъ отъ него душеполезныхъ благъ.

Сія молитва есть или внутренняя, или внѣшняя. Но дѣйствительна есть одна только внутренняя, ибо внѣшняя или наружная безъ внутренней не такъ, есть молитва, какъ богомерзкое лицемѣрство. Внутренняя можетъ быть безъ внѣшней, но не можетъ быть внѣшняя безъ внутренней; при внутренней молитвѣ не должно пренебрегать и внѣшнюю. Ибо, кромѣ того, что не возможно, чтобы внутренняя горячесть духа не оказала себя чрезъ нѣкіе наружные знаки, какъ, напримѣръ, почти нельзя, чтобы отъ крѣпкаго сокрушенія сердца не потекли слезы, или не открылось бы воздыханіе; кромѣ сего, говорю, наружные знаки благочестиваго моленія много полезны быть могутъ къ возбужденію другихъ, а наипаче, когда молитва отправляется въ собраніи общемъ. Однако, со-

всѣмъ тѣмъ сердце прежде, нежели тѣло да преклоняетъ колѣна свои; сердце прежде, нежели руки да возносятся къ Богу; сердце прежде, нежели очи да точатъ слезы; сердце прежде, нежели одежда да раздирается; сердце прежде, нежели языкъ да бесѣдуетъ.

„Но Богъ и прежде прошенія нашего знаетъ нужды наши, такъ не для чего и просить Его о томъ“—можетъ, скажетъ кто. На что надлежитъ отвѣтствовать, что для того-то и надобно просить Бога, что знаетъ Онъ всѣ нужды наши. Подлинно, вѣдаетъ Отецъ небесный и прежде прошеній нашихъ, чего мы требуемъ (Матѳ., 6, 8), но, притомъ, вѣдаетъ и то, кому что надлежитъ дать. А въ разсужденіи сего часто человѣкъ не получаетъ того, что онъ получилъ бы, ежели бы усердною молитвою предварилъ всегда склонную къ благодѣтельству волю Создателеву. Богу равно желательно,—какъ дать тебѣ вещь просимую, такъ и видѣть твое сердце, склонное къ принятію. И Онъ даетъ, яко премудрый, и ты долженъ принять, яко тварь разумная.

Но, притомъ, знать надлежитъ, чего намъ надобно отъ Бога просить: ибо, по словамъ Апостольскимъ, „о чесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы“ (Римл., 8, 26). Столь недостаточны сами чрезъ себя понятія наши, что мы часто полезнаго для насъ не узнаемъ. Суть такія вещи, которыя всегда насъ пользуютъ; какъ, напримѣръ, любовь и страхъ Божій, добродѣтель, спасеніе наше. Такихъ благъ должны мы просить отъ Бога безъ всякаго сомнѣнія и со дерзновеніемъ приступать къ престолу благодати. Но суть же и такія вещи, которыя намъ не всегда полезны быть могутъ, за какія должно почесть: богатство, честь, здравіе, долговременную жизнь; не такъ, чтобы онѣ сами чрезъ себя были вредны; никакъ; но бываютъ такими, когда на зло употреблены будутъ. Почему, какъ Богъ благая сія даетъ часто и злымъ людямъ, слѣдуетъ, чтобы мы не излишне къ нимъ себя привязывали; даетъ же и добрымъ людямъ, чтобы мы ихъ не презирали.

Сихъ благъ не можемъ мы отъ Бога просить иначе, развѣ и самое прошеніе наше отдавая въ Его святую волю. Пускай такъ будетъ, какъ видитъ премудрость Его, и какъ угодно Ему; хотя бы то казалось и тягостно желаніямъ нашимъ. Мы какъ не можемъ проникнуть въ темноту союза вещей, такъ же не можемъ узнать, что изъ сего послѣдовать имѣетъ. Неплодная Рахиль съ горячностію желала имѣть сына; иначе хотѣла умереть, а не предвидѣла бѣдная, что рожденіе сына будетъ причиною смерти ея (Быт., гл. 30). Голодные ученики Елисеевы сѣли за столъ, и вмѣсто того, чтобы насытить себя, примѣтили въ поставленномъ сосудѣ вредную пищу и поэтому къ Пророку возопили: „Смерть въ конобѣ, человѣче Божій“ (4 Царств., 4, 40). Такъ часто и мы просимъ того, что и намъ получить не полезно и Богу дать не пристойно.

Мы предъ Богомъ – младенцы. А младенецъ часто проситъ ножа, часто горячаго уголья, но милосердая родительская утроба сіе отъ него удалятъ, несмотря на младенческія безполезныя слезы. Неотмѣнно получимъ мы отъ Бога или доброе, котораго часто не просимъ, или не получимъ худое, чего нерѣдко просимъ. И оттого, какъ о полученіи первыхъ благихъ, то есть, добродѣтели и спасенія, сомнѣваться мы не можемъ, такъ не должны роптать, ежели не получимъ другихъ. Въ первомъ случаѣ будемъ мы прославлять благость Его, а во второмъ—премудрость Его. Когда получимъ что, будемъ проповѣдывать милосердіе Его; а когда не получимъ, съ благоговѣніемъ почтимъ Его правосудіе. Такимъ образомъ, и полученіе благъ и лишеніе—оныхъ равно насъ пользовать будутъ.

А отсюда видимъ спасительное дѣйствіе молитвы. Руководствомъ ея мы находимъ въ Богѣ удовлетвореніе всѣхъ своихъ требованій, что сего можетъ быть полезнѣе? Мы чрезъ нее бесѣдуемъ съ Богомъ; что сего пріятнѣе? Мы чрезъ нее связуемся съ совершеннѣйшимъ добромъ; что сего для блаженства человѣческаго нужнѣе? Какъ скоро гласомъ молитвы нашей ко Господу воззовемъ—и Онъ съ высоты жилища Своего къ моленію нашему Свое преклоняетъ ухо. „Гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ, и услыша мя отъ горы святыя Своея“ (Псал., 3, 5). Ничѣмъ мы за то благодѣтелю Сему заплатить не можемъ, да и не требуетъ Онъ отъ насъ ничего, кромѣ благодарности. „Рѣхъ Господеви: Господь мой еси Ты, благихъ моихъ не требуеши“ (Псал., 15, 2). „Благослови убо, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя: и не забывай всѣхъ воздаяній Его, исполняющаго во благихъ желаніе Твое“ (Псал., 102, 1, 2, 5).

Но какъ не всѣ получаютъ прошенія свои, поэтому надобно разсудить, какимъ образомъ намъ молиться надобно. Молиться надобно, во-первыхъ, со вниманіемъ и сердцемъ больше, нежели языкомъ, чтобы не было, какъ сказано, и о насъ оное непріятное слово: „сіи люди устами Мя чтутъ, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене; всуе же чтутъ Мя“ (Матѳ., 15, 8—9). Знать, что такую сердечную молитву имѣлъ Моисей. Онъ молчалъ, устами ничего не произнося, но въ самое сіе время Богъ ему говоритъ: „Моисее! что вопіеши ко Мнѣ“ (Исх., 14, 15)? Боже духовъ! Моисей молчитъ; но Тебѣ единому открытъ сокровенный вопль человѣческаго сердца.

Подобной сердечной молитвы, славнѣйшій примѣръ показываетъ намъ Святое Писаніе на Аннѣ, Самуила пророка матери (1 Цар., гл. 1). Святая жена сія, будучи безплодна, горькое за то отъ всѣхъ терпѣла поношеніе. Этого чтобы избыть, прибѣгаетъ къ Тому, Который безплодныя разверзаетъ утробы и дѣлаетъ матерью, о чадѣхъ веселя-

щеюся. Прибѣгаетъ, говорю, Анна въ сокрушенномъ сердцѣ и во умиленномъ духѣ въ храмъ Господень; очи свои устремляетъ на алтарь, сердце же свое пускаетъ на небо, или и выше неба—къ Богу. Что же потомъ? Сердцу своему отдаетъ и гласъ и языкъ, чтобы такъ съ Самимъ бесѣдовать Богомъ; вопіетъ Анна, а гласа не слышно; бесѣдуетъ Анна, а языкъ не движется. „И та глаголаше, де, въ сердцѣ своемъ; устнѣ Аннины,—говоритъ похваляя слово Божіе,—движастеся, а гласъ ея не слышашеся". Что это за вопль съ молчаніемъ? Что это за молитва съ такою чудною тихостію? А это—то, что Анна молилась не такъ языкомъ, какъ сердцемъ. Говоритъ она сама: „изливаю предъ Господомъ душу мою" (1 Цар., гл. 1). Сердце у нея вопіетъ, и этотъ вопль чувствуетъ Анна, а слышитъ Богъ. О, сердце, жаръ котораго Анну въ такой восторгъ приводилъ! О, молитва, которая такъ тѣсно связываетъ съ Богомъ! Вотъ, живой молитвы примѣръ! Надобно намъ стыдомъ и срамотою пораженнымъ быть, когда подумаемъ о молитвахъ своихъ. Сколько предъ собою раскладемъ мы книгъ, сколько наговоримъ словъ, сколько лицемѣрныхъ воздыханій, сколько проворныхъ поклоновъ, а при всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ никакого не чувствуемъ въ себѣ сокрушеннаго удара. Читаемъ много молитвъ, да такъ, какъ бы бездушное тѣло, или какъ бы на нѣсколько часовъ заведенный языкъ. Хочемъ, чтобы Богъ внялъ молитвѣ нашей, когда ей не внимаемъ сами мы. Ежели какая, то, по истинѣ, сія молитва обращается въ грѣхъ. И такъ надобно молиться сердцемъ больше, нежели языкомъ.

Но, притомъ, молиться надобно съ признаніемъ недостатковъ своихъ, съ признаніемъ грѣховъ своихъ, и съ намѣреніемъ исправленія своего. Надобно напередъ признать свою скудость, чтобы получить благодати богатство. Нельзя тому ожидать грѣховъ прощенія, который притомъ думаетъ, чтобы ему отъ грѣховъ не отстать никогда. „Взыщите Господа,—вопіетъ Исаія пророкъ,—и егда обрящете Его, призовите: егда же приближится къ вамъ, да оставитъ нечестивый пути своя, и мужъ беззаконенъ совѣты своя, и да обратится ко Господу и помилованъ будетъ" (Ис., 55, 6—7). Недостатокъ же признанія и намѣренія сего былъ причиною, что принесенный отъ Израильтянъ въ жертву семидалъ, то есть, самую чистую муку, почиталъ Богъ суетнымъ, кадило—мерзостію, и самаго тучнаго тельца—псомъ. Но скажетъ кто, что мы грѣшны всѣ, и „грѣшниковъ Богъ не послушаетъ" (Іоан., 9, 31). Подлинно такъ, ежели въ грѣхахъ своихъ ни признанія, ни исправленія, ни отвращенія, ни стыда имѣть не будемъ. Богъ не послушаетъ; не такъ, что бы Онъ не готовъ былъ всегда помиловать тебя, но въ сердцѣ твоемъ, въ которомъ царствуетъ, съ нераскаяніемъ, порокъ,—не можетъ имѣть мѣста благодать.

Впрочемъ, не оставимъ безъ разсужденія и то, когда и гдѣ молиться надобно. Что касается до времени, Апостолъ говоритъ: „непрестанно молитеся“ (1 Сол., 5, 17). А непрестанно молиться—это всегда готовое къ молитвѣ имѣть сердце, всегда къ молитвѣ быть расположенному. Расположеніе сіе зависитъ отъ того, чтобы всегда въ честныхъ себя содержать упражненіяхъ. „Аще ясте, аще піете, аще ино что творите, вся во славу Божію творите“ (1 Кор., 10, 31).

Но особенное молитвѣ время, когда какое-либо Божіе къ себѣ благодѣяніе чувствуемъ, или прежде полученное воспоминаемъ, или усматриваемъ слабости и скудости наши, или неправедныя претерпѣваемъ гоненія; въ такихъ случаяхъ всякъ имѣетъ нужду съ Давидомъ говорить: „возведохъ очи мои въ горы, отнюдуже пріидетъ помощь моя. Помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю (Псал., 120, 1—2).

Когда святое Евангеліе не похваляетъ долгихъ молитвъ, то не потому, чтобы они сами чрезъ себя были порочны, не буди то (Матѳ., 6); но когда употребляются лицемѣрно, и когда кто думаетъ, что онъ уже тѣмъ Бога много одолжилъ, что нѣсколько прочелъ молитвъ, хотя бы, притомъ, внутри себя не чувствовалъ ни единаго сокрушеннаго удара.

Что же надлежитъ до мѣста молитвы, о томъ Апостолъ учитъ такъ: „хощу, да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣюще преподобныя руки (1 Тим., 2, 8). Почему, хотя и дома, да и на всякомъ мѣстѣ можно молиться Богу, но съ большею пользою и пристойностію можно молиться во храмѣ, гдѣ общее всѣхъ собраніе бываетъ, гдѣ совершаются тайны, и всѣхъ, яко едиными, устами общій Владыка прославляется.

И поэтому божественный Давидъ обыкновенно пѣвалъ: „Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ“ (Псал., 121, 1). Для чего бы тебѣ, Давиде святый, такъ радостно было домъ Господень посѣщать? Понеже, говоритъ, „тамо взыдоша“, то есть собираются, „колѣна колѣна Господня, свидѣніе Израилево, исповѣдатися имени Господню“ (Псал., 121, 1—4).

Разсуждая все сіе, чье сердце къ молитвѣ не будетъ возбуждено, а наипаче, когда къ тому присоединимъ благодѣянія Божіи, которыми мы всякій день наслаждаемся? Божія, вотъ, милосердія дѣло, что мы симъ свѣтомъ дня просвѣщаемся, ходимъ, другъ съ другомъ бесѣдуемъ, привѣтствуемъ, пришедши въ домъ, видимъ, что благость Его уготовала дать намъ пищу во благовременіи. Сіе не дѣйствительно-ли возбудить, чтобы мы въ самый тотъ часъ, какъ освѣтились бы днемъ, спѣшили поклониться Солнцу правды?

Однако, со всѣмъ тѣмъ, чтобы нынѣшнее разсужденіе наше имѣло свою силу, надобно внутреннее Духа Святаго дѣйствіе: и для того молимся Тебѣ, Отче небесный! Ты Самъ научи насъ молитися, ими же вѣси судьбами. Аминь.

Слово во святый и Великій пятокъ *).

(ОБЪ ИСТИНѢ).

„Азъ на сіе родихся и на сіе пріидохъ
въ міръ, да свидѣтельствую истину".
(Іоанн., гл. 18, ст. 37).

Слыша сіи слова, которыя произноситъ Сама Истина, долженъ міръ несказанно возрадоваться, предуготовить сердце свое къ принятію столь неоцѣненнаго сокровища и благодарить непзреченное Божіе милосердіе, „яко не по беззаконіемъ нашимъ сотворилъ есть намъ, ниже по грѣхомъ нашимъ воздалъ есть намъ" (Псал., 102, 10). Но— о, нечаяннаго и ужаснаго случая! Какъ только родилась Истина, тогдаже Иродъ смутился и весь Іерусалимъ съ нимъ (Матѳ., 2, 3). Пришла въ міръ Истина; и міръ Ее не позналъ. Вознесла любезный Свой гласъ Истина; и всѣ начали, затыкая уши, говорить: „что сей тако глаголетъ хулы" (Марк., 2, 7)? И для того жалуется Истина: „Господи! кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся (Ис., 53, 1)? Почему и не знаю я, чему здѣсь больше удивляться надобно? Божіему ли крайнему снисхожденію, или человѣческому несказанному ослѣпленію? Истинѣ ли, гонимой даже до смерти, или человѣку, гонящему даже до потери послѣдняго чувствія? Ахъ, міръ неблагодарный! И такъ ли ты принимаешь Истину? Вмѣсто того, чтобы скрыть Ее во внутренности души своей, скрываешь ты Ее въ темнотѣ подземнаго гроба. Напрасно же Ты и приходила въ міръ, любезная Истина! Сидѣть было Тебѣ при молніелучномъ престолѣ славы несозданныя, а сойти было въ міръ Божіему нелицепріятному правосудію, и обличить его, всею строгостію, во ослѣпленіи и жестокосердіи. Но—„ей, Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою" (Лук., 10, 21). Большее есть милосердіе Твое, нежели злоба наша. Выше есть премудрость Твоя, нежели сколько слабая мысль наша понять можетъ!

Сошла съ небесъ Истина и, сотканную отъ премудрости Божіей плоть на Себя надѣвъ, міръ сей посѣтить благоволила. Посмотримъ же,

---

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1765 года, апрѣля, 1 дня.

какъ міръ истину принялъ и принимаетъ? А Ты, сошедшая съ небесъ и умолкшая на крестѣ Истина, оживи теперь во устахъ нашихъ, да видитъ міръ, что гласъ пролитыя крове Твоея не умолкаетъ никогда!

АЗЪ НА СІЕ РОДИХСЯ, И НА СІЕ ПРИДОХЪ ВЪ МІРЪ, ДА СВИДѢТЕЛЬСТВУЮ ИСТИНУ.

Когда надобно міру засвидѣтельствовать истину, слѣдуетъ, что міръ или не зналъ истины, или отвергалъ истину, или содержалъ истину въ неправдѣ, то есть, лицемѣрилъ. Самъ, нынѣ нами проповѣдуемый, истины Страдалецъ говоритъ, что Онъ имѣетъ духъ, которымъ обличитъ міръ, „о грѣхѣ и о правдѣ и о судѣ“ (Іоанн., 16, 8). Сей міра грѣхъ былъ крайнее міра развращеніе.

Подлинно, человѣкъ созданъ по образу Божію и по подобію; но напослѣдокъ—въ сей, по образу Божію созданной, твари не можно было усмотрѣть ни слѣдовъ образа Божія, но нѣкоторый страшный мракъ, которымъ покрывшись, блудила по стезямъ непроходимымъ. Истинное богопочтеніе было опровергаемо или безбожіемъ, или многобожіемъ, или суевѣріемъ, или лицемѣріемъ. Порокъ преодолѣвалъ добродѣтель: пріятное предпочитаемо было полезному, а полезное нужному; прибытокъ ругался честности, и наружная красота за ничто ставила внутреннюю доброту; искренность ласкательствомъ была уничтожаема, и безразсудная смѣлость имѣла верхъ надъ истиннымъ великодушіемъ. О настоящей пользѣ было нерадѣніе; а о томъ, что кидалось въ глаза, излишнія заботы; въ судахъ присутствовала несправедливость, а дружескія обхожденія опорочены были хитростями; въ пріобрѣтеніи собственной чести и славы доходили до свирѣпостей безчеловѣчныхъ, а общее блаженство почиталъ всякъ для себя ненадобнымъ. Кратко: всѣмъ управляли чувства, а разумъ былъ опроверженъ и совѣсть насильствована. Сіе рода человѣческаго развращеніе было причиною, что преславныя имперіи, цвѣтущія республики и знаменитыя правительства разорились и погибли. Сколько ни было издаваемо законовъ, сколько ни было употреблено строгостей, но не могли удержать нагло текущій потокъ беззаконій; и скорѣе сами законы чрезъ злость человѣческую истребились, нежели, чтобы она чрезъ законы истребиться могла.

Разсужденіе сіе тѣмъ меньше сомнительно, что оно повседневнымъ опытомъ доказывается. А ежели бы кто сего не усматривалъ, то сіе было бы новымъ доказательствомъ развращенія человѣка, который, со всѣми своими недостатками, думаетъ, что онъ совершенъ.

Оставимъ мы теперь изыскивать, откуда сіе поврежденіе взяло свое начало, а только непосредственно отсюда заключимъ *первое*

что Богъ, яко преблагій, всего сего причиною быть не можетъ. *Второе*, что Онъ же, яко премилосердый, въ семъ заблужденіи насъ оставить не хочетъ. Къ отвращенію сего, кажется, даровалъ Онъ самый свѣтъ разума и здравую философію; но разума свѣтъ, какъ видѣли мы, былъ потемненъ, и философія непристойнѣйшими мнѣніями была опорочена. А хотя и промелькалъ въ нѣкоторыхъ свѣтлый лучъ разума; но онъ не доволенъ былъ преодолѣть оную тьму, которая покрывала всю вселенную. Были, подлинно, отъ начала міра богодухновенные мужи, были пророки, были и въ самомъ язычествѣ просвѣщенные люди, но сіи капли животной воды пожирала бездна пороковъ. Почему самая бѣдность рода человѣческаго, казалось, вопіяла къ Богу, чтобы Онъ Самъ ту тварь, которую создалъ, какъ она была ничто, помиловалъ, какъ она же предъ Нимъ по добродѣтели стала ничто.

Дошелъ вопль до небесъ, подвиглась милосердая Божія утроба, и посредствомъ безконечной премудрости самая предвѣчная Истина сходитъ на землю, принявъ на Себя покрывало человѣческаго естества, дабы предъ самыя наши чувства путь спасенія представить. Сынъ Божій Августѣйшую сію, чтобы быть избавителемъ человѣческаго рода, на Себя пріемлетъ должность. Міръ никогда не можетъ видѣть великолѣпнѣйшаго и милосерднѣйшаго Божіяго дѣйствія, какъ есть сіе Сына Божія на землю посольство.

Сей истинный Проповѣдникъ, Который пришелъ въ міръ, чтобы засвидѣтельствовать истину, открылъ на землѣ Свою небесную философію и чистѣйшее ученіе, какого родъ человѣческій никогда ни отъ кого слышать не могъ. Показалъ, въ чемъ состоитъ истинное человѣческое блаженство, и оное поставилъ въ нищетѣ духовной, въ слезахъ и смиреніи, въ кротости и милости, въ гоненіи и поношеніи, что совсѣмъ противно было мудрствованіямъ міра сего. Изъяснилъ понятіе о добродѣтели и порокѣ, и ихъ подлинности повелѣлъ искать не въ наружныхъ дѣлахъ, но въ самыхъ намѣреніяхъ и мысляхъ внутреннихъ, протолковалъ, какая противность между Богомъ и міромъ, между истиною и ложью, между добромъ и зломъ, опровергъ богомерзкія суевѣрства и лицемѣрія, обличилъ человѣческій родъ въ жестокосердіи и въ безмѣстнѣйшихъ заблужденіяхъ, увѣрилъ о несказанныхъ будущей жизни благахъ, и объявилъ, что Онъ есть посланный, для избавленія міра, Спаситель. Кто бы могъ подумать, чтобы сіе столь высокое и непорочное ученіе міръ презрѣлъ и отвергъ? Однако, со всѣмъ тѣмъ небесный Посланникъ и великаго совѣта Ангелъ „во своя пріиде, и свои Его не пріяша“ (Іоанн., I, 11).

Іудеи, коихъ предкамъ и потомству неоднократно обѣщанъ Мессія, избавитель міра, Его пришедшаго не познали, не приняли, отвергли

почли за льстеца и гнали даже до смерти. Напослѣдокъ, просьбами своими, оклеветаніями и угроженіями склонили Понтійскаго Пилата, чтобы онъ неповиннаго Іисуса осудилъ на безчестнѣйшую крестную смерть. Ходатай Бога и человѣковъ, призвавъ въ свидѣтели небо и землю, по принесеніи небесному Отцу самыхъ горячихъ молитвъ, которыми вручалъ Ему вѣрующихъ, по претерпѣніи всякихъ ругательствъ и по изліяніи всея крове, вознесенъ на крестъ и пригвожденъ на немъ. Вотъ, видимъ перваго за истину Мученика! видимъ и ужасаемся. Ибо самой Истинѣ заграждены уста, и умолкла Та, Которая есть веселіе Ангеловъ. Ужаснися небо, и вострепещи земле! благовременно ты, солнце, померкаешь, и ты, луна, прелагаешься въ кровь. Да и Ты, Отче небесный, оставилъ Истину безъ защищенія! Она къ Тебѣ съ креста вопіетъ: „Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ“ (Мато., 27, 46)? Но судьбы Твоя, Господи, бездна многа. Осужденная Истина сколь много осуждаетъ насъ, столь больше прославляетъ милосердіе Твое.

Видимъ мы теперь, слушатели, окончаніе происшествія, какъ истина принята отъ Іудейскаго рода, отъ возлюбленнаго Израиля, отъ первороднаго Сына. Мы не можемъ ихъ осудить, чтобы вмѣстѣ не осудить и самихъ себя. Ихъ печальному примѣру подражаетъ міръ. Какъ тамъ Іуда Истину продалъ, архіереи Ее предали, народъ кричалъ: „распни, распни“ (Лук., 23, 21), воины, ругаясь, сплетали Ей терновъ вѣнецъ; Пилатъ самый разбой предпочелъ Ей. Такъ, а не иначе и вездѣ истину принимаютъ. Изъ алтаря выгоняетъ ее неблагочинніе и скверный священниковъ прибытокъ; а изъ храма безстрашіе христіанъ и холодная молитва, до великихъ домовъ не допускаетъ ее ласкательство; а впущенную презираетъ гордость, или пренебрегаетъ невѣжество; до судебныхъ мѣстъ не даетъ ей приступу мздоимство; отъ купеческихъ лавокъ отгоняетъ обманъ, а простые дома давно уже заняты ссорами, грабительствомъ и пьянствомъ. Нѣтъ нигдѣ истинѣ мѣста, или и есть, но въ темницахъ, въ изгнаніяхъ, на крестахъ, во гробѣ. Когда такимъ образомъ міръ гонитъ истину, не должно думать, что онъ гонитъ только пустое имя; нѣтъ, гонитъ онъ Бога, Который есть самая истина; онъ паки распинаетъ Христа, главнѣйшаго истиннаго проповѣдника. И потому надобно опасаться грѣшной душѣ, что, празднуя теперь смерть Христову, она не есть ли сама причина смерти сея?

Но понеже міръ своего нрава и доселѣ не перемѣнилъ, всегда одинаковъ или, можетъ, и хуже становится; такъ, кажется, напрасно въ міръ и приходила Истина. О, да не будетъ сіе! Кровь пролитой Истины во многихъ душахъ изобильный произрастила плодъ. Свидѣтельствуетъ то Сама о Себѣ Истина: „Аминь, аминь глаголю вамъ: аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ,

многъ плодъ сотворитъ“ (Іоанн., 12, 24). Отъ сего благословеннаго сѣмени сколько возрасло благочестивыхъ царей, сколько просвѣщенныхъ пастырей, сколько добродѣтельныхъ мужей, сколько воздержныхъ праведниковъ, сколько мужественныхъ истины поборниковъ! Но и нынѣ сила пришедшей на землю Истины дѣйствуетъ во многихъ благочестивыхъ душахъ. Оставимъ мы дальніе примѣры. Ваше благочестивое собраніе — тому свидѣтель. Это дѣйствіе истины, что вы съ усердіемъ притекли въ сей священный храмъ, вы празднуете смерть неповинности, вы оплакиваете человѣческую слѣпоту, признаете свою бѣдность, проповѣдуете Божіе милосердіе. А наипаче Ты, всеавгустѣйшая Матерь наша, подражая блаженной Іисусовой Матери, мыслію Своею возносишься къ распятой Истинѣ; неоцѣненною непорочнаго Агнца кровію Ты обагряешь благочестивую душу Свою, а чрезъ то причастницею бываешь страданій Христовыхъ и подаешь намъ дѣйствительный къ благочестію примѣръ.

Но въ самое сіе время, какъ вы, благочестивые слушатели, въ столь богоугодномъ упражняетесь дѣлѣ, другіе заботятся о мірскихъ вещахъ, думаютъ о приближающихся веселыхъ дняхъ, чтобы въ оные воскресить страсти свои, а иные, чего безъ воздыханія нельзя сказать, ругаются сему таинству вѣры, и всю истину христіанства смѣшною представить стараются. Не знаю, коніе ли, проходящее до сердца, было болѣзненнѣе Христу, или такія ложныхъ христіанъ мысли? желчь ли, которою напоили Христа, горчае была Ему, или такія беззаконныя слова (Іоанн., 19, 29, 34)? Стоитъ при крестѣ возлюбленный Іоаннъ, стоитъ же и болѣзненная Мать. Умирающій Спаситель, указывая на ученика, сказалъ Матери: „се сынъ Твой“! указывая же на Мать, сказалъ ученику: „се Мати твоя“. Блаженная сія Матерь была образомъ Церкви, которая отъ умирающей Главы своей принимала послѣдній завѣтъ, а возлюбленный ученикъ представлялъ тебя, христіанинъ, что ты долженъ повиноваться спасительнымъ совѣтамъ Церкви. Какъ Іоанну, такъ и тебѣ, Истина, указывая на Церковь съ креста, вопіетъ: „се Мати твоя“. Ея нѣдра да будутъ тебѣ, христіанинъ, упокоеніемъ, Ея животворные сосцы —питаніемъ, Ея лице—утѣшеніемъ, Ея гласъ—наставленіемъ.

Но опять, при семъ о гоненіи истины разсужденіи, можетъ скажетъ кто: какъ не знать истины? она сама чрезъ себя свѣтла; какъ гнать истину? она властію своею всякаго поразить должна. Но смотри хитрость міра. Онъ это знаетъ, но какъ страсть сильнѣе въ немъ дѣйствуетъ, нежели признаніе совѣсти, то ищетъ онъ для сего наружныхъ видовъ. Посмотримъ, какъ воплощенная Истина осуждается. Архіереи Ее предаютъ, яко бы ревнуя по закону; народъ тоже; Пилатъ, яко бы

наблюдая покой общества. Если со стороны посмотрѣть, кажется—всѣ святые, всѣ праведные. Но—о, міръ лукавый! ежели усматриваешь истину, почто ее гонишь? Ежели хочешь гнать, почто прикрывательствъ ищешь? Міръ своего права не перемѣняетъ. И нынѣ, когда кто хочетъ кого съѣсть, выдумываетъ какія-нибудь прикрывательства. И такъ благочестивый пропадаетъ подъ видомъ суевѣра, справедливый—подъ видомъ упорнаго, разумный—подъ видомъ высокоума, смиренный—подъ видомъ лукаваго, искренносердечный презирается подъ видомъ глупаго. Но кто можетъ исчислить всѣхъ хитростей человѣческихъ виды? Праведно евангельское слово: „сынове вѣка сего мудрѣйши суть паче сыновъ вѣка онаго“ (Лук., 16, 8). То есть, добрый человѣкъ не можетъ столько выдумать способовъ къ достиженію справедливаго благополучія, сколько хитрый человѣкъ къ исполненію своихъ несовѣтныхъ намѣреній. Однако, и изъ самыхъ сихъ хитростей міра усматриваю я, сколь глубоко запечатлѣлъ Творецъ истину въ сердцѣ всякаго, что почти не можетъ человѣкъ гнать истину, развѣ противъ совѣсти.

Но перестаньте уже истину гнать вы, лицемѣры,—вы, вѣры презрители, ласкатели и грабители. Вы уже Истину вогнали во гробъ. Посмотрите на плоть сію, какъ она вся уязвлена, вся растерзана, вся сдѣлалась одною язвою. Вы, ласкатели, сіи сладчайшія уста заградили. Вы, клеветники, Его уши растерзали. Вы, грабители, послѣднюю ризу на Немъ изодрали. Вы, лицемѣры, копіемъ прободли сердце Его. Вы, презрители вѣры, источили изъ Него всю кровь. Не слышите ли, что сей Мужъ болѣзней къ вамъ говоритъ? Я вознесенъ на крестъ, чтобы васъ, падшихъ, поднять. Я распростеръ руки, чтобы васъ, разсѣянныхъ несогласіями, собрать во-едино. Я жажду, жажду спасенія вашего. Я васъ призываю искренно. Свидѣтельствуетъ сіе сердце, копіемъ открытое. Кровь Моя да омоетъ скверны ваши: жертва Моя да очиститъ беззаконія ваши. А ежели, со всѣмъ тѣмъ, до конца будете нераскаянны, не думайте, чтобы Я остался всегда въ семъ видѣ истощанія Моего. Нѣтъ: будетъ время, когда сія кровь воскипитъ гнѣвомъ, сей крестъ будетъ на обличеніе; сіи раны—на посрамленіе. Слова сіи милосердаго Избавителя слыша, ты, грѣшная душа, вострепещи!

А вы, которыхъ гонитъ міръ истины ради, вы, лишенные всякой человѣческой помощи, примѣромъ симъ утѣшайтесь. Вы проливаете слезы, а Глава ваша—кровь. Вы терпите скудость, а Онъ виситъ совсѣмъ нагъ на крестѣ. Вы въ гоненіи, а Онъ—во гробѣ. „Помыслите убо таковое пострадавшаго отъ грѣшникъ на себе прекословіе, да не стужаете, душами своими ослабляеми“ (Евр., 12, 3). Подумайте, печалиться ли вамъ больше надобно, что страждете, или радоваться, что сообразуетесь столь великому Страдальцу? Плакать ли вамъ, гони-

мымъ отъ людей, или играть, утѣшаемымъ отъ небеснаго Отца? Божественный Подвижникъ вашъ, какъ на крестѣ о грѣшныхъ молился, чтобы оставлены имъ были грѣхи, такъ всякому изъ васъ говоритъ: „днесь со Мною будеши въ раи“ (Лук., 23, 43). А страданій Его подражатель—Павелъ и подтверждаетъ то: „аще“, говоритъ, „съ Нимъ страждемъ, съ Нимъ и прославимся“ (Римл., 8, 17).

Спасителю Христе! Ты на крестѣ объ однихъ молился; а другихъ утѣшалъ. Что же, Радосте наша, скажешь намъ? Скажи и намъ, Милосерде: „Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ“ (Іоанн., 14, 27). Аминь.

Слово въ день рожденія Ея Императорскаго Величества, Екатерины II, Самодержицы Всероссійской *).

(ОБЪ ИСТИННОМЪ СОКРОВИЩѢ).

„Идѣже сокровище ваше, тамо и сердце ваше будетъ“.

(Лук., гл. 12, ст. 34).

Сердце наше, само по себѣ, есть только простая часть тѣла; но, притомъ, оно есть вмѣстилище желаній, хотѣнія и избранія безсмертной души. Такъ, вотъ—и видимъ, что мы, надѣвая на себя смертное естество, стремимся уже къ безсмертію. Первый входъ въ міръ сей есть первая ступень къ вѣчности. „Самый Духъ свидѣтельствуетъ духу нашему, яко есмы чада Божія“ (Римл., 8, 16). Плачъ раждаемаго младенца будто доказываетъ тлѣнность нашу: но во внутренности души зажженный огнь не можетъ надлежать, развѣ до невечерняго и несозданнаго свѣта. И для того надобно, по свидѣтельству Соломонову, „да возвратится персть въ землю, якоже бѣ, и духъ возвратится къ Богу, Иже даде его“ (Еккл., 12, 7). Почему жизнь сія по справедливости называется гостинница, странствованіе, поприще, путь и проч. Въ разсужденіи сего св. Павелъ о всѣхъ древнихъ, знаменитыхъ благочестіемъ мужахъ написалъ, что они, де, сами признавались, „яко странніи и пришельцы суть на земли“ (Евр., 11, 13). А изъ сихъ словъ ихъ заключаетъ Апостолъ, что они въ жизни сей отечествія искали: слѣдовательно, прибавимъ мы, не сыскали они въ мірѣ семъ „онаго сокровища“, о коемъ нынѣшнее поминаетъ Евангеліе; то есть, къ которому все сердце наше должно быть привязано.

---

*) Сказано въ присутствіи Его Императорскаго Высочества, мѣсяца апрѣля, 21 дня, 1765 года.

Поищемъ же *мы его* настоящею бесѣдою. А Ты, Сокровище благихъ, Боже! излей на насъ лучъ несозданнаго свѣта Твоего, и чрезъ то привяжи къ Себѣ сердце наше!

ИДѢЖЕ СОКРОВИЩЕ ВАШЕ, ТАМО И СЕРДЦЕ ВАШЕ БУДЕТЪ.

Сердце значитъ здѣсь желаніе вещи, попеченіе, радость, удовольствіе. Почему сокровищемъ для всякаго изъ насъ будетъ та вещь, которой мы единственно желаемъ, о снисканіи которой наибольше печемся; получивъ несказанно радуемся, которою наслаждаясь, совершенно успокаиваемся, и чтобы какъ ее не потерять, опасности не имѣемъ. Такая вещь была бы для насъ сокровище. Мы теперь можемъ оставить изъяснять, какъ люди въ избраніи истиннаго сокровища обманываются, когда иной къ сему, другой къ другому все свое желаніе привязываетъ. Ибо о семъ прежде нѣсколько разъ говорили мы. Почему, оставивъ сіе, войдемъ мы въ краткую, но пріятную бесѣду, что *единъ Богъ есть истинное человѣческое сокровище*. Сіе можемъ узнать изъ слѣдующаго разсужденія.

Желаніе наше всегда къ чему-нибудь простирается; но, притомъ, столь далеко, что ничѣмъ въ мірѣ уд вольствовано быть не можетъ, и столь нѣжно, что оно всѣхъ вещей одну только поверхность будто прикушиваетъ, но ничѣмъ совершенно не насыщается. Перебираетъ сердце человѣческое одну вещь за другой и, мало нѣсколько ими полюбовавшись, оставляетъ; но, между тѣмъ непрестанно къ чему-нибудь большему устремляется. Пускай протекаютъ предъ нами рѣки богатства, пускай оглушаетъ уши наши громъ честей; но рѣки богатства изсыхаютъ, и громъ честей пресѣкается, наконецъ, нѣкимъ пустымъ и непріятнымъ шумомъ. Они прошли; да чрезъ то не только не проходитъ желаніе наше, но паче раздражается. Ибо свойственно есть нашему желанію, что оно тѣмъ болѣе усиливается, чѣмъ меньше получаетъ.

Но надобно же, чтобы непрестанно движимое сердце наше имѣло желаніямъ своимъ предѣлъ. Сія души нашей сила есть вліяна отъ Бога: такъ она не напрасна; такъ должна она чѣмъ-нибудь удовольствована быть; да не услажденіемъ сего міра. Ибо душа есть безсмертна. Потому ищетъ она такого добра, которое съ нею и по смерти пребывало бы. Пускай бы насъ міръ здѣсь совершенно удовольствовалъ, но понеже онъ насъ и мы его должны нѣкогда оставить, то какая изъ того польза, чтобы мы благополучны были, когда временны были, то есть, когда для насъ сносно было быть благополучными; а лишились бы всего того, когда бы вступили въ нескончаемую вѣчность.

Однако, со всѣмъ тѣмъ—многіе не узнаютъ сего, что когда душа ничѣмъ здѣсь удовольствовать себя не можетъ, то надобно бы поду-

мать о совершенномъ ея добрѣ; но многіе сего не узнаютъ. А какъ, между тѣмъ, желаніе ихъ ни на какой одной вещи не останавливается, то они, чтобы убѣжать безпокойства сего, то-и-дѣло, что веселости перемѣняютъ. О, суета, не знаю,—смѣха или сожалѣнія достойная! Тѣмъ думаютъ утолить жажду свою, что больше ее умножаетъ.

Не къ тому я говорю, что человѣкъ долженъ быть всегда скученъ, и всякихъ и неповинныхъ увеселеній бѣгать; нѣтъ, но рѣчь мою склоняю къ тому, чтобы и самыя наши веселости не оставались безъ своей пользы. А самая лучшая изъ нихъ польза для насъ есть та, чтобы, усматривая, что никакая вещь здѣсь для нашего желанія недовольна, оттуда заключить: такъ міру сему всего своего сердца отдавать не долженъ я, такъ я созданъ не для міра сего, такъ надобно мнѣ думать о безсмертіи, о вѣчности, о Богѣ. Сей путь, по которому духъ нашъ идти стремится, есть не новый. По немъ шествовали уже всѣ просвѣщенные мужи, которые, отводя очи свои отъ временной красоты, обращали оныя къ красотѣ вѣчной. Со сладостію чувствуется въ ушахъ нашихъ Давидово пѣніе: „имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже“ (Псал., 41, 1). Вотъ—сокровище наше! такъ можетъ ли тамъ не быть и сердце наше? Но посмотримъ еще превосходство сокровища сего, и чрезъ то болѣе къ нему возгорится духъ нашъ.

Сокровище сіе Евангеліе называетъ неоскудѣемымъ,—то есть, такимъ, въ которомъ всѣ совершенства заключаются. Ибо Богъ есть источникъ неисчерпаемый всѣхъ добротъ. Въ Немъ—красота несозданная, премудрость безконечная, благость неизглаголанная, всемогущество неограниченное, изобиліе неистощаемое, услажденіе безсмертное, тишина несмущаемая, величество непостижимое; Онъ есть—весь желаніе, весь сладость, весь любовь. Свидѣтелемъ тому суть самыя твари, которыя столь прекрасны, что чувства наши до удивленія восхищаютъ. Когда же красотою ихъ услаждаемся, колико паче Владыка ихъ долженъ быть лучшій! понеже они не могли проистечь, развѣ изъ Источника красоты. Почему—духъ нашъ ничего болѣе желать не можетъ, ибо нѣтъ совершенства, котораго въ Богѣ не находилъ бы онъ. „Вся кости моя рекутъ: Господи, Господи! кто подобенъ Тебѣ (Псал., 34, 10)?

Когда дражайшій Спаситель пріуготовлялся къ подвигу смертному, тогда сладчайшую съ учениками Своими имѣлъ бесѣду. И какъ помянулъ Онъ имъ о зрѣніи небеснаго Отца, когда вопросилъ его апостолъ Филиппъ: „Господи! покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ“ (1оанн., 14, 8). Въ какомъ бы разумѣ сей вопросъ отъ Апостола предложенъ ни былъ, только содержитъ онъ въ себѣ истину высокую и неоспори-

мую: а именно, что когда бы мы совершенно съ Богомъ соединились, то ничего бы намъ не осталось больше желать; тѣмъ бы самымъ все желаніе наше было удовольствовано. „Господи! покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ“. Теперь намъ блистаетъ только малый нѣкій лучъ онаго несозданнаго свѣта, и мы нѣкоторымъ образомъ предвкушаемъ, а не насыщаемся нетлѣнной сладости, а когда сподобимся приняты быть въ незаходимыя небеснаго Отца обители, тогда увѣнчаемся совершенства вѣнцемъ. Тогда исполнятся радости уста наши и языкъ нашъ—веселія. „Господи! покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ“. Не просимъ мы, чтобы небесный Отецъ показалъ намъ Себя тѣлеснымъ образомъ; какъ-то, можетъ, просилъ Филиппъ: мы желаемъ и надѣемся, чтобы духъ нашъ былъ единъ духъ съ Господомъ. „У Тебе источникъ живота, во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ“ (Псал., 35, 10). Но возможно ли совершенно описать то, что ни на сердце человѣческое никогда не всходило? Почему, мало нѣчто еще сказавъ, бесѣду нашу окончимъ.

Сокровище сіе Евангеліе называетъ еще нетлѣемымъ и неветшающимъ. Сколько бы какое добро насъ ни услаждало, да ежели надобно когда-нибудь его лишиться, то оная сладость сею опасностію всегда будетъ огорчена, слѣдовательно, не совершенна. Но сокровище небесное когда единажды получимъ, никогда его не потеряемъ. Не боится оно завистливаго непріятеля, не опасается все истлѣвающаго времени, не смущается печалію, не пресѣкается болѣзнію, не знаетъ безпокойства страстей. Не наскучитъ оно, что будетъ чрезъ всю продолжаться вѣчность, ибо къ чему бы лучшему желаніе наше могло устремиться,—ничего не будетъ.

Симъ-то утѣшалъ Спаситель нашъ Своихъ учениковъ, когда посылалъ ихъ въ міръ, яко агницевъ посреди волковъ. „Не бойся, говорилъ Онъ, малое стадо, яко благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ царство“ (Лук., 12, 32). Не смущайтесь, Мои ученеки, что міръ на васъ нападетъ всею своею свирѣпостію. Утѣшайте себя тѣмъ, что вы имѣете наслѣдовать такое состояніе, въ которомъ васъ обезпокоить не сильна никакая человѣческая злость. Не бойся же и ты, христіанинъ, мірскихъ превращеній, гоненій, несчастій. Отецъ небесный тебя усыновилъ Себѣ, ежели же ты—сынъ, то и наслѣдникъ, и неоцѣненнаго наслѣдства сего не отыметъ отъ тебя никто.

Но при семъ нашемъ разсужденіи пришло мнѣ на память оное неудобь-вразумительное для насъ слово, которое сказалъ Богъ Моисею, что нельзя, де, человѣку видѣть лица Моего, чтобы онъ отъ того не умеръ. „Не бо узритъ человѣкъ лице Мое, и живъ будетъ“ (Исх., 33, 20). Возможно ли, чтобы умиралъ человѣкъ отъ лицезрѣнія Божія, въ чемъ состоитъ истинная человѣческая жизнь? „Да пускай бы я

умеръ,—говорилъ Августинъ,—только бы видѣлъ Тебя, Господи". Потому оныя слова значатъ только, что человѣкъ въ жизни сей, пока еще бременемъ тѣла отягощенъ, пока со страстями борется, пока рабъ есть грѣха, не можетъ вмѣстить вѣчнаго спокойствія и быть въ состояніи, удаленномъ отъ всякаго несовершенства. Того ради изъ всего сказаннаго нами заключить надобно: первое, чтобы о снисканіи помянутаго сокровища помышляли мы единственно, не такъ, что бы уже о другихъ вещахъ мірскихъ стараться намъ нельзя было; но чтобы и самыя здѣшнія попеченія нѣкоторымъ образомъ къ полученію онаго сокровища руководствовали. Второе, чтобы заблаговременно начинали усмирять силу страстей. Ибо какъ будущее блаженство здѣсь начинается, а совершается оно на небеси, такъ здѣсь надобно же начать и страсти усмирять.

Въ жизни сей началомъ будущаго блаженства почитаю я любовь добродѣтели, чистую радость, раждаемую отъ благихъ дѣлъ и спокойствіе совѣсти. Сіе благословенное начало усматриваемъ мы въ непорочной жизни Ея Императорскаго Величества, что тѣмъ пристойнѣе теперь ломянуть должны, что мы празднуемъ благочестивыя жизни Ея Величества благополучное начало: день, въ который добродѣтель Ея потекла въ путь свой. Ея Величество все Свое сердце посвятила оному неоскудѣемому и нетлѣемому сокровищу—Богу, Ея душа уловлена есть красотою добродѣтели, которой всю силу относитъ до общей пользы, общую пользу утверждаетъ на благочестіи, а все управляетъ къ славѣ Божіей. Украшаетъ Ея Величество высокая Монаршая честь не иначе, развѣ поелику она есть возвышеніе Ея подданныхъ. Не плѣняетъ Ее сокровище богатствъ, развѣ поелику они суть средство ко удовольствованію бѣдности и заслугъ. Ея Величество почитаетъ тогда Себя совершенно блаженною, когда съ блаженствомъ Своимъ соединяетъ и благополучіе наше. Въ священномъ Ея Величества лицѣ мы изображаемъ себѣ Мать благоутробную, Которая, восходя на высоту блаженства, обѣими руками вкупѣ съ Собою ведетъ и чадъ Своихъ. Церковь и отечество вседушно хотѣли бы Ея наградить заслуги, но не могутъ ничего достойнаго принести, кромѣ благодарности. Сіе признаніе нашей скудости умножаетъ славу Ея. Имѣешь ты, благословенная Россія, живой, отъ Божества данный тебѣ, примѣръ къ добродѣтели, къ благочестію и къ снисканію небеснаго сокровища. Имѣешь и Ты, пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ, въ дражайшей Родительницѣ Твоей, домашнее къ добродѣтели побужденіе. Ты, будучи оживляемъ благородною Ея кровію, вкупѣ оживляй себя духомъ Ея. А мы, подданные Ея Императорскаго Величества, чувствуя себя обязанными долгомъ благодарности, будемъ молить Бога, чтобы Онъ увѣнчалъ долгоденствіемъ, здравіемъ и благо-

получіемъ дражайшую для насъ жизнь Ея; чтобы Онъ Самъ горящему къ Нему сердцу Ея былъ и награжденіе и сокровище: награжденіе за услуги къ отечеству, а сокровище—за любовь Ея къ Нему. Аминь.

Слово въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ *).

(О ПРАЗДНОВАНІИ СВЯТЫМЪ).

„Всякъ иже исповѣсть Мя предъ человѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ".
(Мато., гл. 10, ст. 32).

Въ нынѣшній день Церковь прославляетъ добродѣтели всѣхъ святыхъ, которые просіяли на востокѣ и западѣ, и сѣверѣ и югѣ' во градахъ и селахъ, въ пустыняхъ и въ горахъ, въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ, во всякое время, начавъ отъ самаго созданія міра до настоящаго часа. И понеже всѣхъ ихъ исчесть нельзя: „изочту бо ихъ, и паче песка умножатся" (Псал., 138, 18); для того Церковь всѣхъ ихъ празднственную память въ нынѣшнемъ днѣ заключила, дабы тѣ, которые соединены были добродѣтелію, не раздѣльны были и торжествомъ. Потому празднуемъ мы нынѣ и древнѣйшихъ святыхъ праотцевъ и ревностныхъ пророковъ, и славныхъ апостоловъ и непобѣдимыхъ мучениковъ, и честныхъ воздержниковъ, и благочестивыхъ царей, и трудолюбивыхъ пастырей, и справедливаго судію, и вѣрнаго воина, и рачительнаго домостроителя, и добросовѣстнаго купца, и простосердечнаго земледѣльца, и всякій праведный духъ.

И хотя нынѣшнее Евангеліе поминаетъ только тѣхъ, которые исповѣдаютъ имя Христово предъ человѣки, то есть, о мученикахъ, но не противно будетъ подъ именемъ исповѣдниковъ Христовыхъ разумѣть и всѣхъ тѣхъ, кои добродѣтелію своею прославили небеснаго Отца. Нѣтъ теперь мучениковъ, ибо царствуетъ въ Церкви миръ подъ покровительствомъ благочестивыхъ монарховъ; такъ ужели имя Христово остается безъ исповѣданія? Нѣтъ гоненія, нельзя быть мучениками; такъ можемъ подражать мученикамъ. Для сего бо и празднуемъ память святыхъ, *чтобы ихъ воспоминаніе было наше наставленіе*, о чемъ и бесѣду мою благочестію вашему предложить намѣренъ. А для сего въ помощь призываю Твою, Боже, благодать.

---

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1765 года, мѣсяца мая, 29 дня.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ П. П. СОЙКИНА

(С.-Петербургъ, Стремянная, 12).

Новыя проблемы воспитанія. Религія. Нравственность. Сексуальное воспитаніе. *Евгенія Ловинскаго.* Цѣна 1 руб. 75 коп., съ пересылкой 2 руб. 10 коп.

Курсъ химіи для реальныхъ училищъ, средней школы и самообразованія. Сост. *К. И. Хворостанскій,* преподаватель естествовѣдѣнія въ СПБ. реальномъ училищѣ Н. В. Богинскаго. 2-е дополненное изданіе. Цѣна 75 коп., съ пересылкой 90 коп.

Библія и естествознаніе по вопросу о происхожденіи міра. Прот. *Н. Александрова.* Изд. 2-е, исправл. и дополненное. Цѣна 45 коп., съ пересылкой 60 коп.

Христіанское назиданіе. Сборникъ поученій на Символъ вѣры, Молитву Господню, Евангельскія блаженства и Десять заповѣдей. Сост. свящ. *А. Бархатовъ.* Цѣна 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 20 коп.

Церковныя бесѣды. Сборникъ поученій, сказанныхъ въ приходской церкви. Съ 18 священными изображеніями. Сост. свящ. *А. Бархатовъ.* Цѣна 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 руб. 50 коп.

Просвѣтитель сибирскихъ странъ Иннокентій, митрополитъ московскій и коломенскій. Сост. *Зинаида Барсукова.* Изданіе 2-е, съ 6 рис. Цѣна 50 коп., съ пересылкой 65 коп.

Вѣра и жизнь. Сборникъ религіозныхъ разсказовъ. Священника *П. А. Миртова.* Ц на 50 коп., съ пересылкой 70 коп.

Содержаніе: Подъ какимъ флагомъ. Безъ короля. Насущные вопросы. Жертвы войны. Жертвы моря. Подъ покровомъ Царицы Небесной. Драма жизни. Героизмъ духа. Вѣчное въ жизни. Среди друзей. Запросы и тревоги души. За трезвость. Смѣхъ сквозь слезы. Незамѣтные герои. Отцы и дѣти. Отголоски войны.

Библія въ картинахъ. Альбомъ стихотвореній, очерковъ и повѣствованій на библейскія темы. Составилъ *А. Корольковъ.* Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

Свѣточи русской земли. Игуменъ всея Россіи. Козьма Мининъ. Иванъ Сусанинъ. Патріархъ Гермогенъ. Архимандритъ Діонисій. Царь-Освободитель. Москва. Сост. *А. А. Навроцкій.* Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Цѣна 20 коп., съ перес. 30 коп.

Православіе, какъ основа жизни. Публичныя чтенія свящ. *Петра Полякова.* Объ основахъ жизни. Слѣды язычества въ жизни современнаго общества. Современное безбожіе или атеизмъ. О плодахъ духовныхъ. Церковь православная и современная жизнь. О разумной жизни. Вѣрный путь. Православіе, какъ основа жизни. **Посвящается протоіерею отцу Іоанну Кронштадтскому.** Цѣна 50 коп., съ пересылкой 70 коп.

Распни его! Изъ библейскихъ разсказовъ. Съ 6 изображеніями страданій Господа нашего Іисуса Христа. Ц. 20 к., съ перес. 30 к.

Божій человѣкъ. Изъ воспоминаній дѣтства. *Н. Ремерова.* Цѣна 10 коп., съ пересылкой 20 коп.

Добрыя души. Разсказы и картинки изъ школьной жизни. *Н. И. Ремерова.* Цѣна 50 коп., съ пересылкой 65 коп.

Содержаніе: Мотылекъ. Подснѣжникъ. Доброе сердце. Безъ матери. Передъ каникулами. Отрада жизни.

Манечка. Изъ записокъ школьнаго учителя. *Н. Ремерова.* Цѣна 15 коп., съ пересылкой 25 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1913 г.
(24-й годъ изданія).

ПРИРОДА и ЛЮДИ

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ
считается
съ 1-го ноября 1912 г.
по 1-е ноября 1913 г.

52 №№ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО **ЖУРНАЛА**
(романы, повѣсти, разсказы; статьи по всѣмъ отраслямъ знанія; современная жизнь; спортъ).
БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: абонементъ № 1 или № 2 или № 3, по выбору г.г. подписчиковъ:

Абонементъ № 1

44 КНИГИ = БОГАТО = **7.000 стран.** ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ПОЛНАГО СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ

А. ДЮМА

ГРАФИНЯ ШАРНИ.—КАВАЛЕРЪ КРАСН. ЗАМКА (Шевалье де-Мезонъ Ружъ).—АСКАНІО.—ДВѢ ДІАНЫ. — КОРОЛЕВА МАРГО. — ГРАФИНЯ ДЕ-МОНСОРО.—СОРОКЪ ПЯТЬ.—ЗАПИСКИ ВРАЧА (Жозефъ Бальзамо). — КАПИТАНЪ ПОЛЬ. — САНЪ-ФЕЛИЧЕ.—ЭММА ЛЮНА.—КОРСИКАНСКОВ СЕМЕЙСТВО.—ЖЕНЩИНА СЪ БАРХАТКОЙ. — Д-ръ СЕРВАНЪ. — САЛЬТВАДОРЪ. — ПАСКАЛЬ БРУНО. — ПРИКЛЮЧ. ЛИДЕРИКА.

Въ 1912 г. мы дали первую половину романовъ Дюма въ 40 книгахъ, а нынѣ приступаемъ къ изданію второй половины сочиненій знаменитаго романиста. Сюда войдетъ цѣлый рядъ увлекательныхъ произведеній, по богатству интриги и неисчерпаемому разнообразію сюжетовъ нисколько не уступающихъ романамъ первыхъ сорока книгъ романовъ А. Дюма.

Первыя 40 книгъ полнаго собр. романовъ А. Дюма можно получить за доплату 6 руб.

Абонементъ № 2

36 КНИГЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ **6.000 стр.** СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ЗНАМЕНИТАГО АМЕРИКАНСКАГО РОМАНИСТА

ФЕНИМОРА КУПЕРА

Шпіонъ.—Піонеры.—Лоцманъ.—Лионель Линкольнъ (Осада Бостона).—Послѣдній изъ могиканъ.—Красный корсаръ.—Прерія (Американскія степи).—Пѣнитель моря (Морская волшебница).—Браво (Венеціанскій бандитъ).—Слѣдопытъ (Путеводитель въ пустынѣ, или Озеро Онтаріо).—Мерседесъ де-Кастилья (Открытіе Америки).—Звѣробой. — Два адмирала.—Блуждающій огонь.—Хижина на холмѣ.—На сушѣ и на морѣ.—Сатанстоэ.—Краснокожіе.—Колонія на кратерѣ. — Морскіе львы (Охотники за тюленями).

12 КНИГЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО **2.600 ст.** = ЖУРНАЛА =

МІРЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ

(4-й годъ изданія).

Въ „Мірѣ Приключеній“ помѣщаются только новѣйшія произведенія выдающихся русскихъ и иностранныхъ беллетристовъ: научно-фантастическіе, бытовые и историческіе романы, увлекательные повѣсти и разсказы,—съ массою иллюстрацій.

Абонементъ № 3

18 КНИГЪ = общедоступныхъ = **2.000 стр.** научныхъ сочиненій

БИБЛІОТЕКА ЗНАНІЯ

подаваемая при ближайшемъ участіи и подъ редакціей

проф. Б. Ф. Адлера, Г. Г. Генкеля, проф. А. М. Никольскаго, проф. А. Л. Погодина, проф. Б. В. Фармаковскаго, прив.-доц. Л. В. Щерба и др.

Кн. 1. Какъ мы говоримъ. Кн. 2. Происхожденіе нашихъ домашнихъ животныхъ. Кн. 3. Культура дикихъ народовъ. Кн. 4—5. Погода и ея значеніе для практической жизни. Кн. 6—7. Молекулы, атомы, міровой эфиръ. Кн. 8—9. Доисторическая Греція. Кн. 10. Гигіена физическихъ упражненій. Кн. 11. Исторія колоній. Кн. 12—13. Индогерманцы. Кн. 14—15. Вавилонъ, его исторія и культура. Кн. 16. Природа и жизнь. Кн. 17—18. Географическій справочникъ.

7 КНИГЪ = ПОПУЛЯРНАЯ = **800 стран.** **АСТРОНОМІЯ**

К. ФЛАММАРІОНА съ особымъ прибавленіемъ

НОВѢЙШІЕ УСПѢХИ АСТРОНОМІИ

составленнымъ проф. К. Д. ПОКРОВСКИМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 52 №№ журнала «Природа и Люди» съ безплатнымъ приложеніемъ *одного изъ трехъ абонементовъ* (по выбору г.г. подписчиковъ) **6** РУБ. ВЪ ГОДЪ безъ дост. и перес. **7** РУБ. ВЪ ГОДЪ съ дост. и перес.

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ: при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальные. Или въ теченіе первыхъ 7 мѣсяцевъ, начиная съ ноября, по 1 руб.

Г.г. Подписчики **одновременно** съ подпиской на любой абонементъ, сверхъ того, могутъ получать, по своему выбору, *любыя приложенія* изъ другихъ абонементовъ, но за особую доплату, а именно: 36 кн. Ф. Купера за 3 р. 80 к. «Міръ Приключеній» за 1 р. 80 к. «Библіотека Знанія» за 4 р. «Популярная астрономія» за 1 р. 60 к. Сочиненія Александра Дюма 44 кн. за 5 р. 60 к. Разсрочка за доплатныя приложенія допускается отъ 1 рубля.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ. Издатель П. П. Сойкинъ.

тип. П. П. Сойкина, СПБ., Стремянная, 12.